

**МИНИСТЕРСТВО ВОСПИТАНИЯ, КУЛЬТУРЫ
И ИССЛЕДОВАНИЙ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА**

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Лилия БРАГА

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА**

Кишинэу • 2020

CZU 32(478)

Б 870

Монография рекомендована к публикации
Ученым Советом Института Юридических, Политических
и Социологических Исследований

В данной книге автор затрагивает проблемы, связанные с ориентационным уровнем функционирования политической системы, формирующейся в Республике Молдова в процессе демократического реформирования, предлагая рассматривать политические изменения, происходящие в стране, прежде всего, в контексте доминирующих тенденций глобально-исторической эволюции, подчиненной логике развития постиндустриального глобализирующегося мира. Система «фасадной демократии», выстраивающаяся в Республике Молдова, будучи отражением в специфической национальной форме глобальных процессов движения к постдемократии, ведет к разрушению ценностей, традиционно связываемых с демократией, продуцируя и репродуцируя в обществе политическую культуру, основными признаками которой является политическая апатия, скептицизм, дистанцированность от политики, расколотость и негативизм, что является специфическим «культурным» проявлением различных форм социального стресса, сопровождающего процессы актуального общественно-политического развития.

Книга подготовлена на основе статей, опубликованных в период 2010-2019 гг. в рамках Институциональных Проектов: «Resursele, mecanismele și efectele realizării puterii politice în Republica Moldova» (2009-2010); «Interacțiunea dintre stat și societatea civilă în Republica Moldova în contextul aprofundării reformelor democratice» (2011-2014); «Modernizarea social-politică a Republicii Moldova în contextul extinderii procesului integraționist european» (2015-2019).

Монография адресована широкому кругу читателей – специалистам в области политологии, философии, социологии, студентам и докторантам, а также всем тем кто интересуется проблемами актуального политического развития в нашей стране.

Научный рецензент: Виктор ЖУК, доктор хабилитат, профессор

Редактор: Тамара ОСМОКЕСКУ

Компьютерная верстка: Елена КУРМЕЙ

Обложка: Виталие ЛЕКА

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Брага, Лилия.

Политическая культура в Республике Молдова / Лилия Брага; научный рецензент: Виктор Жук; Министерство воспитания, культуры и исследований Республики Молдова, Институт Юридических, Политических и Социологических Исследований. – Кишинэу: Б. и., 2020 (IS FEP „Tipografia Centrală”). – 336 p.

Bibliogr.: p. 317-334. – 35 ex.

ISBN 978-9975-151-10-8.

32(478)

Б 870

ISBN 978-9975-151-10-8.

© Лилия БРАГА, 2020
© Институт Юридических, Политических и
Социологических Исследований, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	13
1.1. Роль субъективного фактора в процессе демократизации общества	13
1.2. Эволюция политической культуры на начальном этапе демократизации в Республике Молдова	46
1.3. Изменения в политической культуре молдавского общества в начале нового столетия	73
Глава 2. ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА	101
2.1. Особенности политико-культурных ориентаций молдавского общества в условиях демократического транзита	101
2.2. Гражданская культура как «резервуар демократии»	137
2.3. Роль электоральной культуры в функционировании политического режима Республики Молдова	177
Глава 3. «НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА	219
3.1. Симптомы «нового авторитаризма» в современном мире ..	219
3.2. Авторитарный трэнд Республики Молдова	243
3.3. Массовый электорат Республики Молдова как человеческий субстрат развития политических процессов	270
Заключение	299
Примечания	317

ВВЕДЕНИЕ

Кардинальные общественно-политические изменения, стартовавшие в Республике Молдова на рубеже последних десятилетий XX века, согласно традиции, установившейся в научно-исследовательской среде, принято называть демократической модернизацией. Использование самого понятия «демократическая модернизация» применительно к анализу процессов общественно-политического развития в стране расставляет исследовательские акценты таким образом, что, по существу, снимает вопрос о том в каком направлении происходит указанное развитие.

Осмысление политических процессов, преимущественно исходя из теории модернизации, не только фиксирует определенную направленность движения обществ, вступивших на путь реформирования, от авторитаризма к демократии, но и, в строгом смысле, представляет демократическое развитие по большей части как универсальный линейный процесс, приводящий к усвоению обществами «желаемых атрибутов Современности» [1, с. 19].

Переход к терминологии демократической модернизации по большей части стал отражением стремления многих исследователей уйти от понятия/теории демократического транзита, широко использовавшегося в начале перемен. Затянувшийся на долгие годы «переходный период», сопряженный со множеством явлений кризисного характера в общественной жизни, вынудил аналитиков к поиску нового научного инструментария, избегающего самого упоминания о состоянии некоего «перехода», но, в то же время, сохраняющего указание на сущность и направленность процесса.

В частности, исследователь В. Мошняга в свое время указывал на то, что использование понятия «транзит», отвечающего

на вопрос о том, «куда движется?» в своем развитии Республика Молдова, по существу исчерпало себя. Поэтому, по мнению исследователя, больше прав политолог В. Сака, который в своей исследовательской работе использует для анализа складывающейся в стране политической реальности понятие «трансформация», которое отвечает на вопрос «что изменяем?». Использование термина «трансформация» для характеристики происходящих в нашем обществе социально-политических процессов, по мнению исследователя, более адекватно и оправданно с точки зрения реальной неопределенности траектории общественного движения, существующей поливариантности альтернатив развития переживаемых обществом преобразований [2, с. 8]. На первый взгляд может показаться, что это лишь банальный «спор о понятиях», который практически ничего не меняет в представлениях о происходящих на сегодняшний день в стране политических процессах, демократическая направленность которых, как правило, не вызывает сомнений.

Однако это далеко не так. Возникший научный «спор о понятиях» по существу стал отражением того неоднозначного и во многом неопределенного состояния, в котором сегодня пребывает политическая реальность нашей страны. Порой даже складывается впечатление, что общественное мнение, глубоко сомневающееся в верности избранного страной пути развития, но при этом высоко ценящее демократию как символ благосостояния и процветания, способно дать более адекватную оценку происходящему. Поэтому, на наш взгляд, вопрос о том, каково содержание разворачивающегося в стране политического процесса, а, проще говоря, в каком направлении все-таки движется сегодня Республика Молдова, нисколько не утратил своей актуальности, а понятие «транзита» не только не исчерпало себя, но, напротив, приобретает новую наполненность и новый смысл в современных условиях. Приходится признать, что «переход» все еще не окончен. А вопрос о том, в каком направлении дви-

жется в настоящее время Республика Молдова, кажется даже менее понятным и очевидным чем в начале перемен.

На наш взгляд, не менее очевидным является также то, что сегодня весь современный мир находится в состоянии транзита, перехода в некое новое качественное состояние, порожденное специфическим для современной эпохи характером глобального общественно-исторического развития, провоцирующим стремительные перемены во всех областях общественного существования, включая сферу политики, развитие которой все более убедительно свидетельствует о глубокой деградации демократического мира. В этих условиях «старые» демократические теории не могут дать готовых ответов на множасьщиеся вызовы современности. Исходя из этого, в политологических исследованиях крайне важно сохранять реалистический подход, позволяющий изучать развитие политической сферы в ее динамике, с учетом тех изменений, которые происходят сегодня в политической жизни, порой до неузнаваемости меняя устоявшиеся представления о сущности происходящих процессов.

«Эпохи перемен», когда радикальные изменения во всех областях общественной жизни способны кардинально изменить облик обществ, когда «старое» и «новое» наслаивается друг на друга, переплетаясь причудливым образом, а ведущие тенденции развития еще слабо проглядывают сквозь хаос изменений, всегда представляют для исследователей крайне сложный объект для изучения. Адекватный анализ становится тем более сложным, если ожидаемый результат перемен не всегда совпадает с реалиями жизни. Началом такой эпохи для Республики Молдова, равно как и для других стран посткоммунистического пространства, стало вступление на путь демократического реформирования.

Сегодня, по прошествии трех десятков лет с начала радикальных перемен, становится ясно, что процесс демократического реформирования вовлеченных в него стран обладает

национальной спецификой, которая существенным образом отличает реформирующиеся страны между собой по темпам, содержанию и глубине происходящих изменений. Некоторые из указанных стран демонстрируют большую готовность к изменениям, другие, напротив, мало продвинулись по пути перемен. К числу последних принадлежит и наша страна, как, впрочем, и большинство стран постсоветского пространства. В этой связи, вопрос о том, почему Республика Молдова, так удачно стартовавшая в начале перемен и получившая в результате достигнутых на начальном этапе реформирования высоких результатов, став своего рода «историей успеха», в настоящее время утратила не только в темпах, но и в качестве перемен, является одним из наиболее актуальнейших вопросов отечественной политологии.

Перемены, происходящие в политической жизни страны, стали серьезным предметом научных исследований с самого начала кардинальных изменений. Нужно признать, что за годы перемен отечественная политология накопила немалый багаж знаний, раскрывающих самые различные аспекты проблемы демократического реформирования. Причем, с высоты сегодняшнего дня становятся отчетливо видны различные этапы в формировании научных представлений о процессе перемен в Республике Молдова.

На начальном этапе преимущественное внимание исследователей было сосредоточено на изучении классических демократических теорий, раскрывающих сущность функционирования системы демократии. Следующим, промежуточным, этапом в развитии политологических представлений о процессе демократического реформирования стало изучение молдавского опыта демократизации в его соотнесении с демократическим идеалом и разработка рекомендаций о том, как сделать политический режим страны более функциональным с точки зрения демократического развития. В основном речь шла «о попыт-

ках учесть теоретические наработки западных исследователей, переосмыслить в молдавских условиях выводы, сделанные в этой области российскими специалистами» [2, с. 6]. Сегодня же пришло время осознать, что складывающийся в стране политический режим со всеми его «издержками» и «недостатками» представляет собой некую специфическую объективную реальность, формирующуюся на национальной почве, но в общем контексте современных глобальных процессов общественно-исторического развития, которые определяют общую направленность перемен. Поэтому на первый план выдвигается вопрос о том, «какая демократия возникает в том или ином обществе» [2, с. 7]. В настоящее время политическая наука вообще, как на это справедливо указывает Д. Дзолло, цитируя слова Дж. Сартори, должна, избегая всякой идеализации, показывать, «что на самом деле представляют собой демократии в современном мире» [3, с. 61].

Представляется, что сегодня необходимо существенно изменить подход к анализу сферы политики, сосредоточив основное внимание на изучении политической реальности как данности, складывающейся в результате реформирования, уйти от политических иллюзий, осмыслить реальные тенденции развития политической жизни, а также понять, наконец, и принять то, что реализация декларируемой обществом высокой цели построения демократии по классическим лекалам западной демократии в современном глобализирующемся, постиндустриальном мире является, по большей мере, социально-политической утопией. Общественно-политические процессы, охватившие мир в конце XX века и названные в специальной литературе «глобальным движением к демократии», в настоящее время круто меняют свою направленность, делая модель демократии, основанную на участии, «абсолютно не актуальной в эпоху глобальной экспансии политической, экономической и военной власти» [3, с. 10].

Под влиянием тенденций глобального общественно-исторического развития демократия в ее классическом понимании все больше теряет в своем качестве, уступая место различным формам «фасадной демократии», а, по сути, переходя в состояние постдемократии. Один из таких вариантов «фасадной демократии» выстроен сегодня и в Республике Молдова. Здесь важно признать, что констатация подобного факта в развитии политической истории страны не должна звучать как обвинение в адрес Республики Молдова в ее неспособности подняться до высокого демократического идеала. Актуальный политический опыт Республики Молдова является лишь особой формой национального проявления исторической необходимости, доминирующей в современном мире и накладывающей свой специфический отпечаток на характер развития политической сферы. Это касается не только особенностей функционирования институционального уровня складывающейся политической системы, изучение которого призвано расширить представление о существующих политических реалиях. В значительной мере это касается и политической культуры, которая формируется в контексте постдемократического развития, выступая той гранью политической жизни общества, которая позволяет лучше всего судить о характере разворачивающихся в стране политических процессов.

Политическая культура, в основе которой лежат ценности и нормативные представления о власти и модели политического устройства общества, представляет собой специфический тип ориентаций на политическое действие, который придает особую специфику любой политической системе. Поэтому исследование складывающегося в стране политико-культурного контекста, выраженного в доминирующих в массовом сознании представлениях, нормах и ценностях, традициях и верованиях, моделирующих политическое поведение, является одним из

важнейших направлений политологического анализа. Изучение политико-культурных аспектов развития страны позволяет осознать глубину и реальную направленность происходящих в молдавском обществе политических изменений. В характерных для современного молдавского общества ориентациях людей на политические действия по сути закодированы и обобщены самые сложные коллизии нашего времени, которые дают возможность судить о качестве происходящих социально-политических перемен, заглядывая, так сказать, за «фасад» демократической системы.

Предпринятое исследование ставило своей целью изучение политической культуры как одной из важнейших граней функционирующей в стране политической системы, сложившейся в контексте развития процессов демократизации, стартовавших в стране в конце прошлого столетия. Следуя указанной выше цели, особое внимание в исследовании было уделено следующим вопросам:

1) изложению концепции политической культуры, раскрывающей сущность данного феномена и демонстрирующей тесную взаимосвязь между характером функционирования демократической системы и культурой демократии;

2) изучению политической культуры Республики Молдова в ее исторической эволюции;

3) анализу особенностей развития политической культуры в условиях радикальных общественно-политических перемен и выявлению ее наиболее характерных черт и признаков, позволяющих судить о качестве процесса демократического реформирования в Республике Молдова;

4) освещению проблем, связанных с формированием гражданской культуры как условия эффективного функционирования системы демократии, а также проблем, связанных с изучением особенностей складывающейся в стране электоральной

культуры как важнейшей части политической культуры общества, приобретающей решающее «культурное» значение для раз-
вертывания процессов демократизации в условиях «энтропии
участия»;

5) исследованию проблем, касающихся объективных и субъективных условий формирования специфических ориентаций людей на политические действия, складывающихся в эпоху гло-
бализации и постиндустриального развития и существенным образом предопределяющих политическое поведение людей.

Глава 1. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Успешность процесса реформирования политической системы на демократической основе во многом зависит от культурной составляющей мира политики. Это обстоятельство чрезвычайно актуализирует весь комплекс проблем, связанных с исследованием политико-культурного контекста современных общественно-политических трансформаций, разворачивающихся в настоящее время в Республике Молдова. В данном разделе особое внимание уделяется осмыслению места и роли политической культуры в формировании системы демократии, выявлению взаимозависимостей между уровнем развития политической культуры и успешностью процессов демократического транзита, а также изучению политической культуры, складывающейся в Республике Молдова, в ее исторической эволюции.

1.1. Роль субъективного фактора в процессе демократизации общества

Стартовавшие в Республике Молдова на рубеже XX-XXI вв. политические изменения стали составной частью современного общественно-исторического процесса, отличительной чертой которого является глобальный характер движения к демократии [1, с. 17-37]. Это движение сопряжено со многими трудностями и проблемами, с которыми неминуемо сталкиваются любые страны, вовлеченные в процесс демократического транзита. Общественные трансформации, идущие в странах, избравших для себя путь демократического развития, протекают далеко неодинаково, приобретая специфические модификации, укладываясь

в различные временные рамки. Вместе с тем, каждая из транзитных стран стоит перед необходимостью решения общих для всех участников процесса демократического реформирования проблем, связанных с повышением эффективности функционирования формирующейся политической системы, с укреплением социальной сплоченности общества.

Для построения полноценного демократического общества недостаточно лишь слома старой политической системы и создания на ее месте системы новых демократических институтов управления. До тех пор, пока вновь формируемая политическая система не начнет работать эффективно и слаженно, всегда будет оставаться опасность попятных движений, а демократическая реформа – сохранять незаконченный, половинчатый характер. В этой связи, повышение эффективности функционирования реформируемой на принципах демократии политической системы стало одной из наиболее важных задач текущего периода развития в Республике Молдова. С этой задачей тесно связана и задача политической консолидации общества, укрепления его сплоченности, вытекающая из самого понимания сущности политической системы демократии, трактуемой классиками западной политологии как совокупность взаимодействий, посредством которых в обществе властно распределяются ценности и их результаты признают все члены общества [2, с. 630-642]. Система демократии эффективно функционирует лишь там, где общество в значительной мере политически консолидировано. В этой связи политическая консолидация общества является одним из важнейших условий упрочения демократического режима властвования.

Успешность процессов демократического реформирования, безусловно, зависит от множества факторов, в числе которых важнейшую роль играют экономические, институциональные, исторические, культурные составляющие общественной жизни [3, с. 33]. Однако, если рассматривать указанную проблему

сквозь призму политической реальности, то на первый план выступает ее двойственный характер, вытекающий из сущности самого феномена политики.

Политика, как одна из важнейших сфер публичной жизни, представляет собой весьма сложное, многокачественное образование, функционирование которого является результатом взаимодействия самых ее различных аспектов и измерений, имеющих как объективный, так и субъективный характер. Будучи целостной системой общественного управления, политическая сфера имеет объективные законы своего развития и функционирования, обладает своими специфическими принципами, которые складываются и отшлифовываются на протяжении многих веков. В числе этих принципов такие, как целостность политической системы, узловое место государства в этой системе, консолидация именно в нем институтов власти, особая роль политических партий и др. Однако действие этих объективных законов решающим образом зависит от субъективного отношения человека к миру политики, от его идеально-целеполагающей деятельности [4, с. 164].

Для обобщенной характеристики субъективного контекста политики в современной политологии принято использовать понятие «политической культуры». В условиях демократии политическая культура, представляющая собой, в самом широком смысле слова, некое субъективное измерение мира политики, тот ее срез, в котором концентрируется и фокусируется все многообразие ее духовного восприятия [4, с. 163], приобретает особое значение для политического консолидирования общества. В этой связи, когда сегодня речь заходит о значимости субъективной составляющей мира политики для формирования политических отношений, вопрос по существу сводится к тому, какую роль играет политическая культура в политической жизни общества демократического транзита? В какой мере политическая культура способна содействовать устойчивости демо-

кратических изменений в политической сфере стран «молодой демократии»?

Указанная проблематика привлекает в настоящее время немалое внимание политологов транзитных стран. По большей мере, это обусловлено теми политическими задачами, которые стоят перед указанными странами на современном этапе развития – задачами оптимизации функционирования формирующейся политической системы, углубления процессов демократического реформирования общества, укрепления его сплоченности, создания условий, способствующих его успешному интегрированию в европейское сообщество.

В любом обществе влияние культуры на процессы, протекающие в политической сфере, является весьма значимым. Однако в условиях системы демократии значение культуры для становления политических отношений, укрепления сплоченности общества, усиления его устойчивости существенно возрастает [5, с. 109]. Современное движение обществ к демократии, по мнению некоторых аналитиков, вообще представляет собой культурный по своей сути процесс, поскольку «наличие демократической формы все больше и больше предполагается мировой культурой и международными организациями» [6, с. 444].

«Культурное» измерение было присуще политике, как одной из относительно самостоятельных сфер жизни общества, с момента ее возникновения. И то, что субъективное отношение человека к политике оказывает влияние на политическую жизнь общества, в значительной мере определяя специфику складывающихся в нем отношений, мыслители заметили достаточно давно. Еще с античности мыслители пришли к пониманию того, что культурная и этнографическая среда, внутри которой в различные исторические эпохи формировались определенные типы человеческого поведения, играет заметную роль в политической жизни общества. Над этим вопросом в свое время размышляли Платон и Аристотель, Николо Макиавелли, Боден и

Шарль Луи Монтескье, которые по существу заложили в европейской общественной мысли традицию выявления специфических культурных признаков тех или иных политических систем, трактуемых на этом этапе главным образом с точки зрения этнической психологии – как «народный дух».

Однако специфический термин для обозначения указанного феномена – «политическая культура» – появился в науке лишь в XVIII веке, будучи впервые использованным Иоганном Гердером в труде «Идеи к философии истории человечества» (1784-1791). Это стало серьезным импульсом для систематизации исследований субъективного измерения политики, хотя еще долгое время указанное понятие ассоциировалось с аспектами, рассматриваемыми в связи с изучением общественного мнения, психологии личности и национального характера [7, с. 371-391].

Позднее, в середине XX века, Габриель Алмонд (*Gabriel Almond*) в статье «Сравнительные политические системы» (1956) сформулировал концепцию политической культуры, которая предложила изучать мир политики сквозь призму указанного цивилизационного феномена, осознав, что если изучать разнообразные аспекты субъективного отношения человека к политическому миру, то открывается возможность глубже понять мотивацию политического поведения граждан и институтов, выявить причины множества конфликтов, необъяснимых исходя из традиционных для политики причин – борьбы за власть, перераспределение ресурсов и пр. [8, с. 427]. Изучая политические системы, Г. Алмонд выделил два основных уровня ее анализа – институциональный и ориентационный. В своем исследовании Г. Алмонд показал, что функционирование любой политической системы с необходимостью предполагает взаимодействие институционального уровня, образующего ее формальную структуру, включающую в себя политические институты с их функциями, нормами и механизмами действия, и ориентационного уровня, выражающего особые формы отношения

людей к разнообразным политическим объектам. Благодаря использованному подходу Г. Алмонд выделил и охарактеризовал особый класс политических явлений – политическую культуру [9]. Тем самым, в политическую науку была введена концепция политической культуры, позволившая глубже понять мир политики [10, с. 318]. Согласно концепции Г. Алмонда, каждая политическая система покоится на своеобразной структуре ориентаций относительно политического действия, которую политолог счел полезным назвать политической культурой, определив ее как «специфический образец ориентаций к политическому действию» [9]. Таким образом, согласно Г. Алмонду, политическая культура представляет собой одну из важнейших характеристик политической системы, исследование которой дает наиболее емкое представление о ее качественном состоянии, выступает одним из лучших критериев ее зрелости.

Свое дальнейшее развитие концепция политической культуры получила в работе «Гражданская культура» (Г. Алмонд, С. Верба, 1963), в которой значение самого понятия «политическая культура» было ограничено политическими ориентациями, характеризующими отношение индивидов к политической системе и ее отдельным элементам, роли личности в системе и т.д. В этой работе американские исследователи впервые наиболее рельефно обозначили также свое понимание роли политической культуры в функционировании системы демократии. Обратив внимание на неудавшиеся попытки перенесения западных политических институтов в новые независимые государства Азии, Африки, Латинской Америки, находившиеся на тот момент в ситуации выбора форм правления, западные исследователи предположили, что главной объяснительной причиной неудач демократического реформирования являются издержки в развитии политической культуры. Иными словами, исследователи пришли к убеждению, что предрасположенность определенных обществ к идеям демократии и невосприимчивость к ним других,

особенно к принципам толерантности, политической конкуренции и плюрализму, объясняется господствующими в обществах идеалами, установками, убеждениями, предписывающими населению ориентацию на определенные образцы поведения [11].

Проводя сравнительное исследование пяти различных по своему историческому опыту демократий (США, Великобритании, Германии, Италии и Мексики), Г. Алмонд и С. Верба пришли к выводу, что характер всего политического процесса в целом зависит от субъективных ориентаций (верований, чувств, настроений) участвующих в нем людей и «эмпирически заметным поведением». В этой связи, исследование субъективно-психологических предпочтений людей позволит понять развитие общества в целом [9]. Данное умозаключение легло в основу осмысления политического процесса в рамках развиваемого ими учения по демократической модернизации, согласно которому политический процесс стал рассматриваться преимущественно как некая равнодействующая акция различных социальных и политических субъектов [10, с. 394].

Опираясь на указанную парадигму, политическая теория трактует сущность политического процесса как специфическое взаимодействие субъектов и носителей политической власти на основе выполняемых ими политических ролей и функций. Содержание политического процесса в рамках рассматриваемой парадигмы сводится к совокупной деятельности институализированных и неинституализированных политических субъектов, рядовых граждан и представителей элит, направленной на осуществление политических решений в соответствии с преследуемыми политическими целями.

Подобное понимание политического процесса, раскрывающее основное содержание политики через реальные формы исполнения субъектами своих ролей и функций, демонстрирует, как осуществление этих ролей воспроизводит или разрушает различные элементы политической системы. Указанный под-

ход, тем самым, постулирует зависимость характера политических взаимодействий от уровня общей и особенно политической культуры субъектов, а также разделяемой ими политической картины мира. Приведенная интерпретация политики, таким образом, утверждает, что в основе всякого политического процесса лежит некий доминирующий тип политической культуры, который предписывает субъектам и носителям власти совершенно конкретные ценности, стандарты и нормы политического поведения. Эти ценности и определяют, в конечном счете, правила политической игры, границы дозволенного и неразрешенного, официального и неофициального, легального и нелегального процессов. В этой связи, доминирующий в обществе тип политической культуры выступает конечной детерминантой политики, фактором, предопределяющим своеобразие характера политических процессов в различных странах, степень их динамики и направленность эволюции политических систем [7, с. 371- 391; 8, с. 426-442; 10, с. 317-321].

Факт появления научной теории политической культуры в западной политологии в середине прошлого века и ее усиленное развитие на протяжении последующего периода целым рядом блестящих исследователей (Г. Алмонд, С. Верба, Л. Пай, У. Розенбаум, Р. Инглхарт, Р. Роуз, Д. Каванах, Клаус фон Бейме, М. Дюверже и др.), ставших классиками современной политологической науки, безусловно, не является случайным. Возникновение в середине XX в. в русле западной научной традиции концепции политической культуры, по признанию ее авторов, было обусловлено потребностью разработки некоей научно-исследовательской универсалии, которая была призвана способствовать усилению политической активности общественной науки, служить объяснению природы стремительных политических изменений в мире, предотвращению их негативных последствий [9]. Интерес к проблематике политической культуры, под которой в самом широком смысле понимают все многооб-

разие субъективного восприятия мира политики, способствовал тому, что со временем данное направление исследований стало одним из наиболее продуктивных и перспективных направлений западной политологии [8, с. 427], позволивших утверждать, что «политико-культурный подход в настоящее время прочно вошел в культуру американской (*а позднее, и мировой – Л.Б.*) политической науки» [12].

Несмотря на существующий солидный багаж знаний, накопленных мировой политологической мыслью по проблеме политической культуры, современная политическая наука не дает однозначного ответа на вопрос о том, что, собственно, представляет собой политическая культура. Более того, по мнению специалистов, выработка некоего окончательного определения политической культуры – задача не только трудоемкая, но и, пожалуй, неосуществимая ввиду сложности и многоаспектности самого социального феномена, который специалисты нередко образно называют «цветущей и жужжащей неразберихой».

В современной литературе по специальности насчитывается до 50 различных определений политической культуры. Это приводит к тому, что исследователи, по сути дела, разговаривают на разных языках. Одни не видят разницы между общесоциальной культурой и политической, рассматривая последнюю как «новый термин для старой идеи»; другие отождествляют политическую культуру со «зрелой» формой общественного сознания; третьи трактуют ее как субъективное измерение мира политики, интерпретируя указанный политический феномен как сугубо идеальное образование; четвертые полагают, что политическая культура – это совокупность типичных образцов поведения человека в политике; пятые – рассматривают политическую культуру через умение; шестые – обращают внимание на ее стремление к качественной определенности и т.д. и т.п. Причем любая из имеющихся интерпретаций обладает немалой познавательной ценностью, рассматривая политическую культуру,

представляющую собой сложное, многоаспектное и многоуровневое образование, в той или иной плоскости, под тем или иным углом зрения. Вместе с тем понятно, что подобное положение дел, когда каждый исследователь понимает под политической культурой что-то свое, затрудняет научный диалог, сводя научную дискуссию на указанную тему исключительно к «спору о понятиях». Поэтому современная политическая наука, стремящаяся к увеличению своей политической активности, безусловно, нуждается в какой-то концептуальной определенности.

Если попытаться суммировать различные точки зрения, то станет очевидным, что все многообразие позиций по вопросу о содержании политической культуры, имеющееся на сегодняшний день, сводится к трем основным направлениям в ее истолковании. Согласно первому, политическая культура рассматривается как совокупность политических позиций (Габриель Алмонд, Сидней Верба). Второе направление трактует политическую культуру через поведение (Стивен Уайт, Джек Плейно, Мэри Дуглас). Что же касается третьего направления, то его сторонники стремятся к синтезу двух крайних позиций в понимании политической культуры, призывая рассматривать ее как способ, стиль политической деятельности человека, предполагающий воплощение его убеждений, идеалов, принципов и прочих базовых воззрений в поведении (Иен Шапиро, Параматма Шаран, Уолтер Розенбаум, Ежи Вятр) [8, с. 429-433].

Наибольшее распространение и признание в литературе получило первое из указанных выше направлений, будучи предложенным самим автором концепции политической культуры. В рамках алмондианской школы политическая культура всегда трактовалась как совокупность позиций, верований и чувств, которая придает порядок и значение политическому процессу и обеспечивает лежащие в основе предложения и правила, которые определяют поведение в политической системе [9, с. 372]. Дело в том, что целью исследований Г. Алмонда и С. Вербы, которые

неоднократно подчеркивали это в своей работе «Гражданская культура» (1963), являлось изучение политической культуры не всего общества как целостного многоуровневого образования, а обычного гражданина, у которого уровень включенности в реальную политику не очень высок. В связи с этим исследователями изучался главным образом набор позиций, представлений о политической сфере, поскольку оценивать культуру простых граждан по политической деятельности достаточно сложно.

Однако у данного понимания политической культуры имеется и немало критиков. Концепцию Г. Алмонда критикуют за преимущественно психологическую трактовку феномена, что, впрочем, не умаляет ее революционного влияния на политическую науку [10, с. 323]. Действительно, в изучении политической культуры масс, отличающихся своим пассивным отношением к политике, нет иного более продуктивного пути, нежели «измерение» их «психологических ориентаций по отношению к социальным объектам» [11]. Если рассматривать политическую культуру активных агентов политики – правящих элит, правительства, партий и т.д., то становится очевидным, что нельзя ограничиваться ее пониманием как комплекса существующих у них представлений. Такое понимание, как верно отмечает А.И. Дженусов, ведет к потере реальной основы для анализа политической культуры. Откуда мы можем знать о действительном комплексе представлений того или иного политика. Человек (партия, правительство и т.д.) может подумать одно, сказать другое, а сделать третье [13, с. 78].

Точно так же невозможно ограничивать понимание политической культуры трактовкой, которая рассматривает ее исключительно как некую устойчивую, постоянно воспроизводящуюся матрицу поведения или «управленческую решетку» (Мэри Дуглас). Порой человек не имеет возможность вести себя в соответствии со своими убеждениями, например, из-за угрозы насилия, осуждения со стороны общественного мнения, из кон-

формизма. Поэтому в целом политическая культура содержит в себе противоречия между идеальными и практическими формами существования на уровне и отдельной личности, и целого государства [8, с. 435].

Это противоречие более всего учитывают те исследователи, которые, трактуя политическую культуру как систему поведенческих ценностей, как совокупность наиболее устойчивых форм, неких «духовных кодов» политической деятельности, стремятся к сближению крайних точек зрения. Поэтому данное направление в трактовке политической культуры представляется более плодотворным. Рассматривая любую национальную политическую культуру как совокупность идеальных/императивно-нормативных моделей сознания и поведения, которые нередко закрепляются официальной идеологией, и моделей, реально действующих, вступающих порой в противоречие с официальными догмами, подобное понимание позволяет воссоздать картину политической жизни общества, в значительной мере отвечающую реалиям дня.

Несмотря на разность точек зрения относительно содержания понятия «политическая культура», существует, по крайней мере, один важный момент, который объединяет существующие множественные подходы к его трактовке – это признание центральной роли ценностных ориентаций личности в политической культуре, которые представляют особую мотивационную систему человеческого поведения [8, с. 434]. Существенно то, что с вопросом о ценностной ориентации политической культуры тесно связан весьма важный и актуальный в условиях современной политической жизни вопрос о ее качественной определенности. Дело в том, что вне постановки указанного вопроса, политической культурой можно будет назвать любую совокупность субъективных ориентаций людей по отношению к политическому процессу, включая представления и действия человека-нацистического, террористического и иного плана, всту-

пающие в противоречие с «вечными» ценностями и нормами общечеловеческого характера. Поэтому в идеале политическая культура должна включать в себя очень широкий круг гуманистически ориентированных ценностей и обусловленных ими форм поведения. Там же, где субъект политики руководствуется идеями, пренебрегающими ценностью человеческой жизни, чувствами неприязни и ненависти, ориентируется на насилие и человеческое уничтожение, распадается ткань и культуры в целом и политической культуры в частности. Фашистские, расистские, шовинистические движения, геноцид и терроризм, оккупация и тоталитарный диктат властей не способны не только развивать, но и поддерживать культурное пространство в политической жизни. В таких условиях оно как бы сворачивается, сокращается [8, с. 438].

Другой, не менее важной характеристикой политической культуры, является ее понимание как «умения», «воплощения способности социальных субъектов» [13, с. 75-84]. К подобному раскрытию содержания политической культуры политологи в последнее время обращаются все чаще. Это и понятно. В условиях демократии политическая культура более всего проявляет себя через умение и желание сторон, участвующих в диалоге, понять и увидеть чужую точку зрения, через умение строить отношения с другими субъектами политики на основе уважения, учета их прав и традиций.

Думается, что синтез приведенных выше точек зрения относительно феномена политической культуры, равно как и учет новых, претендующих на свое право истины, постепенно сведет «на нет» внутренние противоречия в ее определении, позволив концепции политической культуры наиболее полно реализовать свою методологическую, познавательную роль, а также предоставить наиболее значимые ориентиры политической социализации.

Не менее сложная методологическая проблема из области политико-культурных исследований касается способов и под-

ходов, с помощью которых добывается информация, дающая качественную характеристику состоянию дел в сфере политической жизни. В этом отношении у специалистов единомыслие также отсутствует. Одни политологи, вслед за Г. Алмондом, являются сторонниками бихевиористского подхода, избирающего предметом политического анализа эмпирически измеренное поведение. Иными словами, основными компонентами научного анализа здесь выступают социологическая выборка, интервьюирование, статистический анализ, математическая обработка полученных данных. Однако односторонняя приверженность бихевиоризму еще в 70-е годы прошлого столетия подверглась критике, основным недостатком которого считалась его «ненаучность» и неспособность выявить за характерным политическим поведением истинные политические чувства социальных субъектов, порой считающих выгодным их скрывать от официальных властей [14, с. 38-40].

На протяжении 70-х-80-х гг. одним из наиболее популярных подходов, в особенности в советологии, стал считаться субъективистский подход, широко использовавший для политико-культурных исследований самые различные источники, такие как художественная литература, исторические сочинения, устное народное творчество, включая политические анекдоты, опросы общественного мнения и др. Подобный подход, безусловно, позволяет расширить познавательные границы политико-культурных исследований. Вместе с тем, ввиду того, что всякая выборка здесь проводится довольно субъективно, данный подход особенно страдает оценочной субъективностью.

В последнее время, несмотря на то, что доминирующими подходами к политической культуре все это время продолжали оставаться «поведенческий» и «субъективистский», в науке постепенно получил признание и такой подход, который именуют «символистским» или «интерпретационным». Интерпретационный подход учит использовать антропологическую кон-

цепцию символа при поиске значений политического действия, что позволяет установить внутреннюю структуру культуры, проследить изменения в политических предпочтениях и т.п. Данный подход, являясь наиболее новаторским, с точки зрения Н. Петро, открывает новые и лучшие перспективы для оживления постсоветских исследований, позволяя заблаговременно распознавать символы политической и культурной альтернативы [14, с. 48-50].

Представляется, что наилучшим в сложившейся ситуации может быть лишь тот подход, который способен гармонично сочетать в себе самые различные исследовательские приемы. Это не только сохранит аналитическую полноценность политической культуры, но и будет способствовать ее усилению, позволив политической науке не только, к примеру, раскрыть глубинные причины краха советского тоталитарного режима, но и предвидеть перспективы сегодняшнего демократического транзита стран постсоветского пространства.

Для стран демократического транзита политико-культурный подход к осмыслению механизмов и перспектив политического развития, взятый как таковой, является чрезвычайно плодотворным, поскольку, как выразился К. Манхейм еще в начале 1930-х годов, демократия есть одно из проявлений всепронизывающего принципа культуры [15, с. 170]. Поэтому теория политической культуры, с точки зрения многих современных политологов, представляет собой надежную методологическую основу научного анализа, позволяющую глубоко исследовать происходящие сегодня в политической сфере транзитных обществ изменения [14, с. 39].

Однако не все современные исследователи являются горячими сторонниками культурологического подхода в политике. Иными словами, не все исследователи феномена политики считают политическую культуру ее «конечной детерминантой» и «основополагающим объяснительным принципом» всех про-

цессов политической жизни, формирование которой имеет решающее значение для консолидации системы демократии. В этом отношении весьма любопытны рассуждения С. Хантингтона, который полагает, что концепция культуры является ненадежной в общественной науке, потому что она одновременно и чересчур податлива, и неудобна в употреблении. «Она, – отмечает С. Хантингтон, – легковесна (и поэтому опасна), поскольку в определенном смысле является остаточной категорией. Если существенные различия между обществами не могут быть правдоподобно обоснованы другими причинами, становится заманчивым приписать их культуре. Только такие попытки объяснить, что культура является ответственной за политические и экономические различия, часто остаются чрезвычайно смутными. Культурные объяснения, таким образом, зачастую неточны и тавтологичны, или же одновременно выступают в данном качестве, так как в крайнем случае они сводятся к более или менее обманчивому толкованию типа «французы всегда таковы». С другой стороны, культурные объяснения являются также неудовлетворительными для обществоведа, поскольку они противостоят склонности последнего к обобщениям. Они не объясняют последствий в понятиях взаимодействия между такими всеобщими переменными, как уровни экономического роста, социальная мобилизация, политическое участие и насилие в обществе. Вместо этого они стремятся говорить о специфических частностях, свойственных основным культурным образованиям» [16, с. 22-23].

Исследование политики в ее культурном аспекте уже давно внушает ученым вполне обоснованные опасения [17, с. 135]. Поэтому вокруг проблемы о том, как сделать демократию реформирующихся стран более глубокой, более качественной и потому более устойчиво развивающейся, и сегодня продолжают идти оживленные дискуссии.

Высказываются самые различные точки зрения. Однако главными оппонентами культурологического подхода к политике выступают так называемые «экономисты», связывающие успехи демократии, прежде всего, и, главным образом, с развитием экономики. В этой связи, существующие в политологии на сегодняшний день точки зрения относительно природы политических процессов, в обобщенном виде, группируются вокруг двух основных подходов, давших жизнь двум главным исследовательским традициям, сосуществующим на современном этапе и условно обозначаемым в литературе как экономическая и культурологическая традиции.

Культурологический подход, изучающий субъективную составляющую политики, трактует развитие как результат «культурного выбора», формы которого, в конечном счете, определяются доминирующими социокультурными ценностями. Исследователи, исходящие в своем анализе политических процессов из концепции политической культуры, утверждают, что именно политическая культура является основой стабильного и динамичного функционирования развитых демократических государств. В то же время, отсутствие политической культуры порождает анархию, рост преступности, непримиримые политические схватки, обостряющие весь комплекс социально-политических противоречий. Политико-культурные издержки, по мнению сторонников культурологического подхода, способны не только блокировать углубление процессов демократической модернизации общества, но и ставить под угрозу уже имеющиеся в области демократизации достижения, такие как свобода и права человека, плюрализм мнений, консенсуальность, транспарентность, разрушая изнутри формирующуюся политическую систему [18, с. 5].

«Экономисты», напротив, основное внимание концентрируют на объективных (географических, климатических, ресурсных, политико-институциональных) аспектах развития.

Связывая успехи демократии, главным образом, с развитием экономики, «экономисты» делают упор на оптимизации производства. Сторонники проэкономического подхода полагают, что самым главным условием укрепления демократии, обладающим мощным консолидирующим потенциалом, является либерализация экономики, перевод ее на рельсы рыночного хозяйствования [18, с. 6].

Оба указанных подхода к анализу закономерностей развития общественно-политической жизни остаются сегодня в равной мере востребованными, с учетом, пожалуй, одной любопытной детали. Когда речь идет о разработке моделей устойчивого развития в мире, приоритет отдается проэкономическому подходу, отводящему роль интегратора глобализирующегося мира рыночным институтам. Однако, когда дело касается стран, вступивших на путь демократической модернизации, верх берет субъективистский, культурологический подход, который к числу движущих факторов развития относит прежде всего распространение в обществе демократических ценностей и их институциональное воплощение.

Российский исследователь И. С. Семененко, в частности, отмечает, что при разработке моделей устойчивого развития в условиях демократии делается упор на оптимизацию производства – путь, по которому шли и продолжают идти западные страны. Роль интегратора в современном мире по-прежнему отводится рыночным институтам. В то же время, указанный автор обращает внимание на следующее важное обстоятельство. С расширением пространства демократии в центр исследовательского внимания все больше выдвигается вопрос о том, почему в одних странах демократия «работает», а в других «пробуксовывает». В поисках ответа на этот вопрос все большее число исследователей склоняется к признанию важности культурной составляющей в контексте модернизации общества на демократической основе [18, с 5-6].

Столь дифференцированное применение сложившихся исследовательских традиций вполне объяснимо. Дело в том, что теория политической культуры, будучи разработанной в рамках западной политологии в середине прошлого века, была предназначена, по собственному признанию ее авторов, для того, чтобы увеличить политическую активность общественной науки в странах, вступающих на путь демократизации. Условно говоря, легитимировать экспорт демократической политики с помощью воспитания идеально соответствующей ей культуры [9, с. 391]. Как полагает американский исследователь Н. Петро, многие из работ Г. Алмонда и его коллег, посвященные проблеме демократической модернизации, действительно способствовали созданию своеобразной формулы, следуя которой западные государства могли бы оказывать поддержку демократическому развитию стран третьего мира [14, с. 38]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что указанная формула, будучи специально нацеленной на осмысление ситуации, связанной с демократическим реформированием, наиболее прочно укоренилась в исследовательской мысли стран «третьей волны».

Показательно, что культурологический подход к осмыслению проблем становления демократического общества приобрел достаточно широкое распространение в научно-исследовательской среде лишь к концу XX века. Что же касается проэкономического взгляда на вещи, то прежде он неизменно преваляровал в исследовательских изысканиях, разворачивавшихся главным образом в рамках неоклассического подхода и теории рационального выбора [18, с. 6-7].

На Западе культурологический подход к политике снискал немалую популярность уже в 60-х-70-х гг. XX столетия, сразу вслед за введением в политическую науку концепции политической культуры. Эта популярность была обусловлена, прежде всего, теми задачами, которые выдвигали перед собой на данном этапе западные исследовательские круги. Суть этих за-

дач заключалась в поиске выхода из того тяжелого состояния «кризиса образа жизни», в котором оказалось на данном этапе западное капиталистическое общество. «Долгое время, – как указывают научные источники, – связь между образом жизни и сферой культуры игнорировалась, и последняя отделялась от повседневной жизни общества. Теперь стало ясно, что образ жизни людей в «массовом обществе» в значительной мере формируется под воздействием массовой культуры... и необходимо иметь в виду, что социально-экономическая природа буржуазного образа жизни сама нуждается в подобной культурной опоре и основе» [19, с. 256].

Признавая, что культура оказывает решающее воздействие на образ жизни людей, многие авторы на Западе стали на указанном этапе возлагать на культуру некую мессианскую роль, усматривая в ней главное средство преодоления и разрешения противоречий буржуазной цивилизации [19, с. 262]. По их убеждению, культура капиталистического общества при всех ее минусах и пороках содержит в себе – актуально и потенциально – предпосылки желаемого преобразования образа жизни «общества потребления» на действительно гуманистической основе [19, с. 257].

В этом отношении характерны взгляды Р. Хоггарта, М. Ньюэла, О. Тоффлера, Ч. Рейча, которые стали предлагать различные проекты изменения образа жизни посредством «культурной революции». Ч. Рейч, в частности, высказал идею о том, что общество осуществит революцию не прямыми политическими средствами, а изменением культуры и качества индивидуальных жизней, а это, в конечном счете, приведет к изменению политических структур. Согласно Ч. Рейчу, сознание и культура становятся сегодня решающей силой в противоборстве с всемогущим корпоративным государством, а революция при помощи сознания – единственным эффективным путем изменения и разрушения

этого государства «изнутри», т. е. без применения насилия и проявлений «политического активизма» [19, с. 264 24].

В настоящее время те же тенденции в отношении трактовки ролевого значения культурной составляющей общественных преобразований прослеживаются и в осмыслении проблем развития «молодых демократий». Политическая культура порой предстает в качестве чуть ли не единственно возможного и наиболее эффективного рычага демократических трансформаций, гарантирующего стопроцентный успех в деле устойчивого развития и упрочения демократической системы управления. Однако диалектика истории убедительно демонстрирует уязвимость позиций, базирующихся на абсолютизации роли политико-культурной составляющей демократических изменений.

Попытки возложить на культуру мессианскую роль в разрешении конфликтов и противоречий образа жизни западного общества в какой-то мере способствовали научной дискредитации концепции политической культуры. Поэтому неудивительно, что политико-культурный подход, несмотря на его широкое и стремительное усвоение сравнительной политологией сразу же после его появления [14, с. 39], к исходу 70-х годов прошлого столетия стал резко утрачивать свою популярность в западной политической науке и, по существу, вышел из моды [20, с. 301]. В настоящее время современные западные исследователи, как признается Л. Даймонд, почему-то всячески стараются избегать употребления даже самого термина «политическая культура», хотя феномену политической культуры по-прежнему уделяется немало внимания [6, с. 448].

В то же время, в модернизирующихся странах, напротив, культурологический подход к интерпретации проблем политического реформирования набирает все большую популярность и силу. Новый виток интереса к теории гражданской культуры в исследовательском мире обусловлен активизацией процессов демократической модернизации в странах «третьей волны»,

где научное осмысление происходящих в политической жизни перемен непосредственным образом связано с изучением основ демократической теории. В этой связи, работа, написанная Г. Алмондом и С. Вербой еще половину века назад и заложившая основы теории демократической политической культуры, по сей день пользуется огромной популярностью в исследовательской среде стран молодой демократии, являясь своего рода настольной книгой аналитиков, изучающих процессы демократической модернизации. С началом трансформации экономических и политических институтов в странах Центральной и Восточной Европы, вопрос о том, почему демократические перемены в различных странах приобретают различный темп и характер, вновь делает эту проблему крайне актуальной, вынуждая современных исследователей заново переосмысливать значимость тех факторов, которые служат углублению демократических перемен. По широко распространенному в этих странах мнению, концепт политической/гражданской культуры и сегодня не утратил своего эвристического значения и может быть использован в качестве своеобразного эталона для характеристики эволюции политических процессов в посткоммунистических странах [7, с. 378].

Современные противники «культурологического подхода» полагают, что экономических и институциональных факторов вполне достаточно, чтобы осмыслить динамику развития демократий. Так, по мнению А. Пшеворски, сделанному им в работе «Культура и демократия» (2001), имеющиеся в распоряжении исследователей данные не позволяют говорить не только о несовместимости каких-либо культур с демократией, но и о заметном воздействии культуры на устойчивость демократических институтов [18, с. 6]. Правда, как, в частности, показывает И. Семененко, большинство «нон-культуралистов» из числа экономистов и ученых практиков (например, Дж. Сакс) не столь категоричны. Концентрируя внимание на географических, клима-

тических, ресурсных и политико-институциональных факторах развития, они, тем не менее, признают, что комплекс культурных особенностей играет свою особую роль в определении параметров общественного, в том числе экономического роста [18, с. 6-7 28].

Что же касается современных культуралистов, то они исходят из того, что расхождения в экономическом и политическом опыте транзитных стран на национальном и субнациональном уровнях объясняют именно различия культурного характера. С точки зрения этой группы исследователей, развитие как таковое вообще должно трактоваться в качестве одного из аспектов становления культуры, его формы определяются в конечном счете общими социокультурными ценностями, а содержание во многом зависит от культурного выбора. В частности, П. Штомпка, вообще рассматривает любое социальное изменение в качестве культурного по своей сути изменения [18, с. 5-19]. В то же время Р. Инглхарт, опираясь на наблюдения исследователей из Латинской Америки, Восточной Европы, Восточной Азии, делает вывод о том, что культурные факторы играют важную роль в проблемах, связанных с демократизацией и для осуществления демократического реформирования общества простого принятия демократической конституции недостаточно. «До недавнего времени, – пишет Р. Инглхарт, – культурные факторы не привлекались к эмпирическому исследованию демократии, и отчасти это происходило из-за нехватки статистических данных. Если же ... упомянутые факторы принимать в расчет, то их значение сразу же выходит на первый план» [20, с. 301]. Того же мнения придерживается и Л. Даймонд, когда настаивает на необходимости консолидации демократий, возникших в ходе «третьей волны», усматривая в этом процессе главный залог выживания «молодых демократий» [6, с. 449].

В транзитных странах постсоветского пространства с самого начала кардинальных общественно-политических перемен

в качестве преобладающего утвердился экономический подход к осмыслению проблем демократической модернизации, в соответствии с которым успехи демократического развития практически целиком и полностью связывались с успехами развития рыночной экономики. Многим казалось, что достаточно перевести страну на рельсы рыночной экономики и вскоре все остальные проблемы демократического реформирования общества будут решены, по сути, автоматически. В это время здесь много говорили и писали о необходимости проведения, так называемой, шоковой терапии, как о способе, позволяющем в короткие сроки добиться высоких результатов в реформировании общества на демократической основе.

Из работы молдавского автора В. Збырчог «Tranziția la economiă de piață», в частности, узнаем следующее: «У нас в последнее время понятие перехода к рыночной экономике стало использоваться чрезвычайно часто. С этим процессом связывают большие надежды... Мы нуждаемся в таком процессе, который открыл бы для нас новые возможности. Этим процессом является переход к рыночной экономике. Смысл «транзита» вообще может быть охарактеризован следующим образом: переход от экономики, управляемой на основе неких установленных заранее принципов, априори считающихся продуктивными, к экономике, в которой экономические агенты и их действия, равно, как и иных членов общества, продиктованы рациональным подходом, опирающимся на чувство собственности и естественное стремление к обогащению» [21, с. 3-8].

Однако вскоре, по прошествии совсем не многих лет с начала радикальных перемен, стало понятно, что либерализация экономики, в той форме, в которой она получила свое воплощение в жизни трансформирующихся постсоветских обществ, не дает ожидаемых результатов, и что создание новых условий общественного устройства, необходимых для нормального функционирования демократического общества, займет еще не

одно десятилетие. Необходимость решения множества практических проблем, связанных со становлением новой политической системы, привела к горячему обмену мнениями по вопросу о движущих факторах современного общественного развития в политологических кругах стран «молодой демократии», возникших в конце прошлого века на постсоциалистическом пространстве. Когда эйфория первых транзитных лет улеглась и слабая эффективность функционирования вновь созданной политической системы стала особо заметной, пришло понимание того, что демократическое реформирование должно с необходимостью включать в себя и культурно-политический аспект.

В работах по политологии, публиковавшихся в начале 2000-х гг. в постсоциалистических странах, речь все чаще стала заходить о той важной роли, которую играет политическая культура в условиях демократии. В то же время господствовавшая здесь в начале перемен точка зрения правящих политических кругов о возможности ускорения процесса перемен главным образом посредством политических средств, стала со временем расцениваться не иначе, как иллюзорная [22, с. 62].

Таким образом, исследования по демократизации в транзитных странах постсоветского пространства к началу 2000-х гг. претерпели существенную эволюцию. В них четко обозначился отход от доминировавших в исследовательской мысли в начале перемен представлений о прямой связи демократии с экономическим развитием. Настойчиво стала высказываться мысль о том, что рынок и экономический рост не являются единственными и достаточными условиями демократии и что помимо этого для нее необходимы также определенные социокультурные предпосылки. Перспективы модернизации и демократизации все теснее стали связывать с их совместимостью с социокультурными доминантами [22, с. 61].

К примеру, российский политолог Я. А. Пляйс, анализируя опыт развития первых лет демократического реформирования

в Российской Федерации, полагал, что Россия, которая встала на путь демократизации, находится уже на таком уровне общественного развития, который вполне достаточен, для того, чтобы достичь намеченной цели. По его мнению, надо только позаботиться о повышении политической культуры населения, о накоплении политического опыта [23, с. 103]. Его соотечественница, Е. И. Башкирова, придерживаясь аналогичного мнения, в это же время, в частности, писала, что «сегодня уже не возникает сомнений, что радикальные изменения в экономике, политике, системе государственного управления нуждаются в ценностном обосновании (санкционировании), что система ценностей, формирующая основу мировоззрения людей, может выступать и как фактор, ускоряющий развитие, и как трудно преодолимый барьер на пути такого развития. Институциональные преобразования становятся действительно необратимыми только тогда, когда они восприняты обществом и закреплены в системе ценностей, на которые это общество ориентируется» [24, с. 51].

Украинские политологи на рассматриваемом этапе пришли к тому же убеждению, что именно издержки в развитии политической культуры отрицательно сказываются на процессе демократического реформирования украинского общества и потому Украина пока еще отстает в своем развитии от того уровня, который достигнут в этом отношении некоторыми другими странами «молодой демократии» Восточной Европы, такими как Польша, Венгрия, Чехия. В этой связи, формирование политической культуры как фактора оптимизации функционирования политической системы в Украине было признано украинскими исследователями крайне важным вектором развития политической сферы [25, с. 179-205]. После первых лет модернизации к данной позиции все больше стали склоняться и молдавские политологи, наделяя политическую культуру ролью влиятельного компонента современной политической жизни, от которого во

многим зависит характер разворачивающихся в обществе политических процессов [26; 27; 28].

Таким образом, если в начале демократических перемен в интеллектуальной среде Республики Молдова, как, впрочем, и во многих других странах постсоветского пространства, доминирующей была идея «рынка», то начиная с 2000-х гг. на передний план исследовательского внимания все больше выходит концепция политической культуры, призванная объяснить сниженную эффективность функционирования формирующейся политической системы и предоставить своего рода ключ к решению большинства противоречий политической жизни. Указанная исследовательская тенденция хорошо, в частности, представлена российским политологом М. Мчедловой, утверждающей, что не способная функционировать складывающаяся политическая система предопределяет «поиск новых объяснительных схем политического процесса, а также нового познавательного инструментария, одним из ключевых отличий которого становится признание определяющей роли социокультурного фактора» [29, с. 408].

С этого времени в осмыслении политической жизни, разворачивающейся в странах демократической модернизации, все больше берет верх субъективистский/культурологический подход, который становится не только доминирующей исследовательской традицией, но и универсальной исследовательской методологией, по существу, лишенной адекватного научного оппонирования. Исходя из указанного подхода, политический процесс трактуется как результат взаимодействия политических субъектов – носителей определенной политической культуры. Поэтому политическая культура акторов политики предстает как конечная детерминанта политического процесса.

Применение подобного подхода к анализу мира политики позволяет политологам, во-первых, объяснить те глубокие противоречия и «неудачи», которые сопровождают процесс демо-

кратической модернизации, трактуя их как субъективные по своей природе. Их суть, согласно рассматриваемой доктрине, состоит в «издержках» политико-культурного развития общества – «ошибках» и «просчетах», допускаемых политической элитой, а также незрелости гражданской культуры электората [30, с. 15-16; 31, с. 6]. Во-вторых, раскрывает механизм устранения противоречий политического процесса и повышения эффективности функционирования политической системы, изыскивая главные рычаги в рамках все того же субъективного поля. Тем самым, сущность механизма разрешения противоречий, неизбежно сопутствующих процессу демократического реформирования, зачастую сводится к воспитанию гражданской культуры, т.е. широкому усвоению обществом, ставшим на путь модернизации, демократического образца ориентаций к политическому действию [9].

Политическая культура, как и культура в целом, представляет собой некий специфический «срез» общественной, в том числе политической жизни, который отличает крайняя инерционность развития. Изменения в культуре на уровне общества всегда идут самым медленным ходом при длительном сохранении прежних условий, «когда изменение уже произошло» [32, с. 10]. Поэтому практически все реформирующиеся общества в той или иной мере сталкиваются с издержками политико-культурного развития, превращающимися в огромный тормоз на пути к становлению реальной демократии.

Создание демократических институтов власти, равно как и либерализация экономики, безусловно, являются важнейшими объективными условиями демократической модернизации общества. Вместе с тем, как показывает мировая практика, эти условия еще не достаточны для того, чтобы вновь созданная политическая система функционировала в значительной мере эффективно и слаженно. Характер изменений, имеющих место в странах демократического транзита, все более убедительно

демонстрирует, что в процессе реформирования общества на принципах демократии весьма важную роль играют культурные факторы. В этой связи осмысление тех проблем, которые связаны с формированием политической культуры демократического общества, в настоящее время представляются крайне важной областью приложения исследовательских усилий политологов стран современного демократического транзита.

Анализируя концепт политической культуры, трудно не признать его огромной эвристической плодотворности. С одной стороны, указанный концепт предлагает достаточно эффективный инструмент «измерения» качества демократической системы, который позволяет отделить «реальную демократию» от «дутой», «формальной», «дефектной», «падающей» и т.п. С другой, рассматриваемый подход раскрывает значимость культуры демократии для функционирования демократической политической системы, постулируя аксиому о том, что демократия, по сути, и есть культура, понимаемая как специфический набор ориентаций на политические действия. Иными словами, показывает, что культура демократии составляет основную сущность демократической политической системы. Там, где нет культуры демократии с ее специфическими образцами политических ориентаций, по большому счету, нет и демократии в истинном смысле этого слова. Понятно, что подобная трактовка демократии конструирует идеальную модель, которой почти никогда невозможно достичь в полной мере. Вместе с тем глубинный смысл существования и принятия такого «недостижимого идеала» состоит в том, что он задает ориентир, позволяющий трезво оценивать общественно-политические процессы современности, за их развитием усматривая, в частности, тенденцию к общему ослаблению демократии в современном мире [33, с. 18].

Вместе с тем, та широкая популярность, которую приобрел в наши дни концепт политической культуры в странах демократического транзита, каковой является и Республика Молдова,

на наш взгляд, таит в себе немалую опасность абсолютизации его как научного подхода, а где-то даже и догматизации. В этом случае культурные факторы, согласно концепции политической культуры, являющиеся конечной детерминантой политики (т.е. последним звеном в цепи целого ряда факторов), выдают за главную причину неуспешности демократических перемен, тем самым, принимая «симптомы болезни» демократии, лежащие на поверхности и сигнализирующие, прежде всего, о ее качественном состоянии, за причину самой «болезни». Отсюда и настойчивые предложения исправить положение посредством воспитания демократической культуры, выливающиеся, по сути, в призывы к просветительству масс [31, с. 6; 34 с. 8; 35, с. 135].

Превалирование субъективистской парадигмы в политологических исследованиях, как нам представляется, придает им поверхностный характер, не затрагивающий глубинных механизмов развития общества, специфика которых, впрочем, состоит в том, что «на поверхность» они способны пробиться лишь через субъективную деятельность людей. Потому зачастую и создается представление о том, что указанная субъективная деятельность, лежащая на поверхности социально-политических процессов, и есть главная причина и движущий фактор общественных трансформаций. Исходя из указанной логики, добиться стабильности демократии в обществе, раздираемом противоречиями, вполне возможно «поверх» существующих социальных порядков – путем воспитания культуры демократии, т.е. деятельности, направленной на формирование демократических моделей поведения, что в реальности зачастую трансформируется в процесс манипулирования сознанием людей.

Известной абсолютизации рассматриваемой научной парадигмы в исследовательской практике многих стран постсоветского пространства в значительной мере способствовала достаточно высокая степень политизации и идеологизации, отмечающаяся в отношении указанного концепта. Субъективистский

подход, положенный в основу измерения мира политики, был воспринят научным сообществом модернизирующихся стран как своего рода альтернатива доминировавшей прежде материалистической парадигме. Поэтому в научной сфере признание обществом ценностей западной демократии и отход от тоталитарной модели политического устройства увенчалось соответствующей сменой научных парадигм, по большей мере обусловленной политическим выбором самих исследователей.

Концепт политической/гражданской культуры, рассматриваемой как источник стабильности демократии, таким образом, в контексте демократического реформирования приобретает в то же время и идеологическую наполненность, будучи нацеленным на пропаганду ценностей западной демократии. Подмечая данную особенность теории политической культуры К. Крауч, в частности, показывает, что работы американских политических ученых 1950-х начала 1960-х годов строили свое определение демократии так, чтобы оно соответствовало действительной практике в США и Британии, не учитывая изъяны в политическом устройстве этих двух стран. Это, по его мнению, была идеология холодной войны, а не научный анализ. Схожий подход, констатирует указанный автор, доминирует и в современной мысли, когда под влиянием Соединенных Штатов демократия все чаще определяется как либеральная демократия, которая, в действительности, является исторически обусловленной формой, а не нормативным идеалом [33, с. 18]. Таким образом, исследователь признает, что существование идеологического оппонента в лице коммунистических систем, по существу превратило научную теорию в определенного рода идеологию, опирающуюся на элитарный подход и призванную утверждать идею о превосходстве плюралистической демократии западного типа.

Представляется, что подход, абсолютизирующий культурологическую точку зрения в осмыслении транзитных процессов

в странах «молодой демократии», безусловно, также, как и проэкономический подход, возведенный в абсолюте, страдает известной односторонностью. Поэтому более правомерной и предпочтительной выступает, на наш взгляд, та точка зрения, согласно которой необходимо исходить из взаимообусловленности культуры и развития, из «социокультурной динамики как неотъемлемой составляющей пространственно-временной парадигмы трансформации современного мира» [18, с. 6]. Подобный подход позволяет, не абсолютизируя, но и не умаляя значимости политико-культурного фактора демократических трансформаций, признавая его специфическую консолидирующую роль, которая в условиях демократизации только возрастает, видеть в политической культуре не только средство достижения общественного прогресса, усиления устойчивости политического развития в условиях системы демократии, но и, что очень важно, некий итог этого развития, его закономерный результат.

Рассматривая политическую культуру в качестве важнейшего условия продвижения демократических реформ, следует хорошо осознавать тот факт, что успехи демократизации являются слагаемым действия множества факторов (экономических, географических, природных, культурно-исторических и т.д.), каждый из которых оказывает свое специфическое влияние на ход процессов общественного трансформирования. Поэтому, с одной стороны, ратуя за повышение уровня политической культуры общества как важнейшего средства укрепления стабильности политического развития в условиях демократии, с другой – нельзя забывать о том, что достижение подобной стабильности в действительности возможно лишь посредством целого комплекса мер, содействующих изменению всего образа жизни общества в целом. Иными словами, с одной стороны, учитывая некоторую общую историческую тенденцию развития современного мира, выраженную в непрерывном возрастании культурологических аспектов общечеловеческих преобразований, с другой – нельзя

нивелировать значение того фактора становления демократии, который обеспечивает обществу материальную и прежде всего экономическую безопасность и благосостояние. Учет данного обстоятельства при исследовании демократии, в частности, «помогает понять, почему демократия лишь недавно получила широкое распространение и почему даже сейчас ее следует искать в первую очередь в экономически развитых странах» [20, с. 304].

В то же время, рассуждая как о культуре в целом, так и о политической культуре, в частности, о возрастании ее влияния на процесс современного общественного развития, по меньшей мере наивно полагать, что усилия, направленные исключительно на «культурное воспитание» общества, смогут оказать решающее воздействие на ту ситуацию, в которой сегодня находятся страны демократического транзита. Дело в том, что культура как специфический социальный феномен, в отличие от множества других аспектов и проявлений общественной жизни, это не просто какая-либо отдельная сфера жизни общества, каковой является, в частности, экономическая, политическая, религиозная и др., но особый качественный срез всей совокупности общественной жизни. Формирование и развитие культуры/политической культуры подчиняется своим особым законам и закономерностям, позволяющим различным культурным образованиям и проявлениям порой «забегать вперед», «запаздывать», отклоняться от общего курса, двигаться вспять. Тем не менее, культура всегда остается неким качественным индикатором общественной жизни, показатели которого нельзя улучшить без того, чтобы улучшилась сама жизнь. В этой связи неслучайно Р. Инглхарт отмечает, что «экономическое развитие способствует культурным переменам» и что «экономическое развитие создает такие социальные и культурные условия, при которых демократия чувствует себя увереннее» [20, с. 302, 304]. Поэтому, признавая важность и настоятельную необходимость формиро-

вания политической культуры как значимого фактора, способствующего консолидации демократического общества, следует хорошо понимать, что это лишь один из путей укрепления демократии, хотя и очень важный, и что реальная демократия может быть лишь плодом тотальной общественной трансформации на принципах свободы и прав человека.

1.2. Эволюция политической культуры на начальном этапе демократизации в Республике Молдова

Политическая культура, представляя собой особый, «качественный срез», политических процессов, выступает одним из лучших индикаторов и критериев зрелости системы демократии. Придавая взаимодействиям в сфере политики некий неповторимый национальный колорит, политическая культура, тем самым, становится конечной детерминантой политики, а также тем универсальным методологическим принципом, исходя из которого становится возможным объяснить различную степень успешности развертывания процессов демократического транзита в различных странах. В этой связи, изучение мира политики сквозь призму политической культуры является одной из важнейших граней политологического анализа той реальности, которая складывается в настоящее время в Республике Молдова. Политической жизни общества всегда свойственна определенная динамика, сопряженная со сменой фаз активизации политических процессов. Подобной динамике подвержена и политическая культура общества, которая находит свое отражение в закономерной смене параметров культурно-политических ориентаций людей.

Процессы социально-политического реформирования, стартовавшие в Республике Молдова в конце прошлого века, были нацелены, как и в целом ряде других стран посткоммунистического пространства, на переход общества от тоталитарной си-

стемы организации политической власти к системе демократического правления. С одной стороны, подобный переход предполагает радикальные институциональные преобразования, осуществление которых, в целом, приходится на начальный этап преобразований. С другой – данный процесс сопряжен с глубокими изменениями в ценностных ориентациях населения на политические объекты, с трансформацией прежних политико-культурных характеристик, соответствовавших тоталитарному строю, в пользу таких, которые отражают в субъективной форме весь тот сложнейший общественно-исторический процесс, название которому демократический транзит.

По мере развития политических процессов зачатки новых ориентаций в сфере политики, соответствующих этапу демократического реформирования, динамично сочетаясь с целым пластом «старых», традиционных политических представлений, убеждений, настроений и реакций, складываются в различные комбинации, тем самым, создавая некий специфический политико-культурный фон общества. На этом фоне совершенно отчетливо проступают определенные доминирующие элементы, смена которых позволяет вычленить в политико-культурном становлении молдавского общества периода демократической модернизации различные, неравноценные по своей содержательной наполненности, этапы. В то же время, выделение различных этапов политико-культурной эволюции современного молдавского общества, последовательно сменяющих друг друга, носит, по большей мере, условный характер. Процессы исторической эволюции культурных ценностей в реальности всегда представлены как непрерывная цепь изменений, в которой, наряду с сохранением специфического «генетического кода» народа, а также многих традиций, сложившихся в контексте исторической эволюции общества, происходит наслоение новых политических ориентаций, отражающих в спе-

цифической «культурной» форме актуальную социально-политическую ситуацию.

На первом этапе, непосредственно предшествовавшем образованию в 1991 году независимого суверенного государства Республика Молдова, превалировали нигилистические настроения и политический радикализм, состояние эйфории и фанатичная вера в демократию как всеисцеляющее средство, политизированность и активизм, порой граничащий с открытыми проявлениями агрессии. Второй этап, охватывающий собой 90-е гг. прошлого столетия, вошел в историю молдавского демократического транзита как период, приведший к окончательному культурному расколу общества с сопутствующим ему ростом конфронтационности – в начале десятилетия, и нарастанием разочарования широких масс людей в политике, не оправдавшей связывавшихся с ней социальных надежд, – к его концу. Усталость людей от политики, политическая дезориентированность стали его характерными чертами. Третий этап, стартовавший после победы Партии Коммунистов на парламентских выборах 2001 года, знаменовал собой формирование нового политико-культурного дискурса. На этом этапе молдавское общество в своих политических ориентациях совершило скачек от доминировавших в его начале политической апатии и индифферентизма, нежелания радикальных перемен, стремления к укреплению политической стабильности и порядка в стране до роста недовольства масс стремительным развитием авторитарных тенденций в политической жизни Республики Молдова. Начало следующего этапа в становлении и развитии политической культуры Республики Молдова условно связано с апрельскими событиями 2009 года, впоследствии приведшими к смене политического правления в стране. Наиболее отчетливо смена общественных настроений проявила себя в стремлении к обновлению политического климата, сложившегося в стране в период властвования Партии Коммунистов, в росте политиче-

ского скептицизма по отношению ко всему молдавскому миру политики, независимо от политической колоратуры, а также в желании широких общественных масс двигаться вперед по пути социально-политических изменений. Существенно, что и на этом этапе, связанном с установлением в Республике Молдова так называемого кланово-олигархического режима внутриэлитной конкуренции, ориентации масс в сфере политики, будучи ответной реакцией на характер сложившегося в стране политического управления, нашли свое наиболее отчетливое проявление в укреплении скептического отношения к политике. Для данного этапа характерным также стал перенос акцентов с ориентиров этнокультурного характера к преимущественно геополитическим ориентирам в политике. Другой характерной чертой политико-культурных ориентаций общества стало вызревание новой линии раскола, сформировавшейся сообразно различным установкам масс. Одна из них преимущественно нацелена на поддержание стабильности в стране и укрепление патрон-клиентских отношений с властью кланово-олигархического типа, другая – ориентирована на кардинальные перемены в сложившейся системе власти, т.е. на слом олигархической системы, в надежде на существенное улучшение экономического и социально-политического климата в стране.

Революционные общественно-политические настроения, охватившие молдавское общество на рубеже 1990-х годов, в период так называемого «демократического момента», стали своего рода провозвестником кардинального переустройства общества на принципах свободы и демократии. На первый взгляд, указанные настроения, глубоко пропитавшие все общество в целом духом критицизма и нигилизма по отношению к советской системе политического устройства и доминировавшей в ней идеологии, казались спонтанными и непредсказуемыми. Их всплеск никак не вписывался в прочно утвердившуюся на Западе точку зрения, согласно которой Советский Союз являл собой

«драматически успешный случай спланированной политической культуры» [14, с. 36]. Как показывает американский исследователь Н. Петро в своей работе «О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии», почти все специалисты по советской политике сходились в том, что советская политическая культура более авторитарная и коллективистская, чем культура Северной Америки и Европы, и в силу этого победа в Советском Союзе демократического движения принципиально невозможна. События, приведшие к обрушению коммунистической системы, продемонстрировали, что традиционная западная советология исходила из ошибочной гипотезы. Она не учитывала, что стремление к восстановлению гражданского общества, к строгому соблюдению буквы закона, развитию институтов частной собственности, свободного предпринимательства и политического плюрализма существовало в Советском Союзе еще до того, как развалился советский режим и началась перестройка [14, с. 36].

Истоки революционных настроений, долгое время сохранявших латентную форму, начали вызревать еще в условиях господства тоталитарной системы власти. Антикоммунистические брожения в сознании масс рубежа девяностых годов XX века во многом были подготовлены и спровоцированы диссидентскими настроениями в интеллигентских кругах, которые в силу творческого характера своего труда всегда тяготеют к возможно большей свободе мышления и самовыражения.

Огромным импульсом к формированию диссидентских настроений в условиях советского режима стал некий политический феномен, вошедший в историю СССР под названием «хрущевская оттепель» (60-е гг. XX века). Он нашел свое выражение в некотором ослаблении политического и идеологического контроля советского государства за индивидом. Как следствие, «внутриполитическое потепление» привело к появлению, наряду с господствующей политической культурой, диссидентской

субкультуры, соединившей в себе ценности западных демократий и некоторые мысли российских и иных национальных революционеров-демократов XIX – начала XX вв. Либерализация ослабила бывшее политическое могущество правящей коммунистической партийно-государственной бюрократии, которая в последующем была вынуждена использовать все возможные средства идеологического манипулирования ради его восстановления. Однако в результате была создана лишь видимость идейно-политического единства общества, которая в реальности уже отсутствовала. Наряду с господствующей политической культурой развивалась субкультура, представленная демократически настроенной интеллигенцией, интеллектуалами, культивируемыми ценности свободы, гражданского общества, индивидуализма, инакомыслия и т.д. Как подчеркивает Д. Е. Фурман, интеллигенция, которая по сути, по своему роду занятий слой творческий, всегда с трудом поддается тоталитарной дисциплине. Поэтому для интеллигенции свобода совести – наиболее естественное состояние, которое является условием ее труда, творчества» [36, с. 16].

В период так называемого «застоя» (1970-1980-гг) оппозиционность мышления творческой интеллигенции находила свое выражение в большей мере в символической форме. На театральных подмостках ставились пьесы исторического содержания, позволявшие от лица героев говорить с публикой на животрепещущие темы в «авторской», т.е. расходящейся с официальной, интерпретации. Развернувшаяся в эти годы борьба за сохранение исторических памятников, главным образом религиозного характера, отражала стремление людей к восстановлению в обществе традиционных, религиозных ценностей, находившихся в конфронтации с официальной идеологией. Ностальгия по сельской жизни, столь ощущавшаяся в произведениях авторов «деревенской прозы» и мало совместимая с принципами «нового советского человека», косвенно оказывала эмоциональную и

моральную поддержку национальной патриотической оппозиции. Даже простая ссылка на те исторические события, на упоминание и изучение которых было наложено официальное табу, уже само по себе являлось актом пропаганды и защиты политических ценностей, альтернативных государственным. Через определенное время обсуждение такого рода табуированных фактов стало эффективным механизмом трансляции оценок и восприятий, оппозиционных тем, что навязывала система.

В Молдове диссидентская настроенность сознания некоторых представителей интеллектуальной элиты общества рельефно проявила себя уже в начале 1960-х годов. Она находила свое выражение в приобретении и чтении румынской литературы патриотически настроенными представителями молдавского этноса, в обсуждении некоторых фактов исторического прошлого молдавского народа, относившихся к досоветской эпохе, в стремлении к чистоте родного языка, в обращении к «деревенской теме», столь талантливо впоследствии представленной в произведениях И. Друцэ, и в патриотической лирике поэтов Г. Виеру, Д. Матковски, Л. Лари и др., а также в постоянно звучащем в радиоэфире песенном фольклоре, в их стремлении стать на защиту традиционных ценностей молдавского народа, ассоциируемых с православным вероисповеданием.

С особой силой эти настроения вспыхнули в Молдове во второй половине 1980-х годов, в период перестройки. Большинство авторов придерживаются того мнения, что главный положительный эффект политики перестройки сводился к предоставлению свободы выражения, в так называемой «гласности». Решающую роль в развитии этого процесса сыграла политика ослабления тоталитарного государства по отношению к своим гражданам [37, с. 28-29]. В Молдове эта политика сразу же вылилась в так называемое «культурное движение интеллектуалов», рупором которых стало еженедельное печатное издание «*Literatura și arta*», обеспечивавшее их широкую связь

с народом. Таким образом, к концу 1980 годов под влиянием неформальных лидеров (М. Чимпой, И. Друцэ, Д. Матковски, Г. Маларчук, Г. Виеру, Н. Дабижа, И. Хадыркэ, П. Солтан, И. Мошану, И. Боршевич и многих других интеллектуалов) был дан старт движению национальной эмансипации молдавского народа [37, с. 30].

Такие движения культурной направленности, выразившиеся в активизации общественной деятельности творческой элиты, были характерны в период перестройки для всех, вовлеченных в этот политический процесс, стран, общей чертой развития которых стал следующий факт: в нем интеллектуалы сыграли особую роль, важнейшей заслугой которых стало содействие падению коммунистического режима [38, с. 82]. Как показывает С. Н. Ейсенштадт, «такие интеллектуалы как Вацлав Гавел, или чуть менее известные польские католические священники и протестантские прелаты были особенно заметны в развитии процессов демократизации, что даже позволило утверждать, будто разрушение коммунистических режимов является их исключительной заслугой» [39, с. 49].

В Республике Молдова перестроечные процессы приобрели особый национальный колорит, выразившийся в изменении культурных ориентиров, а именно, в признании румынских культурных стандартов в качестве основных эталонов культурного развития молдавского общества. В этой связи, «движение интеллектуалов» достигло здесь особого накала и остроты. Если на уровне всего, в то время еще советского, общества в целом интеллектуалы говорили о необходимости обращения к глубинным вопросам человеческого бытия, необходимости гуманистического обновления и подлинного ренессанса человека [40, с. 4-5], то в условиях Молдовы этот вопрос трактовался главным образом как восстановление национальных культурных ценностей, интерпретировавшихся как альтернатива ценностям советского строя. Как отмечает Чарльз Кинг, писатели, деятели

искусства и историки способствовали возрождению национальной молдавской (т.е. румынской) культуры, надеясь на достижение той цели, к которой многие открыто стремились, начиная с 1960 годов [41, с. 151]. В этой связи неслучайно в отечественной интеллектуальной среде столь широко распространено мнение о том, что расшатывание идеологическо-мировоззренческих основ тоталитарного строя, имевшее место в Молдове на рубеже последних десятилетий XX века, а также пробуждение национального самосознания масс, всецело является заслугой молдавских писателей и других деятелей культуры.

В то же время, пробуждению «перестроечных» настроений масс в немалой мере способствовали и ревизионистские устремления правящей политической элиты, на том этапе представленной однопартийной – коммунистической номенклатурой. В попытках вывести советскую страну из состояния застоя, грозящего глубоким кризисом во всех сферах общественной жизни, политическая элита призывала общество к обновлению на принципах «нового мышления», предполагающего некоторое изменение тоталитарного стиля политического руководства и управления. Инициация данного процесса преследовала цель вывода советского общества и его структур (политических, военных, экономических, социальных) из состояния глубокой стагнации, спровоцированной планово-бюрократической экономикой, снижением уровня жизни населения, засильем коммунистической идеологии, «старостью» политического командно-административного аппарата и т.д. [37, с. 29].

В основу нового стиля мышления должны были лечь принципы гласности, транспарентности, консенсуса, плюрализма. Размышляя о сущности доктрины «нового мышления», российский исследователь Д. И. Фурман в это время писал, в частности, следующее: «Примат общечеловеческих ценностей, провозглашенный нашей доктриной «нового мышления», – императив, необходимое условие выживания. «Новое мышление» на междуна-

родной арене предполагает и «новое мышление» внутри нашей страны, сосуществование и сотрудничество в решении глобальных проблем с католиками и мусульманами, социалистами и либералами, предполагает такое же сотрудничество людей разных мировоззрений в решении наших внутренних проблем». Этот же автор далее призывал «менять наше сознание», «расшатывать воспитанные всем нашим прошлым (и дореволюционным и послереволюционным) привычки к идейному единообразию, одной жесткой догматической истине», что должно «трансформировать наши теперешние отношения и препятствовать тому, чтобы в будущем возникли какая-то новая нетерпимость и новый догматизм» [36, с. 16-18].

Предполагалось, что «политика обновления» будет способствовать оживлению общественных отношений, пробуждению общественного активизма, энтузиазма масс, их патриотических чувств, что приведет к существенному подъему в народном хозяйстве без кардинального переустройства общественной системы. Иными словами, «политика обновления» была нацелена не столько на политическую систему как таковую, сколько на человека как субъекта политических отношений и предполагала, прежде всего, трансформацию его «привычки мыслей и чувств» на основе гуманистических ценностей. По замыслу ее авторов, главным механизмом перестройки общественной жизни должна была стать «перестройка нашего мышления и сознания», которая создаст «реальные предпосылки для гуманистического обновления, подлинного ренессанса человека». Поэтому итогом оживленных дискуссий, направленных на «прояснение облика социализма», стали адресованные ученым лозунги: «Больше обращаться к глубинным вопросам человеческого бытия, активнее развивать новое мышление и новый гуманизм» [40, с. 5].

Поскольку «политика обновления» затрагивала в первую очередь сферу сознания, то, не имея намерений отказаться от коммунистической идеи в принципе, а лишь попытаться заново

ее интерпретировать в новых условиях, советская политическая элита стала настаивать на необходимости «восстановления чистоты партийных рядов» и возврате к истокам марксистско-ленинской идеологии. С этой целью была предпринята попытка пересмотра и осуждения некоторых острополитических моментов советской истории, и, прежде всего, периода сталинизма, обернувшегося для страны жесточайшим актом геноцида. С высоких партийных трибун стали раздаваться призывы к покаянию, в котором многие видели наиболее эффективный путь смягчения кризиса, вызванного пересмотром привычных для тоталитарного стиля мышления установок и ориентиров.

Как показала история, планам косметической, по своей сути, «перестройки» советского общества, разрабатывавшимся партийной номенклатурой, не суждено было реализоваться в виду непредвиденно бурной реакции масс, выведшей запущенные «сверху» процессы обновления из-под контроля руководящих политических структур. Широко развернувшаяся критика и самокритика партийного руководства страны, разрушив миф о его непогрешимости, посеяла в сознании масс огромные сомнения в непререкаемой истинности марксистско-ленинской идеологии, служившей методологической базой партийного руководства обществом. В результате, все это вместе взятое было воспринято массами, воспитанными в духе конформизма, как сигнал о завершении эпохи тотального господства коммунистической идеи. Настроение масс, подогреваемое обличительными речами в адрес правящих политиков новыми общественными лидерами, выдвинувшимися на волне перемен, подобно эффекту «лопнувшей пружины», качнулось в резко противоположном официальному курсу направлении – в сторону тотального отрицания коммунизма.

Подобные реакции масс на значимые события из жизни общества хорошо известны истории. Они напоминают движение маятника из крайней позиции в крайнюю. «Маятник», двига-

ясь из «крайности» в «крайность», обязательно возвращается вспять, как правило, совершая колебание от одной жесткой и нетерпимой идеологии к другой, зачастую не менее жесткой и нетерпимой. Подобная закономерность с особой силой проявилась как раз в начале перемен, когда на смену коммунистической идеологии пришел откровенный антикоммунизм, прикрывающийся одеждами демократии, но также, как и прежняя официальная идеология, априори претендующий на монопольное обладание истиной. На этом этапе отрицание коммунизма, наиболее емкой формулой которого был лозунг «Долой коммунистов», стало сердцевинной политической ориентации масс. В конечном итоге, это привело к тому, что коммунистическая идеология утратила монополию в политической сфере и перестала быть государственной. Более того, впоследствии, на какой-то период времени (с 1991 по 1994 гг.) указанная идеологическая система, как и основанная на ней политическая партия, вообще оказались в Республике Молдова под запретом.

Установка массового политического сознания на «отрицание» стремительно ниспровергла общество в состояние духовно-мировоззренческой и идеологической неразберихи, чаще всего определяемое как состояние духовного вакуума. Подобная ситуация обернулась чувством разочарования и утратой ценностных ориентиров для абсолютного большинства населения. Многими это состояние было воспринято как наиболее адекватная форма проявления свободы, по существу трактуемой как всеобщая анархия. Казалось, что общество, обличив и отказавшись от тоталитарной системы власти и превратив ничем не ограниченную свободу в новый политический культ, вообще не приемлет никакой идеи власти. Поэтому неслучайно на этот период перемен приходится пик разгула правового нигилизма, который, охватив все общество в целом, привел, в том числе, к глубочайшей эрозии нравственных ценностей [42].

Резкое падение уровня общей культуры социальных субъектов предопределило состояние нетерпения масс, стремление к быстрой реализации собственных социальных ожиданий. Охваченные революционной эйфорией, опиравшейся на упрощенную картину мира и завышенные социальные ожидания, субъекты политики были настроены на то, чтобы как можно быстрее разрушить старую систему общественного устройства до основания, чтобы затем путем «великого экономического скачка» вырваться на новые рубежи всеобщего благосостояния и абсолютной свободы. Поэтому в начале перемен идея антикоммунистической революции была с огромным восторгом поддержана массами, ожидавшими, что «новая жизнь» принесет им быстрое и легкое обогащение.

В то же время, идея демократического переустройства общества, начавшая стремительно распространяться в общественном сознании с середины 1980-х годов, приобрела всеобщую позитивную оценку. Возможности демократии, связываемые в массовом сознании преимущественно с надеждами на улучшение материального благосостояния, на данном этапе явно преувеличивались, что давало возможность говорить о всеобщей «демократической эйфории». Та же горячая страсть, которая наполняла сердца людей в их борьбе против тоталитарного режима, двигала массами и в их действиях, направленных на поддержку новых политических лидеров-демократов, противопоставивших себя государственно-партийной номенклатуре. Демократия превратилась в политический лозунг, объединивший все радикально настроенное население, которое в этот период составляло большую часть общества, в панацею, в абсолютную и непререкаемую ценность, что позволило констатировать формирование в стране «продемократического консенсуса» [43, с. 162].

Однако переход общества на позиции защиты свободы и демократии являл собой, по большей мере, чисто формальный жест, по существу символизировавший лишь смену «политических знамен». Коммунистическая идеология перестала быть

государственной, но заметного изменения ценностей и стандартов политического поведения не произошло, поскольку демократия воспринималась большинством населения не столько, как теоретически универсальная форма политического устройства, сколько как «символ перемен» и как формальная альтернатива «старому порядку».

Начало демократических изменений в Республике Молдова приобрело свой специфический смысл, сводившийся к открывшимся возможностям реабилитации национальной культуры. В ситуации ценностной дезориентации, – как отмечает И. Боцан, – на первый план выдвигаются призывы вернуться к истокам, к «подлинным» национальным, традиционным ценностям, к вере предков и т. д. и т. п., что в конце 80-х -начале 90-х, когда происходил развал СССР, послужило стимулом для роста национализма [44]. Перестройка и движение национально-го возрождения пробудили социально-политический активизм людей, стремление к реализации социальной и исторической справедливости, прежде всего, в духовной сфере общества: к сохранению и возрождению национальных традиций и родного языка, национальной и культурной идентичности и т. д. [37, с. 37]. Приобретя форму движения за возрождение национальной культуры, перестройка для Республики Молдова, как и для многих других бывших союзных республик, находившихся в жесткой зависимости от политики «центра», в итоге вылилась в национально-освободительную борьбу, цели которой простирались, на много дальше задач культурного возрождения. Как пишет Чарльз Кинг, спеша себя противопоставить «центру», как, впрочем, и местному партийному руководству, бессарабские политики создали единый фронт с новым поколением интеллектуалов. Местные политики рассматривали национальное движение как средство получить больше концессий от «центра» и отстранить от власти коммунистических руководителей брежневского периода [41, с. 151].

Представители национально-патриотических сил, являвшихся наиболее влиятельной политической силой «молдавской перестройки», рассматривали начавшиеся демократические изменения в обществе как суть национально-освободительную борьбу, конечной целью которой является не только национально-культурное возрождение Молдовы, но и ее воссоединение с Румынией, и создание унитарного государства. Поэтому не случайно Чарлз Кинг отмечает, что для политического активиста Ю. Рощки, как и для многих других последователей идеи панрумынизма, национальное возрождение и панрумынское объединение представлялись закономерными результатами процессов демократизации [41, с. 153]. Данная политическая установка привела к тому, что отношения с Румынией превратились в ключевую проблему молдавской повестки дня [41, с. 152]. Установка доминировавших на политической арене сил на укрепление отношений Молдовы с Румынией вплоть до их полного государственного объединения предопределила многие политико-культурные параметры жизни молдавского общества на рубеже 90-х годов XX столетия, наиболее существенными из которых стали радикализм, национализм, панрумынизм, реваншизм.

Узловой проблемой, объединившей на рубеже последних десятилетий прошлого века радикально настроенные силы молдавского общества, стремившиеся к кардинальным политическим изменениям (интеллектуалов и некоторых представителей политической элиты), стала проблема родного языка, которая впоследствии превратилась в главный символ революционной борьбы молдавского народа за независимость, самоопределение и демократические изменения. Поэтому неслучайно принятие в 1989 году нового законодательства о языках (*Legea cu privire la statutul limbii de stat a RSS Moldovenești din 31 august 1989 și Legea cu privire la revenirea limbii moldovenești la grafia latină din 31 august 1989*), придавшего молдавскому языку статус государственного и способствовавшего переводу письменности на

латинскую графику, вошла в историю молдавской государственности как первая наиболее знаменательная победа демократии на молдавской земле. Победа, которая пробуждала в сторонниках радикальных перемен чувство гордости за свою родину и решимость не останавливаться на достигнутом, но двигаться дальше к покорению новых рубежей на пути к независимости.

Независимость, как политическая ценность, на этом этапе трактовалась радикально настроенными слоями общества, в первую очередь, как выход Молдовы из-под «союзного» влияния в лице центрального партийного руководства. Поэтому следующим рубежом на пути к победе демократии в Молдове стали отказ от идеи партии-государства, от монополии на власть, от господства одной идеологии (май 1990 г.) в пользу многопартийной системы как основы дальнейшего развития политической жизни страны, приведшей к диверсификации ее политического ландшафта. В июне того же года принятая Декларация о Государственном суверенитете утвердила приоритет местных законов над союзными. В мае 1991 года молдавский Парламент проголосовал за отказ от прежнего названия республики (МССР), принятого в советский период, дав ей новое имя – Республика Молдова. В это же время были приняты собственные политические символы: флаг и герб, которыми соответственно стал вариант румынского триколора и изображение головы быка времен Штефан чел Маре (*Ștefan cel Mare*). Использование данных символов, закрепляющих определенные образы и смыслы, призвано было знаменовать изменившиеся политические реалии – отмежевание от унитарного государства в лице СССР и основание нового социально-политического организма, тяготеющего к иному культурно-политическому пространству в лице родственной Румынии. Ценностные ориентации, нашедшие в них свое отражение, призваны были способствовать осознанию молдавским народом своей «настоящей идентичности» в

отличие от представителей других этносов и унитарного этноса «советский народ».

Руководствуясь эйфорией победы, активисты движения национального возрождения, ратовавшие за полное и немедленное восстановление исторической справедливости, стали призывать к решительным и беспощадным мерам реваншистского характера по отношению к русскоговорящему населению страны, ассоциируя его с оккупационными силами. Русский язык, служивший государственным языком в условиях советского строя, стал рассматриваться как символ тоталитарной власти, а русскоязычное население – как социальный оплот тоталитаризма, подлежащий кардинальной культурной трансформации.

Постановка вопроса о языке в жесткой, бескомпромиссной форме, отразившая сущность культурно-политических процессов рубежа последних десятилетий XX века в Республике Молдова, привела к расколу общества на противоборствующие этнополитические группы: на «своих» и «чужих», радикалов и консерваторов. Одна группа, представленная государствообразующей нацией, активно приветствовала демократические перемены в обществе, ассоциируя их, в первую очередь, с процессом национально-культурного возрождения. Другая группа, объединившая большинство русскоговорящего населения, напротив, не могла найти своего места в новой конфигурации социально-политических отношений. Не желая мириться с изменившейся политико-культурной реальностью, отводившей ей роль «второго плана», указанная группа вынуждена была из чувства страха и стремления к сохранению собственной этнокультурной идентичности оказывать активное противостояние любым переменам в обществе и, тем самым, ставить себя в оппозицию по отношению к процессам демократизации. Данную ситуацию Чарльз Кинг описывает следующим образом: «Политика правительства И. Друк, ориентированная на вытеснение немолдован из учреждений культурного характера и отстране-

ние от русскоговорящего населения, спровоцировала обоснованные страхи в среде национальных меньшинств, связанные с возможным вхождением страны в состав Великой Румынии» [41, с. 156]. Поэтому политическая культура в Молдове рубежа 1990-х – это не только состояние эйфории по поводу происходящих в обществе перемен, но и чувство страха, безысходности, оскорбленного самолюбия, сожаления, обиды и т.п., поразившие национальные меньшинства, интересы которых были отброшены в сторону новой государственной политикой.

Борьба национальных меньшинств за собственные интересы спровоцировала ожесточенные конфликты между мажоритарным этносом, с одной стороны, и русскоговорящим населением Приднестровья, а также населением юга страны – с другой, доведенные впоследствии до военного противостояния. Это объясняется тем, что многие молдавские интеллектуалы рассматривали принятие Закона о языке как исторический факт реабилитации истинной молдавской идентичности, в то время, как действия гагаузских сепаратистов и приднестровцев, с указанной точки зрения, попирали национально-культурное возрождение, инициированное в 1988 году [41, с. 156]. Поэтому русскоязычное население стало ассоциироваться в сознании многих радикально настроенных сторонников идеи национально-культурного возрождения с образом врага. В то же время, значительная часть русскоязычного населения, воспитанного на идеях великорусского шовинизма, испытывая мучительные чувства, связанные с ущемлением своего национального достоинства, обвиняла коренной этнос в предательстве идеи интернационализма и социальной справедливости, и все более настойчиво поддерживало сепаратистские тенденции в стране.

Проблема языка и культурно-национальной идентичности, ставшие главной «темой» демократического реформирования в Республике Молдова на рубеже 1990-х годов, обусловила культурный раскол общества не только по национальному, но

и по политическому принципу, превратилась в культуру раскола со всеми сопутствующими подобной культуре признаками и характерными чертами: отсутствием единства общества в отношении главных ценностей и целей политического развития, поляризацией взглядов, конфронтационностью, конфликтностью, бескомпромиссностью. Таким образом, Республика Молдова стала практически единственной в Европе страной, где «кризис национальной идентичности (молдаване или румыны?) представляет собой определяющий фактор в поляризации взглядов политических сил. Начиная с выборов 1994 года данный вопрос постоянно используется в предвыборных кампаниях» [44].

Начало нового этапа в эволюции политической культуры периода демократического транзита связано с событием огромного исторического значения – декларацией независимости Республики Молдова от 27 августа 1991 года. Данный этап охватывает практически целое десятилетие – вплоть до начала нового века. Этот этап вошел в историю молдавского демократического транзита как период, приведший к окончательному культурному расколу общества с сопутствующим ему ростом конфронтационности – в начале десятилетия, и нарастанием разочарования широких масс людей в политике, не оправдавшей связывавшихся с ней социальных надежд, – к его концу. Усталость людей от политики, политическая дезориентированность стали его характерными чертами. Особенностью политической культуры на этом этапе развития стало усиление политической дифференциации общества, углубление его политического раскола и обострение политических разногласий. Однако, если в начале перемен демаркационной линией культурно-политического раскола, разделявшей общество на оппозиционно настроенные политические силы, было отношение к коммунистической идеологии и к движению культурно-национального возрождения молдавского народа, то после августовских событий 1991 года и последовавшим за ними запретом деятельности Ком-

мунистической Партии, ситуация существенно изменилась, превратив в непримиримых политических оппонентов и врагов даже тех, кто в свое время стоял под одними политическими знаменами, выступая за национально-культурное возрождение молдавского народа.

Новая линия раскола развела в противоположные стороны не только все политическое сообщество в целом, но и те политические силы, которые в этот период находились в авангарде молдавской политики. Речь, прежде всего, идет о Народном Фронте (*Frontul Popular*), изначально представлявшем собой широкое национальное движение и воплощавшем в себе настроенность народных масс на демократические перемены и национально-культурное возрождение. То, что в начале 1989 года выглядело как организация, объединявшая между собой членов правительства, рабочих, крестьян и интеллектуалов под знаменем реформ, – как отмечает Чарльз Кинг, – очень быстро распалось на различные фракции в зависимости от различных целей и интересов. Национальное движение конца 1980-х гг. было более сложным, чем себе его представляли многие наблюдатели. В его центре находились несколько групп, которые, несмотря на общие призывы к национальному возрождению и местному самоуправлению, все же имели противоположные политические интересы. Как только Молдова приобрела независимость и свободная политическая конкуренция стала возможной, несхожесть указанных интересов стала очевидной [41, с. 151, 169-170].

Вскоре после своего культурного триумфа периода перестройки, Народный Фронт пал жертвой собственного успеха. Как только поставленные им цели были достигнуты (возрождение национальной культуры и выход Молдовы из Советского Союза), у сторонников движения обозначились серьезные разногласия по проблеме будущего развития страны, разбившие его на два основных крыла: радикалов, настаивавших на идее

объединения Молдовы с Румынией, и умеренных сторонников идеи национально-культурного возрождения, ратовавших за сохранение государственной самостоятельности страны.

В феврале 1992 года Народный Фронт из массового народного культурно-политического движения трансформировался в политическую партию – Христианско-демократический Народный Фронт (*Frontul Popular Creștin Democrat – FPCD*), декларировавшую в качестве своих базовых ценностей антикоммунизм и панрумынизм. Отношение к этим ценностям стало для членов партии своего рода тестом на преданность *FPCD*. С тем, чтобы обозначить свою главную идеологическую установку, *FPCD* включил в свой устав программу объединения с Румынией. В частности, в Программе партии отмечалось, что Христианско-демократический Народный Фронт сохраняет свой статус как национального, унионистского движения, главной целью которого является восстановление румынского унитарного государства. Следуя данным идейным установкам, отрицавшим легитимность существования самостоятельного молдавского государства, партия стала ратовать за изменение названия страны, которая отныне стала именоваться ее членами не Республика Молдова, а Бессарабия и промульгировать идею ее исторической принадлежности Румынии в качестве одной из ее провинций.

Однако политический радикализм и акцент на панрумынской идее, реализация которой превращалась в Программе *FPCD* в главную цель культурно-политического развития общества, привели к тому, что широкие массы населения и многие политические лидеры, ранее поддерживавшие пропагандировавшиеся Народным Фронтом идеи национально-культурного возрождения, отошли от этого движения после того, как оно трансформировалось в политическую партию. Исследования общественного мнения, проведенные в 1992 году, в частности, показыва-

ли, что менее 10% этнических молдаван поддерживают идею объединения Молдовы с Румынией и 87% молдоговорящего населения считают свой язык молдавским, а не румынским. Кроме того, согласно результатам референдума, инициированного правительством в этот же период, более 90% его участников проголосовали за сохранение независимости страны в ее пост-советских границах [45].

Чарльз Кинг, в связи с этим, очень точно подметил один парадоксальный факт. Та массовая поддержка, которую, казалось, оказывало население националистам, куда-то исчезала, как только народ выходил на выборы [41, с. 150]. Это делало очевидным тот факт, что народ Молдовы, испокон веков привыкший жить в мире и согласии в условиях полиэтнического пространства, в своем подавляющем большинстве не приемлет крайних форм проявления национализма и радикализма, и потому народные массы более склонны голосовать за умеренное политическое крыло, наиболее полно отражающее их настроения и ориентации в мире политики. Поэтому неслучайно именно это крыло, представленное на тот период «аграриями», стало в 1990-е годы лидирующей политической силой, несмотря на то, что «фронтистам», пользовавшимся панрумынской риторикой для завоевания симпатий народа, все еще удавалось выводить значительные массы людей на улицу.

Будучи горячими сторонниками национального движения в конце 1980-х годов, в начале 1990-х годов лидеры «аграриев», в отличие от сторонников *FPCD*, решительно высказывались в пользу укрепления национальной независимости Республики Молдова, проповедуя доктрину «двух государств» (*«celor două state»*), и настаивали на идее возрождения молдавской культуры, рассматривая ее как отличающуюся от румынской. Сопротивление унионистским тенденциям «фронтистов» нашло свое проявление, прежде всего, в отказе наиболее радикальных

«аграриев» от ставшего уже традиционным использования термина «румынский» для обозначения языковой принадлежности молдаван и термина «румын» для обозначения их этнической принадлежности. Однако нагляднее всего это сопротивление выразилось в замене принятого в 1991 году национального гимна Молдовы «*Deșteaptă-te, române*» – общего с Румынией, на новый гимн «*Limba noastră*», написанный на слова известного молдавского поэта Алексея Матеевича. Другой, не менее важной, вехой на этом пути стало принятие (1994 г.) новой, постсоветской Конституции, где в Ст. 13 записано: «Государственным языком Республики Молдова является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики» [46]. Тем самым, в молдавской политике совершенно отчетливо обозначились контуры «молдовенизма» или «молдавского национализма», объединившего те политические силы, которые впоследствии стали главными противниками идей панрумынизма.

Помимо идеологических установок националистической направленности, в политической жизни общества немалый вес в рассматриваемый период стали приобретать идеи, развиваемые левым ультраконсервативным крылом, представленным движением «*Unitate-Единство*». Лидеры указанного движения в жесткой форме отрицали как идеалы панрумынизма, так и установки молдовенизма, предлагая использовать в качестве официального языка русский язык, служащий языком межнационального общения, и настаивали на укреплении отношений с Россией. Показательно, что на этом этапе сторонниками левых идей являлось по большей части русскоязычное население, связывавшее с консервативной, прорусской и антиреформистской политикой главные надежды на выживание в сложившихся для них неблагоприятных общественно-политических условиях [44].

Политика плюрализма, приведшая к усилению политической дифференциации общества и росту числа политических партий, на данном этапе, тем не менее, мало способствовала

распространению в стране каких-либо новых систем идеологий. В первые годы независимости политические партии Молдовы не торопились развивать ясные политические идеологии или формировать собственный электорат; единственным их занятием была риторика панрумынизма и молдовенизма. Поэтому характерной чертой политической культуры данного периода является отсутствие хорошо контурированных партийных идеологий, вследствие чего проблема национальной идентичности стала основой дифференциации политической принадлежности [41, с.150-171].

Несмотря на то, что наиболее мощный всплеск политики идентичности оставался уже в прошлом, отсутствие хорошо продуманной и четко обозначенной партийной идеологии вело к тому, что проблема идентичности, способная провоцировать наиболее бурную реакцию электората, продолжала определять главные параметры расклада политических сил общества, разбивая его на различные политические лагеря, по-разному трактующие свою идентичность и по-разному отвечающие на вопрос о перспективах государственного развития. Апелляция к национальному достоинству, призыв к защите основ национальной культуры, обвинения в предательстве национальной идеи, звучавшие в адрес политических противников, все еще позволяли подпитывать немалый интерес электората к политической жизни. В то же время, попытки выдвинуть экономические проблемы в качестве приоритетных задач органов власти были слишком слабыми, представители которых по большей части были заняты политическими дискуссиями.

1990-е годы вообще вошли в историю становления демократии в Молдове как время наиболее отчаянных политических боев между сторонниками и противниками идеи унионизма и вытекающей отсюда проблемы национальной идентичности. Боев, в ходе которых политические идеи панрумынизма и национальной независимости страны из «боевого знамени» масс

периода перестройки, объединявшего радикально настроенные силы общества, постепенно превращались в главное оружие борьбы политических партий и их лидеров за электорат и, тем самым, за власть. Политическая история нашей страны начала 90-х годов XX века, – отмечает П. Варзарь, – показывает, что ни одна, пришедшая к власти, политическая сила не сумела выработать и реализовать собственной национальной концепции демократического транзита. Чаще всего, политические элиты тратили свои силы главным образом на споры (чаще всего, пустые) о власти. Таким образом, борьба политических элит за власть стала определять главное содержание политической жизни молдавского общества на рубеже последних веков, по существу превращаясь в самоцель политической активности [37, с. 70]. В тот период, – как уточняет И. Боцан, – молдавский политический класс уже прекрасно понимал, что в стране, переживающей переходный период, политика – лучший бизнес. В такой стране, как Республика Молдова, политика является самым выгодным бизнесом в смысле обеспечения благоприятных условий приближенным экономическим кланам» [44].

В подобной ситуации наметился глубокий разрыв между политической элитой и электоратом, к мнению которого политические лидеры отныне стали апеллировать, руководствуясь, главным образом, целью обеспечения массовой поддержки на выборах возглавляемых ими партий. В этих условиях происходит все большее дистанцирование политической элиты, увлеченной борьбой за власть, от электората, испытывавшего на себе все тяготы переходного периода, сопряженные с массовым обнищанием всего населения страны, независимо от этнической принадлежности. Игнорирование политической элитой, властвовавшей в стране во второй половине 1990-х годов, нужд и потребностей широких народных масс существенно актуализировало интерес общества к политическим силам левой конфигурации. Изменения в настроении масс наглядно проде-

монстрировали парламентские выборы 1998 года, в результате которых возрожденная Партия Коммунистов Республики Молдова получила самое большое количество парламентских мест. Однако эта победа коммунистов знаменовала не только победу левых идей, ориентированных на социальную защиту народных масс, но и начало ухода политиков от идеи национальной идентичности, трактовавшейся как ключевая проблема молдавской политической жизни. Коммунистам удалось перешагнуть через этнические барьеры, что позволило им получить поддержку со стороны этнических молдаван, которые были разочарованы состоянием упадка экономической жизни, тем самым преодолев узость националистических идей, как правого, так и левого толка [41, с. 166].

Увлеченность молдавских политиков начала «демократической волны» борьбой за власть и отсутствие прочного идеологического обеспечения модернизационных процессов, апелляция в борьбе за электорат к националистическим идеям, обладающим наиболее провокационным, будоражающим характером, усиление экономического и социального разрыва политических элит с электоратом, с одной стороны, а также накопление и хроническая нерешаемость острейших социально-экономических проблем, игнорирование насущных интересов стремительно деградирующих народных масс, поставленных на грань выживания – с другой, со временем породили в обществе синдром усталости от политики, разочарования и неверия в успешность демократических перемен в Молдове, скептицизм по отношению к политическим формированиям и их лидерам, независимо от их политической колоратуры.

Экономические тяготы и социальная незащищенность обернулись тяжелейшим испытанием для всего молдавского народа, спровоцировав настоящий «бум» трудовой миграции. Значительная часть трудоспособного населения страны, поставленного перед проблемой выживания, вынуждена была отправиться

на заработки в другие, более благополучные в экономическом отношении, страны с тем, чтобы обеспечить свое собственное существование и существование своих близких. В результате в Молдове сложилась уникальная для европейского региона ситуация, когда благодаря массовой трудовой миграции населения, по сути, целый социальный пласт оказался выключенным из политической жизни страны. Разочарование в способностях молдавских политических элит изменить жизнь в стране к лучшему, обнищание населения и его вынужденная трудовая миграция существенно охладили интерес масс к политике.

Демократическая эйфория и революционный энтузиазм народных масс, разбуженный в начале перемен процессами кардинального переустройства общества и его национально-культурного возрождения, к концу 1990-х годов стали постепенно спадать, уступая место настроениям разочарования, провоцируемым «грязными играми» политических элит в борьбе за власть, высоким уровнем их коррумпированности, несбывшимися социально-политическими ожиданиями и тяжелым экономическим положением. В то же время, произошел перелом в политических предпочтениях молдавского народа, выразившийся в актуализации в политическом сознании общества социально ориентированных идей, способствовавший политической реабилитации «левых», а также в желании видеть во главе политического руководства «сильную власть», способную «навести порядок» в стране и вывести ее из состояния всеобщего хаоса.

Политическая культура молдавского общества, таким образом, претерпела на рубеже последних десятилетий прошлого столетия радикальные изменения. Именно на этом этапе определились ее главные особенности как культуры периода демократического транзита, которые наиболее емко отражает понятие «культуры раскола». Вместе с тем, его особая значимость для истории становления и развития молдавского общества заключается в том, что в этот период были заложены главные

предпосылки для утверждения в нем демократических ценностей: была разрушена тотальная монополия на власть одной партии, отвергнута идея государственной идеологии. В то же время, высокую позитивную оценку общества приобрели демократические ценности, такие как свобода и справедливость, защита фундаментальных прав человека, свободное развитие человеческой личности, толерантность и политический плюрализм, гласность и транспарентность. Всеобщее признание демократических ценностей носило на этом этапе преимущественно декларативный характер. Сложившиеся в ходе перемен политические ориентации людей в действительности оказались слишком далекими от культуры демократии, основными свойствами которой являются плюрализм, консенсус и многообразие. Поэтому формирование политической культуры, адекватной потребностям консолидации демократии, стало для молдавского общества одной из наиболее важных проблем дальнейшего политического развития.

1.3. Изменения в политической культуре молдавского общества в начале нового столетия

К началу 2000-х годов в стране заметно обозначилось замедление хода политических перемен, сопровождавшееся существенным спадом политической активности населения. Волна политизации, захлестнувшая молдавское общество в начале перемен, не только пошла на спад, но и вступила в полосу своего отката. Эйфория первых лет демократических преобразований улеглась, существенно угасли агрессия и нигилистский настрой масс, чувства крайнего раздражения, нетерпимости и злобы, провоцировавшиеся в начале перемен ожесточенной политической борьбой за независимость и суверенитет страны, за возрождение национальной культуры. В условиях сложившегося нового политико-культурного фона многим экспертам

стало понятно, что политическая жизнь в Республике Молдова, вступившей в новое тысячелетие, начала развиваться с некоторой регрессией. С этого этапа наиболее заметной тенденцией политико-культурного развития молдавского общества становится тяготение его политической ментальности к авторитаризму и реанимации многих других, исторически сложившихся, культурных образцов. И. Боцан совершенно справедливо подчеркивает, что «когда спала волна энтузиазма, стало ясно, что политическая культура населения, способность налаживать и управлять собственным бизнесом, умение защищать свои интересы и права при открытой экономической конкуренции, проявлять интерес к поддержанию минимальной социальной сплоченности и т. д. были намного ниже уровня, необходимого для развития в новых исторических условиях. Вот почему вскоре после завоевания свободы, когда социальное и материальное положение населения стало катастрофически ухудшаться, абсолютное большинство молдавских граждан охватила ностальгия по *потерянному советскому раю*» [44].

Массовое обнищание молдавского народа в результате проводившейся в стране в 1990-е годы политики «шоковой терапии», поставило широкие слои населения на грань выживания. На углубляющуюся нищету и обострение проблем выживания, обретенных взамен обещанному политиками всеобщему процветанию в результате слома тоталитарной коммунистической системы, а также на «войну всех против всех», ставшую сущностью молдавского мира политики, народ Молдовы ответил соответствующей эмоционально-психологической реакцией: падением доверия к политикам, разочарованием в политике, апатией, депрессией, усталостью от политики, индифферентизмом и абсентизмом. В то же время, в настроении значительной части молдавского общества заметно обозначилось стремление к стабилизации общественно-политической ситуации и рост ностальгических настроений по «старым добрым временам»,

когда колбаса в магазине была дешевой, медицинское обслуживание и образование – бесплатным, а старость – обеспеченной. В этих условиях идеи «левого» толка, обращенные коммунистами к массам простого народа поверх разделительных этнических барьеров, с их ярко выраженной социальной компонентой, приобрели новое актуальное звучание, что привело «маятник» политических предпочтений в обратное движение. Как следствие, Партия Коммунистов Республики Молдова, с которой широкие массы обнищавшего населения стали связывать свои надежды на выживание в агрессивных общественных условиях, добилась своей социальной реабилитации. Однако реанимирование системы взглядов левой конфигурации приняло в массовом сознании исключительно избирательный характер, коснувшись, прежде всего, того пласта идей, который связан с представлениями о социальной защите. При этом революционный аспект коммунистической идеологии, призванной вдохновлять на борьбу с капиталистической системой, остался невостребованным. Несмотря на испытываемые трудности демократического транзита, сопряженные с углублением кризисного состояния во всех областях общественной жизни, молдавское общество продолжало последовательно демонстрировать свою приверженность взятому Республикой Молдова курсу на демократическое реформирование, не выказывая сколько-нибудь серьезного стремления к восстановлению не только прежнего политического строя, но и прежней страны.

Победа, которой добилась Партия Коммунистов на Парламентских выборах 2001 г., стала возможной, в том числе, благодаря существенному пересмотру молдавскими коммунистами многих программных установок и критическому отношению к «ошибкам и перегибам» советского прошлого. С одной стороны, Партия Коммунистов продолжала декларировать свою преданность идеологии марксизма-ленинизма. С другой – коммунисты открыто высказались в пользу углубления процессов

демократической модернизации и укрепления тех основ общественной жизни, которые были заложены после слома тоталитарного режима, тем самым, призывая общество идти вперед, а не назад. Примирив себя с формирующейся капиталистической реальностью, Партия Коммунистов отодвинула задачи и цели построения социализма в плоскость исторической перспективы. В то же время, коммунисты заявили о своем намерении строить демократическое социальное государство, на практике реализующее принципы социальной справедливости и равенство условий развития для всех категорий населения [47].

В подтверждение своей решимости двигаться вперед по пути реформирования молдавского общества в соответствии с ценностями и стандартами западной демократии, Партией Коммунистов была взята на вооружение идея европейской интеграции. В молдавских политических кругах эта идея уже была озвучена ранее. С приходом к власти Партии Коммунистов европейский вектор развития стал рассматриваться в качестве основного стратегического курса развития страны [37, с. 71]. В стремлении продемонстрировать свое идеологическое обновление, призванное, в то же время, подчеркнуть роль молдавских коммунистов в процессах национально-культурного возрождения страны, Партия Коммунистов стала оказывать всемерную поддержку деятельности Молдавской Митрополии. Правящая коммунистическая верхушка, принимая самое активное участие в различных акциях религиозного характера, всячески стремилась показать не только свою лояльность по отношению к религии, но и наличие глубоких религиозных чувств.

Произошедшие с Партией Коммунистов идеологические метаморфозы отразили специфику сложившейся в стране общественной ситуации. В попытке создать своего рода «интегральную идеологию», отвечающую «на злобу дня» и сочетающую самые разные идейные установки и цели, Партия Коммунистов, по оценкам некоторых экспертов, утратила собственное виде-

ние будущего, будучи вынужденной подстраиваться под лозунги западного либерализма и социал-демократии [48]. Однако, несмотря на явное несоответствие между названием партии и совокупностью тех идеологических установок, которые она исповедует, а также на ту ответственность, которую общественность возлагает на нее за издержки тоталитарного прошлого, Партия Коммунистов Республики Молдова предпочитает сохранять это название как популярный политический брэнд. По-прежнему ассоциируясь в массовом сознании с преданностью интересам простого народа, данный брэнд в начале 2000-х гг. обеспечил ей широкую поддержку на выборах.

Политическая ситуация, сложившаяся в Республике Молдова после победы Партии Коммунистов на парламентских выборах (2001 и 2005 гг.), способствовала концентрации власти в руках одной политической силы. Это значительным образом стабилизировало политическую жизнь в стране, во многом снизив в обществе эмоциональный накал, связанный с характером развертывания политических событий. В то же время, реализация властвующими структурами ряда программ социальной направленности позволила смягчить ту предельную остроту проблемы бедности, которую молдавское население испытывало к концу 1900-х – началу 2000-х гг.

Изменение эмоционально-психологического климата в стране с приходом во власть коммунистов заметно сказалось на трансформации отношения граждан к политике. На начальном этапе властвования Партии Коммунистов доверие населения ко всем уровням и структурам политической власти существенно возросло. Однако к завершению пребывания коммунистов во власти былое доверие людей резко пошло на спад. Интерес к политике, напротив, обнаружив свое снижение по мере стабилизации политической жизни в стране, существенно активизировался накануне новых парламентских выборов 2009 г. [49]. Снижение интереса широких масс людей к политике, дистан-

цирующее их от реального участия в политической жизни, способствовало окончательному формированию и закреплению в их политическом сознании ориентаций «наблюдателя», для которого политика в шкале социальных ценностей занимает самую низшую ступень.

В отличие от критицизма, нигилизма и радикализма, доминировавших в период «демократического момента», в массовом сознании новую силу приобрели настроения конформизма, этапизма и патернализма [50]. Молдавское общество в целом примирилось со сложившейся в стране практикой развития социально политических процессов, разворачивающихся согласно схеме «сверху-вниз», в которых политической элите отводится роль основного генератора политических ценностей, целей и задач. В своем подавляющем большинстве граждане страны стали все более явно демонстрировать предрасположенность к подчинению воле властей и стремление переложить всю ответственность за ход демократического реформирования на властвующие структуры.

Подобная ментальная предрасположенность молдавского общества заметно сказалась на политическом активизме масс, который в рассматриваемый период существенно снизился по сравнению с начальным этапом демократических перемен [50]. Если для рубежа 1990-х гг. была характерна предельная степень политизации, объединявшая в едином протестном порыве самые широкие общественные силы, то теперь, напротив, дистанцируясь как можно дальше от мира политики, большая (около 80%) часть молдавского общества выказывала свое нежелание и неготовность принимать участие в каких бы то ни было политических акциях протестного характера: забастовках, пикетах, демонстрациях и т.п. [51]. Предпочтение отдавалось привычным методам воздействия на ситуацию – личным контактам с влиятельными людьми, нежели демократическим механизмам решения возникающих проблем. В то же время,

в политической жизни Республики Молдова начала складываться традиция массового участия в избирательном процессе, для подавляющего большинства являющегося, по существу, единственной формой политического участия. Причем на указанном этапе обнаруживается некая устойчивая тенденция, доминирующая в политических ориентациях граждан: при сниженном уровне доверия к политическим партиям как таковым, политический выбор приобретает преимущественно персонализированный характер. Личность лидера политического формирования становится решающим фактором, определяющим политический выбор масс. Поэтому в стране во всю начинают работать *PR*-технологии, целью которых становится манипуляция сознанием широких масс людей посредством создания благоприятного либо, напротив, неблагоприятного образа политического руководителя [52, с. 237-250].

Несмотря на возросшее с победой Партии Коммунистов доверие к государственной власти, у основной массы населения страны, как и ранее вынужденной полагаться в решении своих насущных проблем только на собственные силы, продолжало крепнуть убеждение в том, что управление страной осуществляется без учета интересов народа. При всем своем конформистском настрое, около половины населения, неся на себе бремя тягот повседневной жизни, испытывало глубокую неудовлетворенность состоянием дел в стране, полагая, что Республика Молдова развивается не в том направлении. Выбор большинства, приведший Партию Коммунистов к власти, в значительной мере стабилизировал общественно-политическую ситуацию, выразившуюся в стабильности правящего режима. Однако реалии формирующейся капиталистической системы с ее глубокими социально-экономическими противоречиями не сняли озабоченности широких масс проблемами выживания. Поэтому «наметившийся еще в 1990-е годы разрыв между

широкими слоями электората и политической элитой не только не был преодолен, но и получил свое дальнейшее закрепление в условиях изменения политического расклада сил» [50].

Осмысление массовым сознанием проблем выживания, несмотря на прокоммунистические настроения большей части молдавского электората, в рассматриваемый период, тем не менее, продолжало оставаться исключительно в границах экономической плоскости. В этой связи, основные требования, предъявлявшиеся народом структурам государственной власти, касались, главным образом, экономической составляющей (повышения зарплат, пенсий, борьбы с бедностью, борьбы с безработицей, борьбы с коррупцией и т.п.), оставляя в тени собственно политические интересы широких масс. В стране стал очевиден острый дефицит политической идеологии. Идеологическая конструкция, разработанная обновленной Партией Коммунистов, несмотря на ее декларативную приверженность коммунистическим принципам, по существу, оказалась лишенной традиционного для коммунистической идеологии классового содержания. Поэтому выбор, сделанный страной на рубеже последних веков в пользу Партии Коммунистов, нельзя считать выбором молдавского общества в пользу коммунистической идеологии, ориентированной на интересы трудового народа. Молдавский электорат, преследуя в своем политическом выборе преимущественно цели социально-экономического характера, в то же время, демонстрировал свое равнодушие по отношению к каким бы то ни было политическим идеологиям, ассоциируя ментальную приверженность к определенной системе политических взглядов не только с тоталитарным прошлым, но и с духовной несвободой как таковой, с моральным насилием, с отсутствием духовного выбора и т.д.

В Республике Молдова, таким образом, отчетливое проявление приобрела тенденция к деидеологизации массового со-

знания, отразившая закономерности не только внутреннего, но и мирового общественно-политического развития в XXI веке [53, с. 9]. Стало очевидным, что в современном молдавском мире политики нет места для универсалистских идеологий. Сегодня для него более характерен партикуляризм политических практик, отражающий фрагментированный политический порядок, который находит свое отражение не столько в стройной системе классово ориентированных взглядов, сколько в определенном наборе политических идей популистского свойства, тем или иным образом представленных в программных документах самых различных политических партий и делающих их, по существу, однотипными. Такими идеями, в частности, стали идея культурно-национального возрождения, идея борьбы с бедностью, борьбы с коррупцией, идея европейского будущего как гаранта процветания страны и т.п. В этой связи, неслучайно молдавский электорат, с одной стороны высоко ценя демократические завоевания, и, в том числе, плюрализм мнений, последовательно стал высказываться за существенное сокращение числа политических партий путем объединения или поглощения политических формирований, опирающихся на однотипные цели и программы развития (58,5%) [51].

Политическая жизнь, складывавшаяся в Республике Молдова в первые годы нового столетия, продемонстрировала, что на фоне общего идеологического господства «социального популизма» наибольший интерес граждан в современных условиях способны привлечь лишь ярко выраженные левые и националистические идеи, как, впрочем, это происходит и во многих других странах молодой демократии. Эмоциональная наполненность указанных идей, связанная с острыми переживаниями культурно-патриотического и социально-экономического свойства, обозначила глубокую дихотомию политических взглядов молдавского электората.

В политической ментальности общества произошло окончательное оформление двух основных поляризованных блоков идей. В одном блоке в неразрывной связке оказались представленными идеи либерализма, антикоммунизма и национализма, нацеленные на ускоренные радикальные изменения, а также на широкую помощь со стороны институтов Евросоюза и МВФ, в своей крайней форме допускающие возможность объединения с соседней страной – Румынией как членом Евросоюза, призывающие к окончательному отмежеванию от наследия прошлого в лице Российской Федерации. В другом – идеи «левизны», молдовенизма и консерватизма, ратующие за укрепление социальной защищенности граждан Республики Молдова, за умеренные перемены, направленные на дальнейшее укрепление молдавской государственности, независимости и суверенитета страны, за молдавский язык и молдавскую идентичность, за изыскание внутренних резервов развития в процессе демократической модернизации и евроинтеграции, за сохранение традиционных связей на восточном направлении внешней политики. Борьба указанных политических ориентаций, окрасив собою всю политическую жизнь нашей страны, расколола и развела политические силы в два основных «лагеря», ставших непримиримыми противниками в их стремлении к политической власти. Политические партии, конкурирующие между собой в борьбе за власть, несмотря на их многочисленность и специфику программных документов, в условиях сложившегося политического ландшафта стали вынуждены, так или иначе, позиционировать себя по отношению к указанным «политическим лагерям». В то же время, различные политические предпочтения, обозначившиеся в массовом сознании, разделили политическое сообщество Молдовы на множественные субкультуры.

Электоральная практика, разворачивавшаяся в стране, выявила определенные тенденции. Либеральная идея, в ее исто-

рически сложившейся связке с антикоммунизмом и национализмом, уже традиционно вызывает наибольший интерес среди представителей титульной нации и, в первую очередь, тех, кто считает себя румынами. Среди симпатизантов либеральных сил также больше, чем у их политических оппонентов, молодежи, интеллигенции, жителей городов, людей с материальным достатком. В то же время, «левое крыло», представленное на тот момент преимущественно симпатизантами Партии Коммунистов Республики Молдова, в подавляющей части включало в себя русскоязычное население. Основную массу здесь составляло зрелое поколение самого различного этнокультурного спектра, со сниженным материальным достатком, а также жители деревень [49].

Политическое руководство, осуществлявшееся в стране в период с 2001 по 2009 гг., согласно разработанной Партией Коммунистов стратегии политического развития, было призвано способствовать укреплению безопасности, снижению конфликтности, упрочению консолидации и устойчивого развития общества. Реализация указанной политической стратегии тесно увязывалась с экономической политикой. Ее наиболее заметными вехами стали дальнейшая либерализация экономики, а также приведение в действие ряда программ социальной направленности: программы борьбы с бедностью, предусматривающей ряд мер (повышение пенсий, зарплат, адресные компенсации) для наименее защищенных слоев общества и работников бюджетной сферы; программы помощи молодежи; программы возрождения молдавского села. Огромное значение в контексте рассматриваемой стратегии приобрели также проблемы улучшения правовой ситуации в стране, укрепления и поддержания порядка.

Все это, будучи, прежде всего, направленным на стабилизацию правящего режима, на первых порах способствовало

заметному снижению напряженности в общественных отношениях и существенной стабилизации общественно-политической ситуации. Однако со временем, в деятельности правящих структур все более заметно стали проявляться приемы руководства, мало согласующиеся с демократическими нормами и свободами: концентрация власти в руках одной политической силы, маргинализация и третирование оппозиции, стремление к консервации сложившейся политической ситуации, атака на гласность, транспарентность, свободу выражения, процветание волюнтаризма и политики «завинчивания гаек» и т.п. В этих условиях, несмотря на сохраняющуюся конфронтационность в отношениях основных политических оппонентов, спорящие стороны все реже прибегали к использованию широких масс для осуществления политического давления на руководство страны. Протестное поведение масс теперь не только не приветствовалось высшим политическим руководством, но и вызывало крайнее раздражение, нередко сопровождавшееся «приступами» нетерпимости, порой выливающимися в настоящую полицейскую расправу над теми, кто выражал свое явное несогласие с официальной политикой.

Стремление властей «навести порядок» в стране, при всей их декларативной приверженности идеалам демократии и свободы, в реальности привело к тому, что на смену периодам «перестройки» и «демократического момента» пришел откат к патерналистско-авторитарной модели власти, при которой вновь стали процветать волюнтаристские и административно-командные методы управления, усвоенные многими представителями властвовавшей элиты еще в период тоталитаризма. Тем не менее, подобный политический «откат» не стал возвратом к тоталитаризму, а лишь обозначил более четко наметившиеся в политическом развитии Республики Молдова тенденции к укреплению авторитаризма.

Авторитаризм обладает рядом типичных черт, существенно отличающих его от тоталитаризма характером отношений государства и личности. Авторитарные отношения также строятся больше на принуждении, чем на убеждении. Но при этом авторитарный режим либерализирует общественную жизнь, не стремится навязывать обществу четко разработанной официальной идеологии, допускает ограниченный и контролируемый плюрализм в политическом мышлении, мнениях и действиях, не оспаривает права на автономное самовыражение различных групп общества, мирится с существованием оппозиции. Властные структуры не требуют демонстрации преданности со стороны населения, как это было при тоталитарном режиме, ей достаточно отсутствия открытого политического противостояния. Однако авторитарный режим беспощаден к проявлениям реальной политической конкуренции за власть, к фактическому участию населения в принятии решений по важнейшим вопросам жизни общества. При авторитаризме *де факто* ужимаются и подавляются основные гражданские права и свободы, в общественном мнении формируется образ врага, эквивалентный любому политическому оппоненту, не согласному со стратегией государственного руководства [10, с. 192-193]. В первом десятилетии XXI века подобные черты приобрели в политической жизни Республики Молдова ярко выраженный характер.

«Впадение» Республики Молдова в авторитаризм нельзя считать чем-то уникальным, свидетельствующим о неспособности страны к полноценной демократии. Авторитаризм представляет собой закономерный этап на пути от тоталитаризма к демократии. Авторитарные режимы в настоящее время укрепились во множестве стран «третьей волны», включая большинство постсоветских государств. Другое дело, что данный этап развития не для каждой из них завершится переходом к полноценной демократии. По сравнению с тоталитаризмом это, несомненно,

«шаг вперед», не только закономерный, но и необходимый. В условиях посттоталитарного хаоса, когда для приостановления полного развала и вывода страны из коллапса требуется максимальная мобилизация сил и ресурсов, авторитаризм оказывается весьма эффективным в решении стратегических задач. В «сползании» стран молодой демократии к патерналистско-авторитарной модели многие эксперты видят следствие того, что власть имущие видят в плюральности и оппозиционности угрозу существующему порядку вещей и потому отвергают саму идею политического и социокультурного разнообразия общества. В то же время, социальную среду для развертывания авторитаризма программируют сами массовые настроения и культурные стереотипы. В этом смысле укрепляющийся авторитаризм есть прямой результат соучастия населения в определении форм государственного правления. Именно присутствие сильной авторитарной составляющей в политическом мировоззрении масс и побуждает отождествлять сильное государство с прямым доминированием верхов, предпочитать идеологии стейтизма разнообразные этатистские версии, тяготеть к построению государственных структур, монополизирующих политическое пространство [54, с. 105].

Развитие авторитарных тенденций придает политике персонафицированный характер, проявляющийся в идентификации массовым сознанием политики с образом лидера. Поэтому политический выбор молдавского избирателя во многом продиктован личными симпатиями/антипатиями к тому или иному претенденту на роль «правителя». Однако молдавские политические лидеры, как это продемонстрировала складывающаяся в стране политическая реальность, никогда не бывают столь харизматичны для масс, чтобы безоглядно вести их на любые свершения. Одной из наиболее ярких характеристик массовой политической культуры молдавского общества, проявившихся

уже в начале перемен, является неизменно высокий уровень скепсиса в отношении к политике и власти в целом в лице ее конкретных представителей.

Истоки этого качества, по всей видимости, лежат в глубинах истории молдавского народа, в его сложной исторической судьбе, закрепившей в генетической памяти образ правителя как «чужака» с целым комплексом негативного психологического восприятия и, одновременно, неверие в политические способности «своих» лидеров. Отсюда же вытекает массовая апатичность по отношению к миру политики, отсутствие завышенных претензий к власти, привычка полагаться лишь на свои собственные силы. Формированию и закреплению указанных свойств молдавской политической культуры способствует также то обстоятельство, что Молдова продолжает оставаться аграрной страной, большая часть населения которой всегда проживала в сельской местности. В Республике Молдова, являющейся преимущественно сельской страной, соотношение между сельским и городским населением составляет 53% против 47%. Поэтому неслучайно ее «уничижительно называют «селом Европы» [44].

Даже покинув родные места и давно уже считая себя горожанами, многие по-прежнему сохраняют тесную связь с «домом». Поэтому характер осмысления процессов общественного существования во многом продиктован крестьянским менталитетом, или, так называемым, «крестьянским материализмом». Это менталитет хозяина, с одной стороны, ориентирующего человека на реальные, осязаемые ценности. С другой – на консервацию существующих общественных отношений, потребность в которой продиктована не только патриархальным устройством жизни сельской общины, но и формой собственности крестьян, позиционирующей их далеко от политики, вынуждающей к поиску стабильности и способствующей укоренению индивиду-

ализма. «Консерватизм и инертность в заимствовании нового общественно-политического и экономического опыта, – как, в частности, отмечает И. Боцан, – в молдавском обществе настолько сильны, что самые активные граждане предпочитают эмигрировать в поисках более высокооплачиваемой работы или лучшей доли, нежели пытаться что-то изменить в своем городе/селе или в стране» [44].

Этим в немалой мере объясняется сдержанность основной массы молдавского населения по отношению к радикальным социально-политическим переменам, революциям и войнам. Не случайно понятие «мира» в национальном самосознании наделяется самой высокой ценностью, наряду со здоровьем, что находит свое закрепление в символике национальной обрядности. Подобный ментальный настрой общества наиболее отчетливо проявил себя в период военного конфликта, вспыхнувшего в начале 1990-х годов как ответ политического руководства Молдовы на сепаратистские акции Приднестровья. Начавшиеся военные действия не получили широкой поддержки и массового одобрения со стороны населения и вскоре конфликт был заморожен для поиска мирных решений острейшей для страны территориальной проблемы. Население Республики Молдова, как, в частности, отмечает цитируемый выше исследователь, отличается «специфическим характером». Ее граждане никогда не участвовали в революциях и не высказывались за право закрепить независимость государства в ходе референдума, за утверждение Конституции либо других документов первоочередной важности для судьбы общества. Все важные для развития Республики Молдова документы принимались представителями парламентских политических партий [44].

Политико-культурные ориентации на авторитаризм в значительной мере обусловлены и тем обстоятельством, что в Республике Молдова, небольшой аграрной стране, огромную

роль в общественной жизни, в том числе, в сфере политики, по-прежнему играют кровнородственные отношения. Подобные отношения приобрели особое понятийное закрепление в молдавском политическом лексиконе. Широкое использование в политической риторике таких специфических понятий, как «кумэтризм» (*cumetrisim*) и «непотизм» (*nepotism*), указывает на протекционизм и клановость как на характерные черты современного молдавского мира политики. Существенно редуцируя конкуренцию в политической сфере, указанные явления, по существу, превращают ее в объект кровнородственного дележа.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Республика Молдова – это одна из наиболее бедных европейских стран. Бедность является наиболее мощным фактором среди прочих, определяющих конфигурацию политических предпочтений молдавского населения. Именно бедность вынудила на рубеже 1990-х гг. широкие маргинальные слои общества проголосовать за Партию Коммунистов как за партию «социальной надежды», прокламирующую доминирование гуманистических ценностей, утверждающую принципы социальной справедливости и равенства условий развития, обещающую социальное возрождение для всех категорий населения, предлагающую «последний шанс» поверить в будущее страны, в возможность построения демократического социального государства со стабильной экономикой. Актуализация в политическом сознании общества потребности в социальной защите государства в условиях, когда обедневшие широкие массы людей оказались на грани физического выживания, существенно усилила популярность «левых», что обеспечило победу на парламентских выборах 2001 и 2005 гг. Партии Коммунистов, превратив ее в партию власти. Однако, со временем, рост недовольства широких масс способом реализации власти правящей политической элитой, ведущим к укреплению авторитаризма, и обусловленное им страстное желание перемен, способствовали

новому усилению интереса общества к политической оппозиции с ярко выраженным антикоммунистическим посылом, по традиции пропитанным духом национализма.

Борьба политических сил, развернувшаяся в контексте избирательной кампании 2009 г., пиком которой стали «события 7 апреля», существенно подогрела политические настроения в стране. В обществе, до этого демонстрировавшем глубокую политическую апатию и индифферентизм, начинал оживать интерес к политике, который положил начало новому витку политизации массового сознания. Количество тех, кто активно интересуется политикой, резко возросло, существенно увеличив сегмент населения, готового к активным действиям протестного характера. Тем не менее, для основной массы населения, вне зависимости от политических симпатий, роль наблюдателя осталась наиболее предпочтительной. В отличие от «демократического момента» рубежа 1990-х гг., запомнившегося массовыми политическими брожениями в обществе, вновь пробудившийся интерес широких масс к политике приобрел форму активного, крайне эмоционального, обмена информацией политического свойства. Ситуация, сложившаяся в Республике Молдова после апрельского «молодежного бунта», завершившегося разгромом зданий Парламента и Президентуры, с новой силой запустила в стране процессы политического размежевания на «своих» и «чужих», «радикалов» и «консерваторов», «левых» и «правых», «молдовенистов» и «еврооптимистов». Политическая стабильность была утрачена, на смену которой пришли дестабилизация и непредсказуемость развития политической жизни, существенно сказавшаяся и на политических настроениях людей.

К концу первого десятилетия нового века значительная часть молдавского общества стала осознавать, что консервативная политика Партии Коммунистов, утвердившая в стране авторитарное правление, не отвечает их политическим интересам. В этих

условиях особое внимание значительной части общества стали привлекать политические формирования оппозиционной – неолиберальной направленности, выступающие за радикальные меры в переустройстве общественно-политической жизни, такие как: быстрое проведение либеральных реформ; скорейшее превращение Республики Молдова в ассоциированного члена Евросоюза; радикальный пересмотр законодательной базы страны, включая возможное изменение ее нейтрального статуса; существенное расширение и качественное углубление отношений с Румынией, не исключающее в перспективе возможности объединения двух стран и др. Соединение этих идей с получившей новый импульс проблемой национально-культурной идентичности, в контексте молдавского мира политики традиционно увязанной с мощным антикоммунистическим посылом, позволило неолиберальным силам в 2009 г. не только пройти избирательный порог, но и сформировать в Парламенте «Альянс за европейскую интеграцию», взявший власть в стране в свои руки.

Приход к власти сил неолиберальной конфигурации в результате парламентских выборов 2009 г. показал, что в политических ориентациях молдавского общества произошел новый перелом, ожививший настроения радикализма, национализма и антикоммунизма. В то же время, очевидным стало и то, что политическим выбором масс по-прежнему движут не столько рационально-доктринальные представления, сколько эмоционально-психологические установки и реакции массового сознания. «Споры политиков по поводу доктринальных предпочтений, – как справедливо отмечает И. Боцан, – оказались в определенной степени тщетными и не возымели какого-либо серьезного воздействия на поведение молдавского электората» [44].

Многие годы, массово демонстрируя свое равнодушие к каким бы то ни было политическим идеологиям, молдавское общество и теперь мало интересуется доктринальной частью полити-

ческих формирований. Сохраняя в целом приверженность идее демократии и свободы, граждане Республики Молдова в своей подавляющей массе продолжают последовательно голосовать не за политическую доктрину (неолиберальную либо некоммунистическую), а за конкретную, чаще всего эмоционально окрашенную, идею, носителями которой являются вполне осязаемые политические организации и их лидеры. Формирующаяся в стране политическая реальность показывает, что в современном контексте наиболее востребованными идеями являются такие как: идея европеизации и молдовенизма, унионизма и регионализма, антикоммунизма и русофобии, социальной защиты, борьбы с мафией, борьбы с коррупцией, борьбы с бедностью и др.

Постепенное снижение доверия масс к Партии Коммунистов в период ее властвования, а также крепнувшее желание перемен и движения вперед открыли широкий простор для усиления нигилистических настроений в массовом сознании и формирования новых политических мифов, связанных с завышенными социальными ожиданиями и надеждами на лучший исход «для всех». Поэтому лозунг «Долой коммунистов» (*«Jos comuniștii»*), ставший главным символом борьбы неолиберальных сил за власть, а также ставка на политику европеизации, обещавшую «молодым процветание, а старикам – красивую жизнь» (*«cei tineri să prospere, iar cei bătrâni să trăiască frumos»*), смог привлечь к себе значительное число симпатизантов, с новой силой пробудив в массовом сознании ярый антикоммунизм и подняв на щит проблемы национальной идентичности. Этому в немалой мере способствовали широко тиражировавшиеся установки и представления неолибералов, согласно которым приверженность идеям коммунизма является «позорной архаикой», препятствующей быстрому продвижению страны к желаемому европейскому будущему.

В то же время, проевропейский «Альянс» возложил на Партию Коммунистов всю полноту ответственности за преступления свергнутого еще в конце прошлого века тоталитарного режима, и, в первую очередь, за имевшую место в истории молдавского народа политическую депортацию. Тем самым, в сознании многих представителей титульной нации сформировался устойчивый «образ врага» молдавского народа, стремящегося к «восстановлению исторической справедливости», к осознанию своей истинной, т.е. румынской, национально-культурной идентичности, к процветанию в семье европейских народов.

Желая сохранить свое влияние на сознание масс и выйти из-под обрушившейся на нее критики неолибералов, Партия Коммунистов также апеллировала к национальным чувствам государствообразующей нации. Выйдя на арену политической битвы с лозунгом «Молдова», коммунисты, а вслед за ними и другие представители левых сил, настойчиво промульгировали идею укрепления суверенитета страны, сохранения молдавской идентичности и названия государственного языка как «молдавский язык». Подобный политический меседж, будучи тесно увязанным с проблемой национально-культурной самоидентификации титульной нации, всегда сопряженной с определением своего места по отношению к другим народам, привел к оживлению в массовом сознании как русофобских, так и румынофобских настроений.

Эмоционально-негативистские установки массового сознания, опирающиеся на разжигаемые политическими оппонентами чувства страха, ненависти, этнокультурного неприятия, легли в основу пробудившегося в стране политического активизма, придав ему преимущественно негативистскую направленность. Проявляемый молдавским электоратом негативистский активизм, как можно видеть, носит, по большей мере, циклический, ситуативный характер. Граждане Республики Молдова, испытывающие глубокий скепсис по отношению ко всему по-

литическому бомонду страны, независимо от его политической колоратуры, проявляют наибольшую готовность вторгаться в мир политики лишь тогда, когда речь заходит о необходимости противостояния политическим оппонентам, голосуя не столько «за», сколько «против». Негативистская настроенность политического сознания предоставляет широкие возможности для применения политическими элитами различного рода манипулятивных технологий, эффективно способствующих «раскачке» политической обстановки. Молдавский мир политики изобилует огромным количеством подобного рода идей с характерной приставкой «анти»: антикоммунистических, антироссийских, антимолдавских, антирумынских, антиевропейских, антисоветских и т.п. В результате большинство политических событий, происходящих с участием большого количества людей, становится, по существу, результатом применения, с той или иной долей успеха, различных политических технологий. Подобные технологии, вызывая необходимый эмоциональный всплеск, создают лишь видимость политического активизма, которую политики выдают за осознанный революционно-политический подъем общества, выводящий массы на борьбу за свои политические интересы.

Политическая реальность, складывающаяся в Республике Молдова с начала ее становления как самостоятельного независимого государства, показала, что наибольшим эмоциональным зарядом, придающим негативистскую наполненность молдавской политической жизни, обладает лишь проблема национально-культурной идентичности. Поэтому, актуализируя время от времени проблемы идентичности, политики по существу тормозят придавленное каждодневной борьбой за выживание, апатичное в своей основной массе, население страны, добиваясь, тем самым, решения главной для себя проблемы – проблемы легитимации власти. Вне данной проблемы интерес власти к волеизъ-

явлению народа сходит практически «на нет», что ведет к политической маргинализации электората в период между выборами.

Актуализация проблем идентичности на рассматриваемом этапе, придавшая новую силу утихшим было спорам о языке и о национальной самоидентификации титульной нации, существенно оживила негативистские политические настроения. Однако в отличие от начального этапа демократизации, когда указанные настроения достигли своего пика, вновь вспыхнувший национально-культурный негативизм оказался направленным не столько на межэтнические отношения внутри страны, сколько во вне. Подобное смещение акцентов было обусловлено как осознанием массой обнищавшего населения страны своего национального равенства перед лицом бедности, так и остротой проблем геополитики, выдвинувшихся на передний план общественного внимания в связи с новым витком конфронтационности в современном мире.

Актуализация проблем геополитики, связанная с борьбой силовых центров за лидерство на мировой арене, поставила политическое сообщество Республики Молдова перед дихотомией геополитического выбора, вынуждающего страну окончательно определиться «на чьей она стороне». Втягивание Молдовы в указанный спор мировых держав, сопровождающийся небывалой по силе и размаху информационной войной, сеющей раздор между народами, с необходимостью приобретает форму национально-культурного противостояния. Указанное противостояние поделило молдавское общество на две относительно равные части, тяготеющие к противоположным культурным пространствам и, соответственно, противоположным векторам политического развития. Это несколько изменило характер конфронтационности, укоренившейся в молдавском мире политики с начала перемен, превратив в основной политический водораздел отношение людей к проблемам геополитики.

К восточному вектору, ратующему за вступление Республики Молдова в Евроазиатский Экономический Союз, больше склоняются симпатизанты левых сил и идей молдовенизма. За ускоренную европеизацию выступают преимущественно сторонники неолиберальных сил. В ключе осмысления обществом своих геополитических предпочтений в массовом сознании мощный импульс развития приобрели иждивенческие настроения. Не веря уже ни в собственные силы, ни в способность отечественных политиков справиться с кризисными явлениями общественной жизни, население Молдовы стало все больше направлять свои главные социальные ожидания и надежды на внешние силы. В массовом сознании сформировались и стали крепнуть новые социальные иллюзии и мифы о социально-политическом и экономическом прорыве, связанном с «правильным» геополитическим выбором, единственно способным уберечь страну от гуманитарной катастрофы и превратить ее в «историю успеха» (*«poveste de succes»*).

Переориентация массового внимания на внешнюю составляющую политической жизни страны в значительной мере связана с катастрофическим падением доверия людей к молдавским структурам власти и политическому классу как таковому, независимо от партийной принадлежности. Этому способствовал целый ряд как объективных, так и субъективных факторов, в главных чертах определяющих содержание политической жизни в стране в последнее десятилетие: углубление политического кризиса в условиях дележа власти между партиями, вошедшими в Парламент после выборов 2009-2014 гг.; развитие тенденций к олигархизации власти, переподчинивших всю систему власти интересам капитала; радикальное свертывание социальных программ, ведущее к обострению проблем бедности; рост преступности и рост коррупции, дестабилизирующих общественные отношения и сеющих страх, ощущение бесправия

и социальной зависимости; маркетизация политики, превращающая политическую сферу в предмет купли-продажи; низкий профессиональный уровень политиков, допускающих грубые ошибки и просчеты в руководимых ими сферах деятельности; примат кровно-родственных отношений, превращающих политические объединения и структуры в семейные кланы; политический «туризм», свидетельствующий о беспринципности политических субъектов; создание политических альянсов «одного дня» для решения текущих проблем политического управления; освоение и активное использование политическими элитами различного рода технологий в целях имитации политической активности масс; широкое применение недемократических методов борьбы за власть – подкупа, шантажа, дезинформации, черного пиара, прессинга, угроз и т.п.

Если на парламентских выборах 2009 г. победу неолиберальным силам проевропейской направленности принес их мощный антикоммунистический посыл, то к парламентским выборам 2014 г. победу тем же силам обеспечил уже другой, еще более мощный аргумент, уже геополитического характера – запугивание электората возможностью развития политических событий в стране по «украинскому сценарию» в случае его «неправильного» выбора. Поэтому своему сохранению у власти неолиберальные силы, представленные теми же партиями, что и прежний «Альянс», во многом были обязаны умелому нагнетанию в обществе состояния социального страха, связанного с опасениями людей перед дестабилизацией общественной жизни в случае развязывания нового военного конфликта. С этого времени в молдавской политической ментальности происходит окончательное закрепление нового электорального ориентира, фиксирующего в первую очередь геополитические предпочтения людей, которые, впрочем, в значительной мере обусловлены разностью их этнокультурной самоидентификации.

Феномен «политического туризма», принявший в рамках Парламента, действовавшего после выборов 2014 г., невиданный размах, со временем способствовал концентрации власти в руках лишь одного из политических игроков – Демократической Партии Молдовы. Это привело не только к окончательному укреплению кланово-олигархического режима в стране, но и способствовало формированию новой тактики общения власти с народом. Власть, представленная олигархическим кланом, стала навязывать обществу такие установки, которые прежде всего отвечали бы задачам стабилизации сформировавшегося в стране политического режима. Формируя посредством различного рода социально ориентированных программ и акций образ власти как «благотетеля», берущего под свою защиту все общество в целом, установившееся в стране к концу выше означенного парламентского срока политическое правление способствовало тем самым окончательному укреплению в молдавской политической ментальности ориентаций на патрон-клиентские отношения. Состояние ожидания населением страны всевозможных «благ» (от бесплатных концертов и раздачи мелких подарков – до повышения зарплат и пенсий и т.п.), парализовав, тем самым, политическую волю народа, по существу лишило его всякого желания к проявлению политической активности.

Так, если накануне политических событий, приведших к возникновению уже в рамках сформированного Парламента нового политического большинства, политический активизм масс находился на взлете, будучи разбуженным вступившим в 2015-2016 гг. в политическую игру новым политическим игроком – «Платформой Достоинство и Правда», то после произошедшей в Парламенте перестановки сил, взявшей на вооружение политику «задабривания избирателя», протестная активность масс значительно пошла на нет. Подключение к протестному движению еще одного политического игрока – Партии «Действие и

Солидарность» и создание совместно с Партией «Платформа Достоинство и Правда» Блока «ACUM», поставившего в центр своей политической риторики идею деолигархизации страны, тем не менее не смогло привести население к всеобщей мобилизации на борьбу с установившимся в стране кланово-олигархическим режимом. Большинство населения заняло позицию ожидания, по большому счету, не принимая сторону ни одной из существующих на сегодняшний день в стране политических сил. Поэтому формирование новой конфигурации сил в рамках Парламента, сформированного уже в результате выборов 2019 года, на наш взгляд, менее всего является отражением «воли народа», к настоящему времени окончательно разуверившегося в политическом классе, а также в собственной способности управлять развитием политических процессов в стране и склонного, по большей мере, к тому, чтобы, в конечном итоге, лишь принимать изменения, идущие «сверху». Оппозиция, представленная сегодня рядом политических партий, безусловно, является, как подчеркивает исследователь И. Русанду, важнейшим элементом в функционировании политической системы Республики Молдова. Однако, несмотря на свою высокую значимость для развития процессов демократизации и консолидации общества, оппозиционные силы современного молдавского мира политики сталкиваются с недостатком доверия со стороны простых людей [55, с. 122].

Как можно видеть, политическая культура современного молдавского общества, вступившего на рубеже 1990-х гг. в полосу радикальных перемен, нацеленных на демократизацию общественной жизни Республики Молдова, прошла за истекший период нелегкий путь развития: от «демократической эйфории» и небывалого всплеска политического активизма масс в начале перемен – до глубокой апатии и скептитизма по отношению к политике и политическому классу, характеризующих нынешнее

состояние массового политического сознания. Политический активизм населения Республики Молдова, вступивший на нынешнем этапе политического развития страны в состояние «отката», как нельзя лучше свидетельствует о невысоком качестве разворачивающихся в стране процессов демократизации и о той незначительной роли, которая отведена в этом процессе молдавскому демосу. Понятно, что, если тенденции, наметившиеся в развитии политического процесса в Республике Молдова согласно схеме «сверху-вниз» сохраняют свою направленность, сложно будет ожидать, что в политических ориентациях молдавского общества произойдет качественный скачок в пользу реального, а не декларативного усвоения ценностей демократии, таких как транспарентность, консенсус, плюрализм.

Глава 2. ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА

Изучение особенностей политико-культурных ориентаций молдавского общества в условиях радикальных общественно-политических перемен призвано углубить представление о качественном состоянии процессов, происходящих в политической сфере общественной жизни Республики Молдова на современном этапе ее развития. В данной главе особое внимание уделяется выявлению и анализу наиболее важных черт и признаков, характеризующих политическую культуру современного молдавского общества. Особое освещение в данном разделе также получили проблемы, связанные с формированием гражданской культуры как условия эффективного функционирования системы демократии, а также проблемы, связанные с изучением особенностей складывающейся в стране электоральной культуры как важнейшей части политической культуры общества, приобретающей решающее «культурное» значение для развертывания процессов демократизации в условиях «энтропии участия».

2.1. Особенности политико-культурных ориентаций молдавского общества в условиях демократического транзита

Политическая наука рассматривает политическую культуру как особый социокультурный феномен, с необходимостью сопутствующий политической жизни любого общества. Политика, как одна из главных публичных сфер жизни, с момента своего возникновения имела ценностно-нормативное измерение,

в котором выражались представления людей об общественном благе, о наиболее справедливом устройстве общества и т.п. Концепция политической культуры была разработана на основании изучения опыта политического развития в странах западной демократии. Однако это вовсе не означает, что в странах, идущих в своем развитии недемократическим путем, либо тех, которые лишь с незначительной долей успеха реализуют демократические идеалы в своей политической жизни, феномен политической культуры представлен слабо либо отсутствует вовсе.

Трактовка демократии как части культуры, распространенная в современной политологии [1, с. 42], а также господство в научной среде убеждений о том, что в настоящее время «наличие демократической формы все больше и больше предполагается мировой культурой и международными организациями» [2, с. 444], привело к тому, что демократическую форму политического устройства многие исследователи стали устойчиво ассоциировать с неким универсальным политико-культурным стандартом. В силу этого распространенным приемом политического анализа в транзитных странах стало распределение указанного ряда стран по группам по принципу более или менее развитых в политико-культурном отношении. В результате, большинство стран постсоветского пространства оказались зачисленными в категорию транзитных стран, все еще не дотягивающих до высоких «культурных стандартов».

Многие аналитики сходятся во мнении, что при сохраняющихся практически повсеместно тенденциях к снижению качества демократии, ряд стран Восточной Европы, таких как Польша, Чехия, Венгрия, демонстрирует все же более высокий уровень развития политической культуры, нежели большинство электоральных режимов бывшего Советского Союза. В силу этого, указанные режимы, за исключением стран Балтии, международные наблюдатели включают в особую группу, нередко называя их странами «падающей», «обанкротившейся», «ими-

тационной», «усыхающей изнутри», «фасадной» демократии [2, с. 446; 3, с. 13-14; 4, с. 32-33; 43]. К этому ряду стран относят, в том числе, и Республику Молдова, где, с точки зрения некоторых молдавских аналитиков, политическая культура не просто слабо развита, а отсутствует вовсе. Политический аналитик И. Боцан, в частности, полагает, что «главная проблема Молдовы не языковая или территориальная. Это ерунда по сравнению с тем, что у нас нет того, что называется политической культурой» [5].

Позиционирование стран молодой демократии сообразно некой «шкале качества», в целом, безусловно, дает важное представление о ходе процессов демократической модернизации политических систем на современном этапе. В то же время, абсолютизация указанного аналитического приема содержит в себе мощный дискриминационный заряд, способный навязывать как отдельным странам, так и целым регионам некий комплекс неполноценности, обусловленный господствующим убеждением в культурной несостоятельности целых народов и их неспособности подняться до высокого цивилизационного уровня. Помимо того, вынесенный международными аналитиками «вердикт» о состоянии политической культуры большей части транзитных стран постсоветского пространства по существу автоматически располагает указанные страны на позициях «догоняющих», призванных развиваться, во многом подражая уже имеющимся образцам западной демократии.

Теория политических наук учит [6, с. 437-438], что не бывает «хороших» и «плохих» культур и что их национальные разновидности соотносятся не по типу низшая – высшая, а гораздо сложнее. Поэтому в известном смысле политическую культуру США нельзя рассматривать как более высокую по сравнению, к примеру, с традиционными формами мышления и поведения какой-то африканской страны. Просто это неодинаковые политические культуры, в основании ценностных ориентаций которых

заложены своеобразные механизмы гражданской идентификации, символы осознания национального единства, стереотипы отношения общества и государства.

Однако несмотря на невозможность применения критериев одной национальной культуры для оценки другой, политико-культурные явления все же обладают некой ценностной определенностью. В идеале политическая культура должна включать в себя очень широкий круг гуманистически ориентированных ценностей и обусловленных ими форм поведения, которые отличают разнообразие жизни конкретных обществ и слоев населения, их обычаев и традиций. Однако там, где субъект политики руководствуется идеями, пренебрегающими ценностью человеческой жизни, чувствами неприязни и ненависти, ориентируется на насилие и физическое уничтожение другого, распадается ткань и культуры в целом и политической культуры, в частности.

Научный спор о том, как развивать политическую культуру транзитного общества, делая ее максимально отвечающей задачам демократического реформирования, не утрачивает своей актуальности в постсоветских странах демократического транзита и по сей день, несмотря на уже немалый опыт, накопленный за годы демократизации. Какие бы решения указанной проблемы ни предлагались, сегодня ясно одно: простой перенос «демократических ценностей» на национальную почву никогда не увенчается успехом. Процесс усвоения ценностей демократии всегда опосредован спецификой национальной культуры, представляющей собой выраженный в специфической форме опыт исторического, в том числе, политического, развития народа, с его традициями, обычаями, привычками и установками.

В контексте приведенной трактовки проблемы формирования культуры демократии особое значение приобретает концепция «суверенной демократии», утверждающая идею об уникальности любого национального опыта модернизации по-

литической системы на демократической основе, которая была разработана российскими политологами еще в начале 2000-х гг. [7, с. 100-108]. У данной концепции в научных кругах имеется немало оппонентов, которые совершенно справедливо опасаются превращения ее в идеологию укрепляющихся во многих транзитных странах авторитарных режимов. Вместе с тем, нельзя недооценивать ее плодотворного характера, который заключается в «культурной» реабилитации тех стран, которые лишь становятся на путь демократической модернизации своих политических систем, однако в силу господствующих здесь национальных политико-культурных традиций делают это с большей или меньшей долей успешности.

Характер политической культуры в любом обществе определяется в зависимости от множества самых различных факторов, составляющих основную «ткань» его жизни: исторических, географических, экономических, общекультурных, эмоционально-психологических, демографических и др. [8, с. 140-185]. Каждый из этих факторов способствует формированию некой неповторимой модели национальной политической культуры, существенно отличающей даже те страны, которые являются сторонниками одного и того же политического выбора, а также тех, которые вышли из общего исторического прошлого. Эту особенность политического развития различных стран удачно подмечает румынский исследователь Ион Митран. Он, в частности, пишет, что при общей схожести национальных политических систем и политических режимов различных стран, эти страны все же отличаются определенной национальной спецификой. Разнообразие в эволюции политических систем и политических режимов встречается в самых разных регионах мира: от Южной Америки до Африки, а также – от Северной Америки до Азии. Сравнительный политический анализ показывает, что схожесть и разнообразие политических систем и режимов, в целом, с одной стороны, является продуктом истории, с другой –

результатом актуального развития политических институтов и политических идей. Эти режимы, по существу, представляют собой своего рода производную политической культуры того или иного народа, государства либо географической зоны, будучи «отшлифованной» как историческими традициями, так и разворачивающимися в странах экономическими и политическими процессами [9, с. 149].

Справедливость указанного научного мнения подтверждена самим опытом общественно-исторического развития в современном мире. Сегодня целый ряд стран охвачен процессами демократического транзита, однако каждая из вновь возникающих демократий окрашена в свой особый национально-культурный колорит. И в этом смысле, любой, пусть даже не самый удачный, пример реализации идеи демократии, является для истории демократического движения по-своему уникальным, неповторимым и ценным. В качестве такого уникального примера и следует рассматривать демократический транзит в Республике Молдова, качественным «слепок» которого выступает политическая культура современного молдавского общества, со всеми ее характерными чертами и признаками, издержками и противоречиями.

Изучение в указанном ключе специфики политической культуры молдавского общества на современном этапе делает весьма полезным использование исследовательского подхода, акцентирующего особое внимание на изучении так называемой «генетической формулы национальной культуры». К примеру, российские исследователи изучают актуальное состояние политического процесса, во многом опираясь на указанный подход. Обращая внимание на «очередной отход России от либеральных проектов», исследователи задаются вопросом о том, какая причина лежит в основе «обреченности» либеральных реформ и является ли эта «обреченность» фатальной для страны? Данный вопрос не менее актуален и для Республики Молдова, ны-

нешнее политическое развитие которой, по сути, представляет собой своего рода «шараханье» между «левыми» и «правыми», между «нелибералами» и «неолибералами». В связи с этим, важным для понимания характера происходящих в нашей стране политических процессов представляется указание российских исследователей на то, что «политико-культурные факторы модернизации политических систем во многом обусловлены воздействиями культурной генетики, хотя и не отождествимы с ней полностью». Поэтому все социально-политические изменения в той или иной степени неизбежно оказываются опосредованными спецификой национальной культуры и менталитета [10, с. 11].

Вместе с тем, воздействие политической культуры нельзя сводить только к генетическому комплексу. Политическая жизнь общества всегда имеет определенную динамику, сопряженную со сменой фаз активизации/спада политических процессов. Подобной динамике подвержена и политическая культура общества, которая находит свое отражение в закономерной смене параметров политико-культурных ориентаций людей. Иными словами, сохраняя в себе некие генотипы, политическая культура, в то же время, находится в постоянной динамике и изменении. Учитывая это, специфику реформ необходимо рассматривать в контексте достаточно широкой системы политико-культурных факторов, позволяющей увидеть общую тенденцию политических преобразований и глубже понять особенности различных этапов модернизации общества на демократической основе.

Характер изменений, имеющих место в политической культуре современного молдавского общества, прежде всего, обусловлен его транзитным состоянием. В этой связи, политическую культуру современной Молдовы отличает целый ряд черт, свойственных любым транзитным обществам, в том числе обществам демократического транзита. «Во времена исторических разломов, переходных эпох, – как это очень точно в свое время охарактеризовал А. И. Титаренко, – возникают, пусть на

небольшой срок, своеобразные «зазоры» между культурами. Это периоды, когда новая культура с ее нарождающимися ценностями еще не сложилась, пока что проявляясь как могучая, но еще не обретшая рельефных, застывших очертаний» [11, с. 27].

Политический процесс, разворачивающийся в нашей стране на современном этапе, как и в целом ряде других стран постсоветского пространства, представляет собой переход общества от тоталитарной/авторитарной системы организации политической власти к системе демократического правления. С одной стороны, подобный переход включает целый ряд институциональных преобразований, предполагающих формирование демократических институтов управления обществом. С другой – изменение ценностных ориентаций населения на политические объекты, отвечающее характеру происходящих общественно-политических перемен.

Переходная специфика современного исторического этапа развития нашего общества, таким образом, детерминирует главные признаки его политической культуры как культуры переходного типа. Для подобного типа культуры характерно соединение разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности, которые относятся к различным политическим системам: тоталитарной/авторитарной и демократической. В этой связи, современная Молдова, находясь между двумя историческими эпохами, стоит, соответственно, между двумя политическими культурами. Ценности прежнего общественного строя еще не отвергнуты полностью, тем более что в стране еще имеется целый социальный пласт, который до сих пор продолжает ностальгировать по социалистическому прошлому. В то же время общество в своем большинстве высказывается в пользу демократических ценностей. Однако установка на демократию носит в общественном сознании, по большей части, декларативный характер, в то же

время формирования демократических ценностных ориентаций находится пока лишь в «зародышевом» состоянии.

В стабильных обществах шкала ценностных ориентаций по отношению к политическому действию со своими специфическими стержневыми элементами является не только уже сложившейся, но и достаточно устойчивой. В транзитных же обществах, когда «новые» ценностные ориентации находятся лишь в стадии формирования, а некоторые «старые» ценностные установки еще достаточно сильны, речь еще не может идти о какой бы то ни было стройной, окончательно сложившейся системе политических ценностей. Поэтому одной из наиболее характерных черт политической культуры современного молдавского общества является отсутствие четкой системности ценностных установок. Многие идеи и представления периода социализма, пропитанные ностальгией по «старым добрым временам», все еще очень выраженные в сознании старшего поколения, в общественном сознании практически безболезненно уживаются с ценностями демократии, проповедующими идеи либерализации экономики, здоровую конкуренцию во всех областях общественной жизни, плюрализм мнений, инициативность и т.п., ассоциирующимися в сознании простых людей, по большей мере, с высоким уровнем благосостояния.

Несмотря на то что Республика Молдова декларировала свою приверженность демократическим принципам, целям и идеалам развития с самого начала ее образования как независимого и суверенного государства, в действительности же современные ценностные ориентации людей на политические действия далеко еще нельзя считать соответствующими культуре демократии. Наряду с «новыми» ценностными установками, политико-культурные ориентации сегодня все еще включают целый пласт «старых» политических представлений, убеждений, настроений и реакций. «Старые» и «новые» ценностно-политические ориентации, складываясь в различные комбинации

по мере развития политических процессов, создают некий специфический политико-культурный фон общества, на котором совершенно отчетливо могут проступать те или иные доминирующие элементы.

Являя собой результат соединения разнородных ценностных установок, транзитная культура, как следствие, характеризуется высокой степенью внутренней противоречивости. Ценностные ориентации на политические объекты, определяющие содержание политической культуры Молдовы транзитного периода, находятся в состоянии постоянной состязательности.

Динамика соотношения разнородных ценностных ориентаций в сознании и поведении политических акторов как реальных участников процессов политического реформирования общества, позволяет обнажить далеко не линейный характер развития политической культуры, допускающий как «забегание вперед», так и «движение вспять» по отношению к общей динамике модернизации политических систем. Для переходной культуры всегда характерны приливы и отливы, взлеты и падения, возможны зигзаги и даже шараханья [12, с. 102-103].

Так, следует отметить, что идеалы и ценности демократии получили всеобщую поддержку молдавского общества, прежде чем демократические институты власти были сформированы в стране и начали в полной мере функционировать. Широкая общественная поддержка идеи демократии породила специфический феномен, ярким образом проявивший себя в политической жизни общества уже в самом начале перемен, который получил условное название «продемократического консенсуса». Однако на современном этапе развития, по прошествии практически трех десятилетий с начала демократического реформирования, можно наблюдать, как в Республике Молдова углубляются процессы свертывания демократических прав и свобод, и крепнут авторитарные тенденции в политической жизни страны.

Клеменс Баскер, один из членов миссии ОБСЕ в Молдове, еще в самом начале 2000-х гг. констатировал, что изменения в стране в последнюю декаду идут не столь динамично, как это было в 90-х годах прошлого столетия. Причем направление изменений не ведет с необходимостью к уходу от авторитарного режима и укреплению демократии. Как это можно видеть и на примере других стран, в Молдове дела двигаются с определенной регрессией [4, с. 35].

Характер складывающихся в Республике Молдова политических отношений, как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве, все больше свидетельствует, выражаясь словами Л. Даймонда, о том, что «демократия постепенно высыхает изнутри». Качество демократии, по мнению международного эксперта, сегодня заметно упало по сравнению с начальным этапом демократических преобразований. Повсюду наблюдаются процессы, способствующие укреплению авторитаризма [2, с. 441-447]. Сегодня мы с сожалением вынуждены признать, что отмеченная тенденция в нашей стране лишь продолжает углубляться, тем самым, во многом моделируя политико-культурные ориентации общества с учетом характера складывающегося политического режима. Поэтому в определенном смысле молдавское общество в настоящее время в политико-культурном отношении испытывает значительный регресс по отношению к периоду «демократического момента», когда политическая активность простого населения достигла своего пика, а демократия воспринималась обществом как ключевая, неоспоримая ценность.

«Измерение» политической культуры общества представляет собой весьма сложную проблему, где основная «трудность» сопряжена с тем, что в ее основе лежат ценности, обладающие достаточно высоким уровнем абстракции. Вместе с тем, ценностные ориентации личности в сфере политики являют собой особую мотивационную систему человеческого поведения [6, с. 427]. Поэтому, несмотря на всю свою абстрактность, они

вполне могут быть представлены в качестве конкретных показателей человеческой активности.

Политический менталитет общества, прежде всего, определяется характером отношения людей к политике. В Республике Молдова за годы демократического реформирования это отношение заметно менялось. В происходящих переменах легко можно обнаружить определенную цикличность и закономерность, выраженную в попеременной смене состояний «покоя» и «активизации». Изучение общественного мнения, регулярно осуществляемое Институтом Публичных Политик (*Institutul de Politici Publice*) на протяжении уже около двух десятков лет, убедительно свидетельствует о том, что состояния «покоя» или «политического затишья», как правило, выпадают на межэлекторальный период [13]. В этот период интерес у населения к политике существенно снижается, равно как падает и его доверие к власти, к политическому классу, в целом, сворачивается его политическая активность. На этом этапе в стране наблюдается значительно больше людей, которые никому не верят и которые не могут определиться в своих политических предпочтениях.

Если состояния «покоя» наиболее характерны для периодов между выборами, то состояния активизации интереса к политике свойственны массовому сознанию в большей мере в периоды развертывания выборных кампаний, особенно если это связано с появлением на политическом поле страны нового сильного политического актора, вступающего в борьбу за власть. Вместе с активизацией политической жизни в электоральный период интерес масс к политике закономерно возрастает, актуализируя потребность граждан в политической самоидентификации, в определении своего отношения к тем или иным политическим силам, к структурам действующей власти, к политическим лидерам и т. п. [13].

За период демократической модернизации политической системы Республики Молдова отношение граждан страны к по-

литике менялось существеннейшим образом, по большей мере, совпадая с периодами смены режимов правления: от предельной степени политизации сознания масс – в начале перемен, к состоянию глубокой апатии и усталости от политики – в конце 90-х, к политическому индифферентизму – в начале нового века, ко всеобщему скептицизму – на нынешнем этапе.

На первом этапе радикальных перемен общественная жизнь в Молдове отличалась высокой степенью политического накала, сопровождаясь участием самых широких слоев населения в различных политических акциях: многотысячных манифестациях, митингах протеста, политических потасовках. Политизация общественного сознания достигала предельной степени, затрагивая самые различные уровни общественных отношений, включая семейный. Доминирующими политическими настроениями являлись: эйфория, вызванная начавшимися демократическими переменами и характерная для значительной части общества; завышенные ожидания и надежда на быстрое улучшение жизни (в первую очередь, в материальном отношении) каждого члена общества, основанные на либеральных представлениях; нигилизм по отношению ко всему «старому» – прежнему политическому устройству общества, общественно-политическим отношениям, безраздельно господствовавшей в додемократический период партии, доминировавшей прежде идеологии, политическим лидерам прошлого и т.п.; неприкрытая агрессия, нетерпимость и конфронтационность по отношению к политическим оппонентам; отчаянное желание реванша за социально-политические издержки прошлого; страхи и опасения, связанные с утратой значительной частью населения прежнего социального статуса; поиски политического врага в лице отдельных стран и сограждан, на которые можно было бы возложить ответственность за неудачи и тяготы, всегда сопутствующие крутым социально-политическим переменам, и т.п.

Однако уже к концу 1990-х годов политические настроения людей сменились глубочайшей апатией и усталостью от политики. Эйфория, связанная с политическими трансформациями в стране, постепенно угасла. Несбывшиеся социальные надежды, тесно связывавшиеся в сознании людей с процессом демократизации, хроническая нерешаемость множества проблем общественного развития, обнищание населения, поставившее его значительный слой на грань выживания, рост коррупции и преступности, неспособность политической элиты решать сложнейшие экономические проблемы привели к разочарованию широких слоев общества в политике, вместе с тем, породив у его значительной части ностальгию по «прежним временам».

Существенная стабилизация политических отношений, усиление социальной защищенности уязвимых слоев населения, значительное укрепление социальной сплоченности общества, достигнутый определенный экономический рост, с одной стороны, с другой – концентрация власти в стране, по существу, в руках одной политической силы – Партии Коммунистов, нарастание авторитарных тенденций в стране, сопровождавшееся реанимированием административно-командных способов управления, привели к тому, что уже ко второй половине первого десятилетия XXI века «политическая усталость» людей по большей части трансформировалась в политический индифферентизм. Однако давление со стороны правившей на этом этапе политической силы на оппозиционное политическое крыло под предлогом укрепления общественного порядка, ограничение свободы слова и самовыражения, централизация власти и возрождение административно-командных методов управления, поощрение проявлений личной преданности власти – эти и другие обстоятельства, сопутствовавшие правлению Партии Коммунистов, со временем стали вызывать в обществе все большее раздражение и недовольство, порождая у его значительной части желание политических перемен.

Новые Парламентские выборы, состоявшиеся в 2009 г. и прошедшие в обстановке разразившегося в стране глубокого политического кризиса, приведшего к смене политической власти, в какой-то мере оживили интерес общества к политической сфере. Вместе с тем, это оживление, несмотря на ряд серьезных политических событий, произошедших в период между выборами и сразу после них (события «7 апреля»; манифестации в поддержку задержанных властями участников событий «7 апреля»; акции протеста социально уязвимых слоев населения в ответ на повышение в столице тарифов на питьевую воду, проезд в городском транспорте и отмену льгот), тем не менее, приобрело сравнительно сдержанный характер, ограничивающий политическую активность широких слоев общества, главным образом, уровнем межличностных дискуссий, споров и свободного обмена мнениями. Согласно данным *Barometrul Opiniei Publice*, в рассматриваемый период количество активно интересующихся политикой не превышало 30%. Остальная часть граждан, что составляет около 70% из числа опрошенных, по-прежнему проявляли сдержанность к этой сфере общественной жизни [14].

Политическое правление альянса нелиберальных сил, занявшее период властвования длиной в 10 лет, на протяжении которых в Республике Молдова прочно укоренился кланово-олигархический режим элитной конкуренции, сопряженный с ростом коррупции и глубоким кризисом судебной системы, породило адекватную политико-культурную реакцию молдавского общества, ответившего тотальным недоверием к политическому классу и ростом скептического отношения к политической сфере. Несмотря на усилия власти, направленные на стабилизацию правящего режима, включавшие, в том числе своего рода «перепрограммирование» общественно-политического сознания на ценности системы патрон-клиентских отношений, политическая жизнь в Республике Молдова, начиная с 2016 года существенно активизировалась, вылившись в рост протестных

настроений. Тем не менее, усиление протестных настроений, сопряженное с выдвижением на политическое поле страны нового актора в лице общественно-политического движения, а затем и сформированной на его основе политической Партии Платформа ДА (*PPDA*), а также с формированием и вступлением в политическую игру Партии Действие и Солидарность (*PAS*), возглавивших борьбу с установившимся в стране олигархическим режимом, не смогло привести ко всеобщему политическому накалу в обществе, оставив большинство населения в состоянии глубокого скепсиса.

Особенностью интереса, проявляемого в настоящее время населением страны к политике, является то, что подобный интерес носит, преимущественно, информативный характер, сводясь, главным образом, к поиску и обмену актуальной информацией политического свойства, но при этом не способствуя более активной вовлеченности носителей полученной информации в политическую жизнь общества. Это говорит о том, что для подавляющей части населения страны политика не представляет некой особой ценности. Как показали исследования, повышенный интерес к политике в самые острые политические периоды испытывает лишь около 30% от числа опрошенных. Что же касается периодов «политического затишья», то число активно интересующихся политикой может быть наполовину меньше [13]. Если рассматривать общую шкалу ценностей, на которые ориентируется современное молдавское общество, то можно заметить, что политика вообще занимает здесь самую низшую позицию [15]. Люди ощущают себя далеко дистанцированными от политической жизни и ведут себя по отношению к ней, главным образом, как наблюдатели.

Оставаясь, по большей части, в положении наблюдателей, граждане Республики Молдова испытывают самые разные чувства и ощущения, связанные с изменением политического фона в стране: от глубокого удовлетворения до горечи поражения, от

радости и оптимизма до страхов и опасений. Однако эти чувства отнюдь не становятся достаточным поводом для более активного участия в политической жизни. В этой связи можно констатировать, что в современной Молдове в целом наблюдается апатичное, скептическое отношение людей к политике.

Укоренившееся в современном массовом сознании молдавского общества скептическое отношение к политике – не только результат «синдрома усталости» простых людей от политических дразгов, провоцируемых «верхами», но также и глубокого разочарования в способности молдавского политического класса к эффективному управлению развитием страны. В то же время, в значительной мере – это и своеобразное отражение в политической культуре крестьянского индивидуализма, доминирующего в молдавской ментальности, плод бытующих в крестьянской среде специфических эмоционально-психологических реакций, выраженных в стремлении к социальной стабильности. Господство крестьянского менталитета, характерного для общественного сознания Молдовы, большая часть населения которой всегда проживала в сельской местности, а значительная часть горожан, вчерашних выходцев из деревни, продолжает и сегодня поддерживать тесную связь с «малой родиной», диктует для большинства населения свое особое отношение к политике не только как к отчужденной от жизни простого человека сфере общественной жизни, но и как к абсолютно бесполезному для его практической деятельности занятию. Лишь около 20% и ниже от числа опрошенных полагает, что простые люди могут повлиять на принятие важных решений в стране [13].

Специфика крестьянского труда и определяемого им образа жизни формирует специфические ментальные формы «маленького», но, вместе с тем, независимого человека, вынуждающие людей полагаться, прежде всего, на собственные силы, самостоятельно искать выход из сложнейших жизненных ситуаций, мало рассчитывая на изменения в политической сфере. Эту

мысль подтверждает уже тот факт, что Молдова сегодня входит в число стран самой высокой трудовой миграции населения, большинство населения которой ищет решения своих насущных проблем менее всего в политической сфере [16].

Крестьянский менталитет, характеризующийся общинным сознанием, таким образом, определяет специфический для нашей страны тип политической культуры, называемый в политологии приходским или парохильным (англ. *Parochial*, от гр. *para* – около, возле, *oikos* – место обитания, домохозяйство). Иначе ее еще называют местечковой, патриархальной, для которой характерно отсутствие интереса людей к политике, знаний о политической системе и существенных ожиданий от ее функционирования.

Свойственный подавляющей части молдавского общества «крестьянский менталитет» с характерными для него специфическими эмоционально-психологическими реакциями, выраженными в осторожности, сдержанности, нацеленности на мирное разрешение конфликтов, на укрепление социальной стабильности, составляет специфический «генетический код» народа, который в значительной мере определяет отношение людей к различным структурам государственной власти и к ее отдельным представителям. В целом, для него характерна высокая степень скептицизма и отстраненности по отношению к политической системе, а также лояльность и конформизм, обнажающие подданническую суть политико-культурных ориентаций современного молдавского общества.

Таким образом, будучи минимально заинтересованными в личном участии в политике, большинство граждан Молдовы в настоящее время по-прежнему ориентируется на «старые», патриархально-подданические, местечковые традиции, исторически сложившиеся в политической жизни страны. В политическом менталитете общества доминирующим остается настрой на подчинение власти, упование на власть, ожидание от нее раз-

личных благ (социальных пособий, гарантий и т.д.) и, в то же время, опасение ее диктата. В этой связи, молдавское общество в своем большинстве и сегодня, в основном, готово мириться с любой выборной властью до тех пор, пока эта власть конституционна. А проявления недовольства широкими массами положением дел в стране, как правило, сосредоточено, преимущественно, на требованиях экономического характера [13]. Что же касается выражения народом своей политической воли, в том числе, протестного характера, то использование этой возможности осуществляется большинством граждан, главным образом, лишь в период выборов.

Отношение молдавских граждан к миру политики, к власти, ко всему политическому классу на нынешнем этапе развития в целом можно охарактеризовать как «кризис доверия». Рейтинг доверия людей к различного рода общественным структурам, а также к политическим институтам свидетельствует о превалировании скептицизма в отношении к структурам политической власти. Согласно данным *Barometrul Opiniei Publice*, в настоящее время, как, впрочем, и на протяжении всех транзитных лет, подавляющее большинство населения страны доверяет лишь Церкви (70-80%) – т.е. той общественной структуре, которая более всего дистанцирована в своей деятельности от политической сферы. В то же время, отношение людей к различным структурам государственной власти отличается крайней нестабильностью, во многом завися от их политических настроений. Так, разочарование, усталость от политики, всеобщая апатия снижают популярность основных институтов власти, а укрепление надежды на перемены к лучшему, чувство удовлетворения ходом перемен, рост уверенности в завтрашнем дне, напротив, существенно повышают их престиж. При этом уровень доверия к местным органам власти (*Primărie*) в целом всегда неизменно выше и более константен (38-58%), нежели к органам верховной власти (*Guvern, Parlament, Președintele Țării*) (6-61%) [13].

К примеру, приход к власти Партии Коммунистов в начале 2000-х гг. в условиях тотального общественного кризиса, поставившего Республику Молдова на грань гуманитарной катастрофы, ознаменовался самым высоким «скачком» в общественном доверии к Институту Президентства (61%), Парламенту (46%) и Правительству (49%) [17]. Однако в последующем, в условиях укрепления кланово-олигархического режима в стране, ассоциирующегося с состоянием «политического застоя», доверие к указанным выше институтам государственной власти снизилось до минимально низкого уровня. В частности, в 2016 году, согласно данным, Президенту доверяло не более 4% от числа опрошенных, Парламенту – 6%, а Правительству, соответственно – 9% [18]. Показательно, что всеобщие выборы Президента, состоявшиеся в конце 2016 года под давлением протестного движения, получившего на этом этапе большой размах, способствовали существенному повышению рейтинга указанного политического института до 43% [19]. В то же время, наращивание Парламентом и Правительством страны деятельности социально-ориентированного характера, направленной на стабилизацию правящего режима власти в канун предстоящих новых парламентских выборов, также существенно повысили доверие народа к указанным институтам власти, составив в мае 2018 года, соответственно, 21% и 24% от числа опрошенных [20].

Тем не менее, в целом, несмотря на существенные колебания в настроениях людей, доверие граждан по отношению к государственным институтам, как правило, выше, нежели к политическим партиям, неправительственным организациям и профсоюзам. Так, согласно данным 2019 г., профсоюзы (13%) и политические партии (12%) уже по традиции в рейтинге доверия занимали самые низкие позиции, роль которых, как негосударственных институтов, призванных выступать посредниками между социумом и государством, не является, для массового сознания столь уж очевидной и значимой [21]. Это говорит о низ-

ком уровне развития культуры гражданственности в современном молдавском обществе, когда граждане страны позиционируют себя не как активных участников политических отношений, а как наблюдателей; о недооценке людьми значимости этих организаций, и, в особенности, роли партий в демократическом процессе; о слабости политических партий, деятельность которых не только не внушает людям доверия, но и порождает убеждение в том, что политические партии в стране создаются и функционируют в Республике Молдова не в интересах народа, а в интересах политических кланов, а возможно даже отдельных личностей; о слабости партийных идеологий, делающей политические партии страны в значительной мере однотипными.

Тот факт, что партийная система, как на это обращают внимание и международные наблюдатели, нестабильна и фрагментарна, что многие партии образуются не столько вокруг политических программ, сколько вокруг отдельных персоналий, что у многих из них нет своей собственной базы и что их количество слишком велико [4, с. 31], создает для избирателей огромную путаницу, порождая у простых людей немалое раздражение. Поэтому неслучайно значительная часть населения уже давно высказывается за сокращение числа политических партий (58,5%) [22].

В молдавской политической ментальности такая категория как доверие носит, по большей части, персонифицированный характер. Иными словами, молдавский электорат быстрее склонен доверять отдельным политическим личностям, нежели политическим структурам и организациям, где личностное начало менее выражено, а мера ответственности существенно размыта. Поэтому имидж политика способен решающим образом повлиять на отношение людей к возглавляемой им государственной структуре либо политической партии. В этой связи, доверие людей к политической системе в целом, по большей мере, определяется имиджем личностей, находящихся у власти.

Так, к примеру, если в феврале 2001 г. популярность Института Президентства не превышала 15%, то уже к марту 2002 г. рейтинг доверия населения к Президенту страны, обязанности которого на этом этапе стал исполнять представитель Партии Коммунистов В. Воронин, стремительно возрос, составив уже 65%. Соответственно, на этом этапе, в результате смены политического руководства в стране возрос и рейтинг Правительства с 19% до 48%, а также Парламента с 10% до 39% [23]. Однако ближе к концу своего пребывания у власти в должности Президента популярность личности В. Воронина, несмотря на то, что он все еще продолжал пользоваться наибольшим доверием у населения (40,5%), существенно уменьшилась, что сказалось на рейтинге доверия к Институту Президентства, который в апреле 2008 г. составлял уже не более 36,3% [22].

Политическое доверие, таким образом, равно как и интерес к политике, представляет собой переменную величину, способную существенно меняться в зависимости от характера политической реальности. Так, политическая апатия и разочарование людей в политике, особенно ярко проявившееся на рубеже веков, снизили в это время доверие народа к властным структурам до минимального уровня. Однако произошедшая на этом этапе в стране смена власти, возродив надежды масс на изменения к лучшему, вскоре существенно увеличила эти показатели. Колебания в отношении людей к политике, политическому классу и структурам власти сохранили свою динамику и в последующем.

Ситуация политического кризиса и политической неразберихи всегда создает условия для стремительного роста недоверия людей как к структурам государственной власти, так и к политическим лидерам всем вместе взятым, независимо от их политической принадлежности. В этом отношении весьма показательной является картина, сложившаяся после Парламентских выборов 2018 года. Согласно данным, в этот период рекордно высокий процент от числа опрошенных составили

те, кто вообще никому не верит (53%). К этой же категории с полным основанием можно отнести и тех, кто не смог определиться в указанном вопросе, или иначе говоря, не знает, кому можно доверять (13%) [21]. Сложившееся к настоящему времени отношение людей к миру политики с очевидностью свидетельствует о формировании в стране устойчивого синдрома «кризиса доверия».

Рейтинг доверия, оказываемого молдавским народом политическим личностям, как об этом свидетельствуют данные опросов, решающим образом зависит не только от имиджа политической личности, но и от высоты занимаемой этой личностью государственной должности, что говорит о преобладании патерналистских ориентаций в политической ментальности страны. Чем выше государственная должность, тем, как правило, выше уважение народа к ней и, соответственно, к той личности, которая этот пост занимает. Характерно, что выход из «большой политики» для политических деятелей высокого ранга почти всегда сопряжен с утратой «уважения» народа, независимо от их политической принадлежности. Нагляднее всего это прослеживается на примере В. Воронина, доверие к которому в 2003 году, в его бытность на посту Президента страны, испытывали, согласно опросам, около 66% от числа опрошенных [24]. Однако, согласно данным на 2019 год, указанному политическому деятелю, утратившему высокий политический пост около 10 лет назад, доверяли уже не более 14% от числа опрошенных [21]. В то же время, авторитет «должности» также не является абсолютным и утрата доверия народа к личности, ее занимающей, закономерно ведет к утрате доверия не только к высоким политическим должностям, но и к политическим институтам, в целом, таким, как Институт Президентства, Парламент, Правительство.

В то же время, какого бы высокого рейтинга ни достигала политическая личность, молдавской политической ментальности мало свойственно кумиротворчество, по крайней мере, не в

такой степени, как это характерно, в частности, для России. В этой стране действующие Президенты, как правило, не только пользуются высоким доверием широких масс, но и порой вызывают у них восторженные чувства, что чуждо молдавскому обществу. Для молдавского народа более характерными чувствами в их ориентациях на политические объекты являются скептицизм и неприятие в качестве непререкаемого авторитета какой бы то ни было власти в стране.

Безусловно, подобная картина объясняется не только особенностями национального менталитета, выраженными в априорной «нелюбви» людей к представителям политической власти. Доверие народа к власти всегда имеет под собой объективные основания. Прежде всего, его степень измеряется состоянием дел в стране, управляемой той или иной властью, уровнем и качеством ее жизни. Республика Молдова, согласно докладам международных экспертов, по уровню жизни продолжает оставаться одной из беднейших в Европе, где значительная часть населения, влачащая нищенское существование, озабочена главным образом проблемами выживания, принуждающими его к массовой трудовой миграции. Нерешенными продолжают оставаться и проблемы, связанные с экономическим развитием, с коррупцией, с соблюдением законности.

Существует и целый ряд субъективных моментов, которые существенно дискредитируют политическую власть страны в глазах широких масс народа: недостаточная компетентность и низкий профессионализм значительного ряда лиц, наделенных государственной властью; правовой нигилизм и коррумпированность; укорененность протекционизма, в контексте молдавской политической реальности получивших название «кумэтризма» (*cumătrizm*) и «непотизма» (*nepotizm*); явление так называемого «политического туризма», выраженного в свободной смене политиками своего политического «окраса» и отражающего политическую беспринципность ряда политических деятелей

страны; стремление политического большинства к узурпации власти и отсутствие реального желания идти на диалог с оппозицией, конфронтационность и интолерантность; подчинение политических интересов борьбе за власть; использование в борьбе за власть недопустимых с точки зрения общественной морали методов (политической травли, откровенной клеветы, давления, запугивания и т.п.).

Все это вместе взятое лишает политический класс Республики Молдова широкого доверия со стороны народа, порождая убеждение в том, что политическая борьба, разворачивающаяся в стране, суть лишь борьба политических кланов за собственные политические и экономические интересы, за власть [25, с. 70]. На сегодняшний день подавляющая часть людей (80,9%) убеждена в том, что страна управляется политическим классом без учета интересов народа, а более половины (52,9%) не находят среди существующих на молдавском политическом поле таких партий, которые представляли бы их интересы. В то же время, большинство населения (74%) полагает, что дела в стране идут в неправильном направлении [21].

Скептическое, дистанцированное отношение широких масс людей к миру политики во многом определяет характер и параметры их политической активности. В целом, можно констатировать, что подавляющая часть молдавского общества не готова к активным политическим действиям. Вероятность участия молдавских граждан в того или иного рода публичных акциях, направленных на защиту собственных интересов и прав, ничтожно мала. Согласно данным *Barometrul Opiniei Publice*, даже в период, ознаменовавшийся ростом политической активности общества в связи с усилением протестных настроений в стране (2015-2016), лишь 13% от числа опрошенных заявили о своем участии в демонстрациях за последние 5 лет, а 11% – об участии в подписании петиций и рекламаций. В то же время, большинство опрошенных демонстрируют свое решительное

нежелание в будущем принимать участие в различных акциях политического протеста (подписание петиций – 64%; участие в легальных демонстрациях – 63%; нелегальных демонстрациях – 84%; блокирование улиц – 83%; захват зданий – 86%; голодовка – 87%) [19].

Вместе с тем, высоко ценя свое избирательное право как одно из главных завоеваний демократии, подавляющая часть от числа опрошиваемых (около 80%) уже на протяжении многих лет стабильно демонстрирует свою готовность к участию в избирательном процессе [13]. Это означает, что население Молдовы мало готово использовать иные, кроме выборов, доступные политические средства для осуществления взаимодействия с властными структурами в целях более активного участия в принятии важнейших социально-политических решений. Потенциал подобных средств осуществления влияния на ход политической жизни в стране оцениваются широкими массами людей весьма и весьма скептически. Так, деятельность в рамках политических партий представляется значимой лишь для 18,2% населения страны, соответственно, деятельность в рамках неправительственных организаций – для 14,7%, деятельность в рамках профсоюзов – для 17,4%. Значительно более эффективным средством решения проблем молдавским гражданам представляется апелляция к авторитету влиятельных лиц (30%) и СМИ (32,8%) [22]. Показательно также то, что на помощь государственных структур вообще рассчитывает не более 2,7% от числа опрошенных, большая часть которых убеждена, что в тяжелой жизненной ситуации можно рассчитывать только на своих близких – членов семьи (63,6%) [21].

Таким образом, при всей декларативной приверженности общества демократическим ценностям, большинство населения страны не верит в эффективность демократических рычагов влияния на политику, самоустраняется из политической сферы, возлагая всю ответственность за управление обществом

на выборную власть. В этой связи, политическую культуру современного молдавского общества можно квалифицировать как элитарную, отличающуюся главенствующей ролью государственных институтов в организации политической жизни и определении условий участия в ней индивидов.

Сниженный интерес молдавского общества к политике как к социальной ценности находит свое проявление и в отношении людей к политическим доктринам. Согласно данным *Barometrul Opiniei Publice*, лишь 17,7% граждан страны считают политические доктрины достаточно значимой для себя ценностью, большая часть из которых относится к ним либо индифферентно (26,4%), либо считает их малозначительными (20,3%) или совершенно незначимыми (15,6%) для своей жизни. Сюда же можно отнести и те 20%, которые не нашлись, что ответить на этот вопрос [22].

Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени деидеологизации политического сознания молдавских граждан. Безусловно, это вовсе не значит, что большинство молдавских граждан лишено каких-либо политических взглядов, верований, симпатий и антипатий. Однако эти взгляды носят, по большей мере, бессистемный, эклектический, хаотичный, ситуативный характер, причудливым образом позволяя порой уживаться вместе ностальгии по недавнему прошлому и настроенности на евроинтеграцию и демократизацию, сожалению об утрате социальной защищенности и социального равенства и надежде на эффективность либеральных реформ и т.п. На передний план общественного внимания могут выдвигаться то те, то иные политические взгляды и представления, отражающие наиболее острые моменты в развитии общественно-политической ситуации в стране.

Несмотря на всю сложность и противоречивость современного политического процесса в Республике Молдова, развивающегося под лозунгом демократизации общественной

жизни, граждане страны продолжают, как и в начале перемен, настойчиво декларировать свою приверженность демократическим ценностям. Идея демократии занимает наиболее константное положение в политических взглядах людей. Демократия, представляющая собой, в строгом смысле этого слова, форму общественно-политического устройства, превращается в современном массовом политическом сознании в своего рода идеологему, включающую в себя такие ценности, как гарантия прав и свобод человека, равенство перед законом, наличие всеобщего избирательного права и свободных выборов, уважение прав меньшинства, политический плюрализм, публичность власти, разделение властей, политическая конкуренция, экономическое процветание и благополучие.

В преддверии радикальных перемен сама идея демократического переустройства общества была воспринята с большим энтузиазмом всем обществом в целом, породив такой специфический для «демократического момента» общественный феномен как «фанатичная вера в демократию», наделяемую всеисцеляющими способностями. С середины 1980-х годов позитивные оценки возможностей демократии явно преувеличивались и давали основание говорить о всеобщей «демократической эйфории». Демократия превратилась на этом этапе в политический лозунг, в панацею, в абсолютную непререкаемую ценность. Однако со временем, неоправдавшиеся для большинства граждан страны надежды на скорые перемены к лучшему, значительно погасили демократический романтизм общества, вызвав чувство глубокого разочарования в политике.

Следует признать, что затяжные политические кризисы и тяжелое экономическое положение в стране являются теми факторами, которые в настоящее время продолжают подпитывать ностальгические настроения в молдавском обществе. Согласно данным опроса общественного мнения, около 50% населения Республики Молдова все еще испытывает ностальгию по СССР

и по системе социализма, сожалея о его распаде и полагая, что данное историческое событие, в целом, сказалось негативно на развитии нашей страны (более 50%) [20]. Однако это чувство давно уже не является сколько-нибудь серьезным основанием для стремления граждан Республики Молдова к восстановлению Советского Союза, а также к возврату к прежней системе властвования.

Несмотря на все сложности актуального социально-экономического и политического положения в стране, в молдавском обществе к сегодняшнему дню не появилось никакой антидемократической идеологии, которая обладала бы большей притягательностью для людей, нежели демократическая идея. Граждане страны высоко ценят такие ценности демократии как примат человеческих прав и свобод, верховенство закона, участие граждан в приеме важнейших политических решений, свободные и корректные выборы, свобода слова и самовыражения. Поэтому, какие бы идеи ни выдвигались политическими партиями Республики Молдова, ни одна из них не оспаривает поставленных перед страной еще в начале перемен целей демократической модернизации общества, не ставит под сомнение самой идеи демократии.

Выборный характер власти в условиях формирующегося демократического режима во многом определяет специфику современных идеологических конструкций различных политических сил, которая, в общем и целом, сводится в настоящее время к идеологии популизма. Популизм, как показывают исследователи, это неременный спутник имитационных демократий на постсоветском пространстве. Так как имитационность политического процесса требует присутствия игрового элемента и сильного эмоционального вовлечения, которые компенсировали бы отсутствие полноценной демократии, то популизм является отличным способом реализовать эти поставленные задачи [26, с. 72]. Складывающаяся действительность демонстрирует,

что на фоне общего идеологического господства «социального популизма» наибольший интерес граждан Республики Молдова сегодня способны привлечь лишь ярко выраженные «левые» и националистические идеи, как, впрочем, это происходит и во многих других странах молодой демократии [26, с. 68-77].

Исторически сложилось так, что процессы модернизации политической системы в Республике Молдова совпали с процессами формирования и становления самостоятельного независимого государства. Поэтому формирование демократических ценностей в сознании людей оказалось вплетенным в процесс национально-культурной самоидентификации народа, который всегда и везде протекает достаточно болезненно. А в случае с Молдовой – страной со сложной исторической судьбой, этот процесс принял особенно острый и драматический характер, вылившись в борьбу за национально-культурное возрождение народа, за возвращение к истокам национальной культуры.

В этой связи, идея демократического переустройства общества, сопряженного с широкой либерализацией общественной жизни, с самого начала перемен приобрела ярко выраженный националистический окрас. Тем самым, горячее стремление народа к независимости в начале перемен обеспечило широкую общественную поддержку политическим силам либеральной направленности, наиболее характерной особенностью идеологии которых стал ярый антикоммунизм. Идеи декоммунизации и национально-культурного возрождения страны стали одними из наиболее популярных политических идей, эмоционально заряжающих и, тем самым, привлекающих внимание широкой общественности.

Слияние идей либерализма, антикоммунизма и национализма, произошедшее в самом начале демократического реформирования политической системы Республики Молдова, положило начало процессам социальной дезинтеграции, расколов общество не столько по политическому признаку, сколько,

прежде всего, по национальному. Использование сторонниками либеральных идей националистической риторики, нередко допускавшей оскорбительные выпады в адрес нетитульных этнических групп, проживающих в стране, превратило значительную часть русскоговорящего населения страны в социальный оплот консервативных сил, вынужденных в изменившихся общественно-политических условиях сопротивляться переменам. Поэтому политическая культура молдавского общества с самого начала перемен приобрела характер культуры раскола, приняв, по существу, форму «войны идентичностей».

Другой линией идеологического раскола общества стало различное видение сторонниками радикальных политических перемен конечных целей государственного развития и путей продвижения к ним. Политические интересы граждан страны диаметрально расходятся, как только речь заходит о путях и способах достижения поставленных перед страной целей демократического реформирования, придавая ее политической культуре крайне поляризованный характер.

В настоящее время в политическом менталитете страны можно выделить два основных подхода к решению проблем государственно-политического строительства. Одно из них, ратуя за дальнейшее укрепление молдавской государственности, независимости и суверенитета страны, призывает изыскивать внутренние резервы развития, при этом, не порывая связи с традиционными партнерами страны на востоке. Другое – в большей мере полагается на помощь институтов Евросоюза и МВФ, допуская в своем желании ускорить достижение желаемого результата, в том числе, и вариант объединения с Румынией – членом Евросоюза.

В зависимости от разделяемого подхода к выбору путей и средств достижения поставленных целей общественно-политического реформирования, сторонники демократических перемен разделились на два основных политических лагеря. Одно

из них представлено адептами идей «молдовенизма», ратующими за более умеренные перемены, направленные на укрепление молдавской государственности, настроенными пророссийски, часто евроскептически, ориентирующимися на «левые» идеи с выраженной антилиберальной составляющей. Другое объединяет приверженцев идей «евроинтеграции» и «панромынизма», стремящихся к наиболее радикальным трансформациям [27].

Борьбой идей «молдовенизма» и «панромынизма» была окрашена и пронизана вся политическая жизнь страны сложных 1990-х гг. В настоящее время линия идеологического размежевания политических сил страны в целом сохранила конфигурацию «раскола», с той лишь разницей, что раскол по принципу национально-культурной идентичности в значительной мере уступил место разделению по геополитическому принципу, что не меняет сути идейно-политической самоидентификации молдавских граждан.

Несмотря на многочисленность и многообразие политических партий в Республике Молдова (на момент Парламентских выборов 2019 года в стране было официально зарегистрировано 46 политических партий), а также специфику их идеологических и мировоззренческих конструкций, каждая из них так или иначе позиционирует себя по отношению к идеям «молдовенизма», ставшим уже традиционным символом укрепления молдавской государственности, усиления «восточного вектора» развития и углубления социальной направленности политики, и идеям «евроинтеграции» и «унионизма», символизирующим наиболее радикальный путь развития государства, не исключающий возможности объединения с соседней страной в целях ускорения либерально-демократического реформирования общества и восстановления исторической справедливости. Вместе с тем, одной из наиболее характерных черт политической культуры Молдовы была и продолжает оставаться слабая разви-

тость партийных идеологий [28, с. 162-163; 25, с. 70; 4, с. 31]. Поэтому применительно к политической жизни Республики Молдова более верно говорить о доминировании в обществе тех или иных политических идей, актуализирующихся в массовом политическом сознании в зависимости от развития общественно-политической ситуации [29, с. 15].

В начале перемен такой идеей была установка титульной нации на культурное возрождение народа, вплетенная в контекст борьбы страны за независимость и суверенитет, на долгие годы предопределившая характер политического размежевания общества. Широкое экономическое обнищание как следствие стартовавшего в стране радикального реформирования, поставившее массы людей на грань выживания, существенно актуализировало в политическом сознании общества потребность в укреплении социальной защиты со стороны государства. Как следствие в общественном сознании значительно возросла популярность социально ориентированной идеологии, обращающейся к людям поверх культурно-национальных разделительных барьеров. Это обеспечило победу на Парламентских выборах 2001 г. и 2005 г. Партии Коммунистов, превратив ее в «партию власти».

Однако со временем, рост недовольства общества способом реализации власти правящей политической элитой, ведущим к укреплению авторитаризма, и обусловленное им страстное желание перемен, способствовали новому усилению интереса общества к политической оппозиции с ярко выраженным антикоммунистическим посылом, по традиции пропитанным духом национализма. Поэтому начавшаяся в контексте новой избирательной кампании 2009 г. политическая борьба вновь существенно актуализировала в политическом сознании общества проблемы национальной идентичности.

Апелляция к идеям национально-культурной идентичности, в отечественном контексте уже традиционно выступающих в

одной связке с идеями антикоммунизма, обеспечила на данном этапе существенный рост популярности партий либерально-демократической направленности. Это позволило им не только пройти избирательный порог, но и сформировать в новом Парламенте антикоммунистический, либерально-демократический «Альянс за европейскую интеграцию», взявший власть в стране в свои руки и выступавший за радикальные меры в переустройстве общественно-политической жизни, такие как: быстрое проведение либеральных реформ; скорейшее превращение Республики Молдова в ассоциированного члена Евросоюза; радикальный пересмотр законодательной базы страны, включая возможное изменение ее нейтрального статуса; существенное расширение и качественное углубление отношений с Румынией, не исключающее в перспективе возможности объединения двух стран и т.п.

За годы властвования политической элиты, сменившей власть Партии Коммунистов, политическая жизнь в стране существенно эволюционировала в сторону укрепления кланово-олигархического режима, под конец своего правления увенчавшегося формированием феномена «захваченного государства». В подобных условиях на передний план общественного внимания вновь выдвинулись проблемы социальной защищенности, что сделало наиболее популярной политической силой страны Партию Социалистов. Более того, активизация общественного интереса по отношению к социально ориентированной политике вынудила правивший до Парламентских выборов 2019 года политический режим в целях стабилизации власти существенно сдвинуться «влево», сосредоточив основные усилия на реализации социально ориентированных программ. Это привело к тому, что в новом электоральном состязании проблемы геополитики и этнокультурной идентичности, по большому счету, ушли на второй план, уступив место проблемам социальной поддержки и развития, что обеспечило наибольшие результаты тем электо-

ральным конкурентам, которые поставили указанные проблемы во главу угла своей электоральной программы.

Метание общественно-политического сознания между двумя комплексами идей, условно окрашенных в «левые» и «правые» тона, свидетельствует об отсутствии в современном молдавском обществе четких идеологических ориентиров. Доказательством тому является уже сам факт установления в стране после Парламентских выборов 2019 года альянса «правых» и «левых» сил, сформированного в целях борьбы с предыдущим режимом власти, что было воспринято общественностью без ярко выраженного недовольства или волнения. На сегодняшний день понятно одно: молдавское общество, будучи в своей массе бедным, преимущественно тяготеет к социально-ориентированной идеологии, тем не менее, проблемы этнокультурной/геополитической самоидентификации по-прежнему играют решающую роль, в конечном счете распределяя политические предпочтения людей по различным политическим лагерям. Это объясняет почему целые слои населения, остро нуждающегося в социальной поддержке со стороны государства, тем не менее оказываются в числе сторонников либеральной идеи, в условиях молдавской политической реальности всегда идущей в одной связке с идеями национально-культурного возрождения и евроинтеграции.

Показательно, что сторонников самой либеральной идеологии в Молдове, согласно данным *Barometrul Opiniei Publice* [22], не более 8,4% населения. На фоне того, что молдавское общество в своем подавляющем большинстве вообще индифферентно относится к разного рода политическим доктринам, оно еще и менее всего знакомо с сутью либеральной доктрины. Помимо этого, либеральная идеология в Молдове, по мнению экспертов, лишена социальной базы [30, с. 84]. Однако, когда речь заходит о степени доверия народа политическим партиям, рейтинг либерально-окрашенных партий с ярко выраженной идеей национальной идентичности существенно возрастает [21].

Не разделяя в большинстве своем либеральной идеологии, молдавский электорат отдает свои голоса за партии либеральной направленности прежде всего благодаря их ярко выраженному националистическому настрою. Либеральный выбор молдавского общества, таким образом, обусловлен по большей мере все еще крайне актуальными для него проблемами, связанными с осмыслением титульной нацией своей национально-культурной идентичности, с утверждением национального достоинства, с возрождением национальной культуры.

Несомненным также представляется существование тесной связи между экономическим положением и характером политических ориентаций молдавского общества в контексте развертывания процессов демократического реформирования. Затянувшийся в стране политический кризис на фоне все более углубляющегося экономического кризиса может привести к еще большему обнищанию широких народных масс и обострению социальных противоречий. В подобных условиях «ценности выживания» всегда тяготеют к доминированию в общественном сознании над «ценностями самовыражения», а «разрушение безопасности» ведет к постепенному откату вспять, в сторону «материальных приоритетов» [31, с. 286-301]. Поэтому возможность решающего отката политических предпочтений общества в сторону «левых» идей, заостряющих внимание на ценностях социальной защищенности населения, которое привыкло видеть в основанной на них политике хоть какой-то гарант выживания, столь актуального для широких слоев общества в условиях тотального кризиса, является вполне реальной.

В молдавском народе, безусловно, нет никакой генетической предрасположенности к коммунистической/социалистической идее и столь же укорененного в его природе неприятия либерализма. Кардинальное изменение экономической ситуации, формирование широкого слоя среднего класса могло бы привести

к столь же ощутимым изменениям в политическом сознании людей, когда либеральная идея могла бы быть воспринята массами как в наибольшей степени отражающая их интересы вне зависимости от ее связи с другими актуальными для их сознания идеями. Однако пока небезопасность будет оставаться существеннейшей составляющей положения человека в нашей стране, «ценности выживания», актуализирующие потребность в социальной защищенности, будут оставаться приоритетными политическими ориентирами [31, с. 299].

В целом, думая о будущем, представляется, что в Молдове ни одна из политических партий или политических альянсов, претендующих на руководство страной, не сможет рассчитывать на продолжительный успех, независимо от прокламируемых ими ценностей, если устанавливаемый ими политический режим будет носить жесткий, подавляющий человеческое достоинство и свободу характер. «Генетический код» молдавского народа, делающий его миролюбивым, терпеливым, толерантным, но, вместе с тем, уверенным в себе, свободолюбивым и патриотичным, не позволит пустить корни в стране ни одной человеконенавистнической идеологии, пренебрегающей ценностью человеческой жизни, руководствующейся чувствами неприязни и ненависти, ориентирующейся на насилие и физическое уничтожение.

2.2. Гражданская культура как «резервуар демократии»

Трудности процесса демократизации, разворачивающегося в Республике Молдова на протяжении последних трех десятков лет, связаны с целым рядом факторов как объективного, так и субъективного свойства. Одним из таких факторов является то, что создаваемые демократические институты как специфические механизмы реализации власти, будучи еще слабо укор-

ненными в политической жизни страны, вынуждены опираться на доминирующий тип политических позиций, мало соответствующий культуре демократии.

Консолидированная демократия, согласно широко принятой политической теории, предполагает наличие в обществе демократической политической культуры в качестве преобладающего образца ориентаций людей на политические действия. Культура демократии представляет собой совершенно определенный тип политических позиций, который призван благоприятствовать демократической стабильности. Этот тип позиций, именуемый гражданской культурой, являет собой некий идеал политической культуры, т.е. тип культуры, наиболее «подходящий» демократической политической системе.

Разработка концепции «гражданской культуры» относится к середине прошлого века и принадлежит перу выдающихся теоретиков западной политической науки – Г. Алмонду и С. Верба, которая впервые была изложена в книге «Гражданская культура: опыт исследования в пяти странах» (1963). Несмотря на то, что выводы авторов обобщали опыт политического развития только небольшой группы демократических стран, их работа в скором времени приобрела широкое признание, став своего рода эталоном для всех других исследований подобного рода. Поэтому неслучайно концепция гражданской культуры считается сегодня одной из азбучных истин западной политологии.

Опираясь на сформировавшееся на основе сравнительного анализа убеждение о решающей роли политической культуры для развития демократического политического процесса, Г. Алмонд и С. Верба попытались в своей работе определить, существует ли некий специфический тип политических позиций, который способен благоприятствовать демократической стабильности. Чтобы ответить на данный вопрос, авторы теории гражданской культуры более пристально проанализировали

политическую культуру двух относительно стабильных и преуспевающих демократий – Великобритании и Соединенных Штатов Америки, на основании чего была разработана модель идеальной демократической культуры, которая получила название «гражданской культуры». По мысли авторов указанного концепта, гражданская культура, являя собой идеал культуры демократии, более всего «подходит» демократической политической системе [32, с. 274].

Указанная концепция, исходя из аксиомы о том, что демократия опирается на народ и в этом смысле требует массового участия людей в политической жизни, выдвигает культурные факторы, которые связаны с «эмпирически заметным поведением», на передний план в изучении предрасположенности обществ к демократии и утверждает идею о том, что культура тесно связана с демократией [33]. Культурные перемены, предполагающие развитие демократической лояльности, доверия и сотрудничества между политическими конкурентами, ведущие к утверждению постматериальных ценностей, в ряду которых видное место отводится самовыражению и участию в принятии решений, помогают, согласно концепции политической культуры, консолидировать демократию и устоять в трудные времена. И напротив, неразвитость ценностей самовыражения ослабляет демократические институты, подрывая демократию «изнутри» [31]. Таким образом, именно наличием гражданской культуры западные политологи объясняют стабильность и устойчивость демократического режима и именно в развитии гражданской культуры видят залог успешного продвижения по пути становления реальной демократии.

Гражданская культура, как она охарактеризована авторами концепта, представляет собой смешанную и сбалансированную политическую культуру, сочетающую в себе ценности и ориентации трех основных ее типов: приходской, где нет конкретизации политических ролей и где ориентации обыкновенно не

конкретизируются; подданической, где отношение к политической системе в целом является пассивным; участия, в которой члены общества четко и активно ориентированы на политическую систему в целом. Гражданин понимается как производное от «участника», «подданного» и «прихожанина» с их специфическими политическими ролями, а гражданская культура – как идеальная композиция указанных трех типов политических ориентаций.

Сам характер смешения политических ориентаций в гражданской культуре, согласно теории, направлен на неизбежное ограничение более традиционных видов политического поведения и увеличение масштабов активного участия граждан в демократическом политическом процессе. Вместе с тем, рационально-активистская модель отнюдь не предполагает, как подчеркивают авторы концепции, что ориентации участника заменяют собой ориентации подданного и прихожанина и что они должны быть полностью вытеснены из демократической политической культуры. Подобные представления по большей мере складываются под влиянием демократической идеологии, получившей широкое распространение в западном мире начиная с середины прошлого века, согласно нормам которой «рационально-активистская» модель должна была бы присутствовать в преуспевающей демократии. Однако тот тип позиций, который обозначен как «гражданская культура», в некоторых отношениях отличается от «рационально-активистской модели». Более того, по мнению Г. Алмонда и С. Вербы, «полностью активистская политическая культура скорее всего является лишь утопическим идеалом» [32, с. 274-275]. Это мнение разделяют и другие теоретики, считая живое участие большинства в политической жизни лишь идеальной моделью, которой почти никогда невозможно достичь в полной мере, но значимость которой, по большей мере, состоит в том, чтобы задавать необходимый ориентир развития [34, с. 18].

Анализ опыта демократического развития в различных странах, предпринятый американскими политологами в середине прошлого века, таким образом, убедил их в том, что в наиболее процветающих демократиях в реальности существует сложно переплетенная, смешанная гражданская культура. Эта культура, как показывают Г. Алмонд и С. Верба, иногда включает в себя явно несовместимые политические ориентации, предопределяющие ее сложный, противоречивый характер. Вместе с тем, переплетение в сложившемся в развитых демократиях типе культуры противоречивых политических установок и ориентаций показывает, что такая культура является наиболее соответствующей потребностям демократических политических систем, поскольку они также представляют собой переплетение противоречий. Роль гражданской культуры состоит как раз в том, чтобы поддерживать баланс противоречивых ориентаций, сдерживая, тем самым, рост центробежных тенденций, чреватых нарушением равновесия, и обеспечивая стабильность в демократической политической системе. В этой связи, основными свойствами гражданской культуры являются плюрализм, консенсус и многообразие, предопределяющие ее лояльный и сбалансированный характер [32, с. 275]. Плюралистическая культура, как подчеркивали Г. Алмонд и С. Верба, «...основана на связях, убеждении и согласии. Это культура, которая разрешает реформы, но одновременно сдерживает их, легализует политическую активность индивида и одновременно не слишком поощряет ее» [33, с. 8].

В гражданской культуре, согласно рассматриваемой теории, смешение противоречивых политических позиций имеет место как на уровне всего общества в целом, так и на уровне индивида. В рамках гражданской культуры многие граждане могут быть активными в политике, в то время, как другие будут играть более пассивную роль подданных. В то же время, даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, традиционалистские

ориентации, предписывающие более пассивную роль подданного, сохраняются. Ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их, определяя интенсивность политической включенности и активности индивида. Результатом же подобного слияния разнородных, противоречивых установок становится, так называемый, набор «укрошенных» политических ориентаций. Их динамическое смешение, составляющее сердцевину демократической политической культуры, представляет собой важнейшую часть того механизма, при помощи которого в демократической политической системе поддерживается баланс между властью правительственной элиты и ее ответственностью.

Нарушение динамического равновесия ценностных установок и ориентаций, согласно теории гражданской культуры, снижает эффективность функционирования демократической политической системы, независимо от того, в каком направлении осуществляется культурно-политический сдвиг. Константное превалирование патриархально-подданнических ориентаций лишает демократический режим рычагов, необходимых для сдерживания власти элит, размывая механизм, обеспечивающий их ответственность. Это разрушительным образом сказывается на демократичности политической системы, создавая условия укрепления авторитаризма власти. В то же время, в рамках неограниченного активизма чрезвычайно усиливается интенсивность давления на власть, парализующая ее способность к действию. Это не менее губительно для функционирования системы демократии. Чрезмерный объем контроля, который на волне всплеска активизма порой способны осуществить неэлиты над элитами, порождает нестабильность в демократической политической системе, делая политическое управление неэффективным.

В этой связи, в рамках гражданской культуры активизм, взаимодействующий с традиционалистскими политическими ориентациями, носит, по мысли Г. Алмонда и С. Вербы, по большей мере, вероятностный, прерывистый характер. Они показывают, что политика для подавляющего большинства граждан по обыкновению имеет относительно небольшое значение. Включенность в политику представляет собой лишь часть их интересов, причем, как правило, не самую важную их часть. Это и позволяет правительственным элитам действовать. Однако в случае, когда важнейшие политические вопросы приобретают остроту, оставаясь подолгу нерешенными, возрастающая в обществе напряженность побуждает граждан, убежденных в своей потенциальной влиятельности на политический процесс, к более активной включенности в политику. Поэтому индивид, существующий в рамках гражданской культуры, это потенциально активный гражданин, допускающий в случае необходимости возможность своей мобилизации в политических целях.

Помимо осуществления баланса между властью и ответственностью, не менее важной задачей гражданской культуры, как показывают Г. Алмонд и С. Верба, является также поддержание необходимого для демократического процесса баланса между политическим согласием и разногласием, предупреждающего углубление поляризационных тенденций, действующих разрушительным образом на демократическую политическую систему. Подобный баланс призван служить гарантом торжества свойственного демократии мирного, ненасильственного способа разрешения политических споров, что невозможно вне доминирования ориентаций на сплоченность, социальное доверие и сотрудничество. Высокая значимость указанных компонентов гражданской культуры для развития демократического процесса нашла свое закрепление в сформулированном Г. Алмондом и С. Вербой важнейшем положении, согласно которому социальное доверие и сотрудничество в определенном

смысле рассматриваются в качестве «основного резервуара», из которого «демократическое устройство черпает свою способность к функционированию» [32, с. 279].

В целом «укрощение» разногласий в обществе в рамках гражданской культуры, по теории, предполагает подчинение конфликтов, возникающих на политическом уровне, более высоким, всеобъемлющим ориентациям на сплоченность, стоящим над партийными интересами. Такими ориентациями, в частности, призваны служить нормы, связанные с «демократическими правилами игры». Л. Даймонд, развивая в одной из своих работ приведенное положение, в частности, указывает, что культурная приверженность демократии не должна сводиться лишь к абстрактной преданности идеи демократии. Культура демократии предполагает также нормативную и поведенческую приверженность специфическим правилам и порядкам конституционной системы данной страны. Именно благодаря такому безусловному принятию демократических процедур и формируется решающий элемент консолидации, а именно: снижение присущей демократии неопределенности, касающееся не столько результатов, сколько правил и методов политической конкуренции. Таким образом, формирование гражданской культуры в обществе предполагает все большее расширение круга политических акторов, которые ожидают от своих соперников демократического поведения и демократической лояльности, постепенную замену «инструментальной» приверженности демократическим структурам «принципиальной» приверженностью, рост доверия и сотрудничества между политическими конкурентами [2, с. 447]. Разумеется, баланс, достигаемый посредством безусловного принятия «демократических правил игры», должен поддерживаться не только на уровне граждан, но и на уровне элит, нормы политического поведения которых задают «рабочий набор» ценностных ориентиров для всего общества.

Раскрывая сущность и значение гражданской культуры для стабильности демократии, алмондианская теория, в то же время, разрабатывает механизм ее передачи в контексте политической жизни. Авторы концепта полагают, что, учитывая сложный, запутанный характер гражданской культуры, передача ее от поколения к поколению осуществима лишь посредством столь же сложного процесса – путем процесса социализации, который включает в себя обучение во многих социальных институтах – в семье, группе сверстников, школе, на рабочем месте, и, что самое главное, в политической системе как таковой. Вместе с тем, Г. Алмонд и С. Верба хорошо себе отдают отчет в том, что различные каналы социализации могут воспитывать позиции, направленные на участие, однако их способность вырабатывать социальное доверие и эмоциональную привязанность к системе более проблематична. Для создания политического сообщества, где граждане доверяют и могут сотрудничать друг с другом, недостаточно владеть лишь познавательными навыками и навыками участия. Для этого, с их точки зрения, требуется процесс, с помощью которого у индивидов могло бы вырабатываться чувство общей политической идентичности и эмоциональной приверженности политической системе [32, с. 279-280]. Иными словами, формирование гражданской культуры с необходимостью должно носить комплексный характер и быть вплетенным в общий контекст развития общества, закладывающий основы социального доверия и гражданского сотрудничества.

Таковы наиболее общие положения рассматриваемой теории, которая объясняет устойчивость и стабильность демократии наличием в обществе гражданской культуры, усматривая в ее развитии главный залог успешного продвижения по пути становления демократического общества. Будучи построенной на гипотезе о том, что политическая культура тесно связана с демократией, теория гражданской культуры, по существу идентифицирует демократическую систему с неким специфическим

типом политических позиций, т.е. с культурой демократии. В этой связи, теория гражданской культуры может быть использована в качестве надежного научного инструментария исследования процессов демократизации, позволяющего заглянуть «вовнутрь», за выстраиваемый институциональный «фасад» и понять, насколько глубоки и устойчивы политические изменения, происходящие в настоящее время в странах демократического транзита, каковой является и Республика Молдова. Изучение политических процессов, разворачивающихся в Республике Молдова, сквозь призму теории гражданской культуры призвано показать на сколько функционирование выстраиваемой в стране системы демократии может быть эффективным исходя из доминирующих в общественно-политическом сознании молдавского общества ориентаций на политические действия.

Радикальные политические трансформации, стартовавшие в Молдове в конце прошлого столетия, безусловно, затронули не только институциональный, но и ориентационный уровень функционирования политической системы. Однако в культуре изменения всегда идут более медленно, подчиняясь не только общеисторическим закономерностям, но и своим внутренним, специфическим законам развития, которые порой могут преподносить обществу самые неожиданные сюрпризы. В определенные моменты эти изменения, приобретая революционный характер, могут опережать институциональные преобразования. Но со временем динамика трансформаций может круто изменить свое направление, обращая процесс формирования новых ценностей вспять.

Так, в начале демократических перемен, на волне демократической эйфории, молдавское общество совершило поистине революционный скачек в своих политических ориентациях. В контексте «демократического момента», создавшегося в стране на рубеже последних десятилетий прошлого века, произошли стремительные изменения в политическом сознании людей. На

смену тоталитарному мышлению пришел «продемократический консенсус», объединивший общество вокруг идеи демократии как таковой, утверждающей такие ценности, как права и свободы человека, плюрализм мнений, толерантность, транспарентность, верховенство права.

Другим важнейшим достижением демократии в Республике Молдова является прочно укоренившийся в стране политический плюрализм, который находит свое проявление в функционировании сравнительно большого количества (на данный момент – 46) политических партий и объединений. В современной Молдове также, по сравнению с додемократическим периодом, существенным образом вырос интерес населения к политике, значительная часть которого активно следит за развитием политической жизни в стране. Помимо этого, молдавское общество в массе своей разделяет убеждение о том, что интересы народа должны быть учтены самым серьезным образом. Это находит свое проявление в высокой оценке гражданами страны своего электорального права. Существенно также то, что молдавское общество за истекший период научилось болезненно реагировать на всевозможные ограничения прав и свобод, в том числе, ограничение свободы информации, выказывая свое недовольство главным образом в форме кризиса доверия к общественно-политическим структурам различного уровня.

Учитывая приведенные характеристики, следует признать, что в политическом сознании современного молдавского общества произошло заметное смещение ценностных приоритетов, свидетельствующее о появлении в нем зачатков гражданской культуры. Тем не менее, процесс реконструирования политической культуры на основе ценностей демократии носит пока лишь инициальный характер. Более того, складывающиеся на сегодняшний день общественно-политические реалии убедительно демонстрируют существенное снижение темпов реформирования политического сознания в соответствии с демократическими ценностями, чреватое движением вспять.

В условиях демократического момента в настроениях широких масс людей доминировала всепоглащающая вера в демократию, сопровождающаяся ощущением глубокой личной сопричастности политическим судьбам страны. Сегодня, напротив, в сознании людей все более нарастает чувство оторванности от политики и ощущение политического бессилия, обусловленные складывающейся в стране формой политического управления, провоцирующей затяжные политические и экономические кризисы. По-прежнему высоко ценя сам идеал демократического развития, молдавское общество в своем подавляющем большинстве (70-80%) высказывает несогласие с характером осуществления политического управления в Республике Молдова, полагая что наша страна движется не в том направлении [35]. На этом фоне крепнут ностальгические настроения, вынуждающие часть граждан страны (40,4%) сожалеть о распаде советской державы, подвергая критическому пересмотру идеалы, ценности и цели современного развития [36].

На смену политической эйфории и завышенных ожиданий, характерных для начала перемен, приходит разочарование, политическая апатия и скептицизм ко всему, что имеет отношение к миру политики. Молдавское общество в своей массе, будучи убежденным в том, что управление страной осуществляется без учета интересов народа, больше не верит ни политическим партиям, ни их лидерам, ни демократическим институтам, ни, собственно говоря, демократическим механизмам решения общественных проблем.

Тем не менее, при всем скептицизме по отношению к власти, доминирующем в современных политических ориентациях общества, молдавские граждане в своем подавляющем большинстве демонстрируют живучесть патерналистских настроений, не выказывая особой решимости бороться за реализацию своих интересов и продолжая ожидать главных решений, в том числе, касающихся социальной защиты, от политических

элит. В то же время, при всем критическом отношении к сложившемуся в Молдове миру политики, обращает на себя внимание сохраняющийся конформистский настрой сознания людей и отсутствие у большинства из них индивидуально выношенных политических убеждений. Таким образом, если в первые годы демократических перемен, пронизанные высоким эмоциональным накалом, казалось, что с «прошлым» в сознании людей покончено, то сегодня становится очевидным, что современное молдавское общество, несмотря на общую декларативную приверженность ценностям демократии, усваивает эти ценности крайне сложно.

Традиционным тестом на соответствие доминирующих установок общественно-политического сознания стандартам гражданской культуры является изучение уровня и характера участия масс в политике, которое может служить одним из лучших маркеров качества функционирующего в той или иной стране демократического режима. Высокий уровень участия простых людей в политике способствует эффективному функционированию демократических институтов и свидетельствует о «здоровье» демократии. Соответственно, «энтропия участия» (Crouch, 2004) отличающая политическое поведение широких слоев современного молдавского общества, может говорить лишь о том, что механизм самоуправления, имманентный режиму «здоровой» демократии, существенно деформирован.

Нацеленность массового общественного сознания на ценности политического участия является тем необходимым источником, из которого система демократии черпает свою способность к функционированию. Поэтому идеальное, здоровое демократическое общество это, прежде всего, деятельное, активное общество, состоящее из множества «критических граждан», готовых отстаивать свои права и свободы, когда им что-то угрожает. Субъективная способность общества к самоорганизации является тем решающим фактором, который приводит в движе-

ние сложнейший механизм демократического управления. От ориентаций людей на политические действия зависит не только эффективность функционирования демократического режима, но и тот специфический, национальный колорит, который приобретает политическая система, складывающаяся в процессе демократического реформирования общества.

Молдавское общество ближе всего подошло к демократии в ее максимальном понимании, предполагающем широкое участие граждан в политике, в период падения тоталитарного режима. Тогда восторженное отношение к демократии, обусловленное решением общей задачи демонтажа старого режима, было широко распространено. В это время наблюдался самый высокий уровень политического участия, выраженного в том, что множество различных групп простых людей сообща стремились выработать политическую программу, отвечающую тому, что их волновало. Однако «демократическая эйфория» начального этапа перемен, сопряженная с завышенными социальными ожиданиями, а также с борьбой молдавского народа за суверенитет и национальную независимость страны, за возрождение национальной культуры и утверждение новых государственных символов власти, давно прошла. Уже к концу первого десятилетия реформирования в молдавском обществе обнаружился глубокий раскол, разделивший его как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. Молдавское общество буквально рассыпалось на множество политических субкультур, по-разному воспринимающих как сами перемены, так и их цель. Жирная разделительная черта пролегла не только между горизонтально расположенными субкультурами, но и между электоратом, с одной стороны, и политической элитой, с другой.

Широкие общественные массы, в начале перемен сыгравшие роль «могучей ударной силы», позволившей разрушить тоталитарный режим, со временем, по мере формирования нового политического класса, оказались оттесненными на периферию

политической жизни. Неся на себе все тяготы перемен, доведенные до нищенского существования, массы простых людей вынуждены были по-новому переосмысливать свое место в процессе общественного переустройства. Главной проблемой для широких масс простого народа стала проблема выживания. Необходимость решения множества проблем, связанных с обеспечением индивидуального выживания, вынудило большинство населения перенаправить основную энергию в русло частной жизни, что значительным образом повлияло на характер политического участия граждан. Синдром «обманутых ожиданий» широко разлился в общественном восприятии политической реальности чувства усталости от политики, разочарования, апатии, превратившие массы людей в простых наблюдателей. В этих условиях единственной формой массового участия осталось участие в выборах, предполагающее минимальное действие в виде голосования. Таким образом, приходится констатировать, что в политической жизни Республики Молдова к настоящему времени сложилась ситуация, для которой характерен сниженный уровень политического участия простых граждан, а формы участия на уровне общества ограничены преимущественно участием в выборах.

«Энтропия участия» является одной из ключевых характеристик современного молдавского общества, в котором роль наблюдателя выступает наиболее приемлемой формой политического поведения широких слоев общества. В то же время, имеющие место примеры политического активизма, которые, будучи взятыми в масштабах общества, занимают крайне узкую нишу в общественном поведении и отличаются доминированием установок протестного характера.

Особенность подобного рода политического активизма состоит в том, что он носит циклический, ситуативный характер. Его всплески, по большей части, совпадают с периодами накала борьбы за власть, где преобладающей мотивацией является

негативизм, выраженный в эмоциях страха, ненависти, неприятия. Молдавские граждане проявляют наибольшую готовность активно вторгаться в мир политики лишь тогда, когда речь идет о противостоянии политическим оппонентам. Поэтому можно утверждать, что формирующиеся у молдавских граждан навыки политического активизма находят свое закрепление в эмоционально-негативистской форме, пока еще слишком далекой от моделей рационального активизма.

Негативистская настроенность политического сознания предоставляет широкие возможности для применения политическими элитами различных политических технологий, направленных на разжигание противостояния в обществе. Поэтому политические события, происходящие с участием большого количества людей, как правило, являются результатом применения, с той или иной долей успеха, различных политических технологий, вызывающих эмоциональный всплеск, но, при этом, зачастую выдаваемых политиками за осознанный революционно-политический, протестный подъем общества.

Главной целью протеста в рамках негативного активизма обвинений и недовольства является призыв политиков к ответу. Движущей силой политического сопротивления выступает агрессия против правящего класса/политического оппонента, питающая интерес к тщательному изучению публичного образа политиков и их частного поведения [34, с. 29]. Как только «провал» в политике каким-то образом разрешается (к примеру, арест лидера Либерально-Демократической Партии Молдовы Влада Филата в 2014 г., переход к всенародным выборам Президента страны в 2016 г. и др.), политический активизм резко идет на спад. Негативный активизм, проявляющий себя в острые моменты развития политических процессов в поведении определенной части молдавского общества, несколько не противоречит массовым пассивным установкам. Напротив, пассивный подход к демократии питает негативную модель политического

поведения, когда правительство и политика считается делом небольших групп элиты, принимающей решения, а недовольные широкие массы наблюдают со стороны, стыдя и обвиняя политическое руководство за допущенные «ошибки» и «просчеты» [34, с. 29].

Негативный активизм, питаемый недовольством масс состоянием дел в стране, представляет собой лишь один из аспектов гражданства, отвечающий за протестную составляющую политической активности широких слоев общества. Однако демократия не может быть здоровой и полноценной без позитивного гражданства, т.е. того типа политической активности масс, который связан с созданием сообща различными группами и организациями коллективных идентичностей, с осознанием интересов этих идентичностей и самостоятельным формированием требований, основанных на них, которые они будут предъявлять политической системе. Поскольку именно позитивное гражданство отвечает за созидательность демократии [34, с. 27-30].

В негативном активизме как специфическом типе политической активности также может быть заложен значительный демократический потенциал, который в контексте проведения демократических выборов призван способствовать ротации политических элит, вынуждая их, тем самым, с большим вниманием относиться к нуждам простого народа. К сожалению, в условиях политической реальности, установившейся в Республике Молдова, когда принцип верховенства закона при проведении выборов может быть нарушен, конечный итог политики будет отражать только волю элит, а не тех, кем они управляют.

Политико-культурный фон, формирующийся в Республике Молдова в контексте перемен и характеризующийся доминированием патриархально-подданнических ориентаций в массовом общественно-политическом сознании, «энтропией участия», равно как и господством социального недоверия, таким образом, свидетельствует о низком уровне развития гражданской культуры.

Гражданское общество, формирование которого является важнейшим условием полноценной демократии, опирающейся на осознание людьми, простыми гражданами и официальными лицами, коллективного (гражданского) характера человеческого бытия, находится лишь в зародышевом состоянии. Незрелость гражданской культуры, в свою очередь, придает процессу политического реформирования преимущественно формальный, поверхностный характер, во многом предопределяя низкое качественное состояние молдавской демократии.

Вопрос заключается в том, возможно ли каким-либо образом повлиять на процесс формирования гражданской культуры в реформирующемся обществе и как этому способствовать? Ответом на этот вопрос в свое время стала уже сама концепция гражданской культуры, в задачу которой входила, условно говоря, «легитимация экспорта демократической политики с помощью воспитания идеально соответствующей ей культуры» [37, с. 391]. Идея «экспорта демократии» из более развитых демократий в менее развитые в настоящее время приобрела довольно большую популярность. Именно эта идея лежит в основе политики финансирования развитыми странами Запада различных общественных организаций стран молодой демократии, что, впрочем, по мнению Д. Лоуэлла, нельзя признать нормальным [38, с. 39]. Эта же идея вдохновляет и организаторов так называемых «цветных революций», охвативших современный мир и призванных катализировать развитие общественно-политических трансформаций в реформирующихся странах.

Однако, с точки зрения В. В. Кочеткова, в условиях усиления геополитического противостояния в современном мире «цветные революции» правильнее было бы назвать манипулятивными технологиями, которые внешние силы применяют для смены политической власти в суверенной стране [7, с. 108]. А по мнению Р. Инглхарта, опыт современного демократического развития в мире свидетельствует, что несмотря на предпринимае-

мые во многих странах «прорывы к демократии», они не стали здоровее, счастливее, терпимее, не стали больше доверять друг другу, даже наоборот: в большинстве своем они двигались в противоположном направлении [39, с. 304]. Соответственно, как это справедливо констатирует Д. Лоуэлл, возникают вопросы о реальной цели и пределах воздействия со стороны «развитых» или иных «демократий» на другие государства под предлогом их «демократизации» и особенно «поддержки» гражданского общества [38, с. 39].

В рамках существующей научной дискуссии многие политологи склоняются к мнению о том, что важнейшим условием стабилизации и упрочения современных демократий является «расширение политического образования для более глубокого понимания гражданами роли политического участия» [38, с. 37]. Таким образом, согласно указанной точке зрения, основные усилия, направленные на формирование гражданской культуры, должны носить просветительский характер. По убеждению некоторых российских исследователей, «сегодня стало совершенно очевидно: для того чтобы бороться за гражданское общество, одних благих намерений недостаточно. Надо *уметь* формулировать и доносить эти намерения до избирателей, чтобы они были поняты и востребованы, получили массовую поддержку...» [40, с. 16]. Того же мнения придерживаются и многие молдавские аналитики, когда утверждают, что наиболее устойчивым и перспективным механизмом, обеспечивающим процесс демократизации, является обучение демократии и политической культуре, полагая, что издержки политико-культурного развития, такие, в частности, как сохранение духа патернализма, этатистского менталитета, глубоко укорененные в сознании людей, политическая инкомпетентность и безграмотность народа, ошибки, совершаемые политиками, все это вместе взятое становятся основным препятствием формированию механизмов репрезентативной демократии [41, с. 8]. Авторы одного

из отечественных учебных пособий по политологии, излагая указанный исследовательский подход, в частности, указывают на то, что нормальное функционирование демократической системы, ее стабильность и эффективность зависят от развития политической культуры, в особенности ее активистского аспекта. Поэтому, с их точки зрения, залогом успешности молдавского демократического процесса является формирование «новой политической культуры», которое должно осуществляться не только посредством участия людей в митингах, демонстрациях, протестных политических акциях, но и путем усвоения политических знаний, столь важных в процессе демократического реформирования общества [42, с. 183-185].

В целях реализации подобной установки в Республике Молдова в различное время было инициировано на базе неправительственных организаций функционирование различных программ обучающего свойства: Школы Молодого лидера (*Scoala Tânarului lider*), Института Молодого управленца (*Institutul Tineretului Guvernator*), Парламента Молодых (*Parlamentul Tinerilor*) и др. Помимо этого, в целях формирования у молодежи навыков политического участия были организованы «круглые столы» локального значения в рамках таких проектов, как «Формирование гражданского участия в районе Кахул» (*Promovarea participării civice în raionul Cahul*), «Формирование политического активизма у молодежи в южных районах Республики Молдова» (*Promovarea activismului tinerilor din localitățile de sud ale Republicii Moldova*), «Укрепление гражданского участия в Молдове» (*Consolidarea participării cetățenești în Moldova, Telenești*) и др. Повышенное внимание политиков к указанному вопросу нашло свое проявление в создании Национального Совета по участию (*Consiliul Național pentru participare*) как консультативного органа при Правительстве Республики Молдова, целью которого стало укрепление партиципативной демократии посредством развития и продвижения стратегического

партнерства между органами публичной власти, гражданским обществом и частным сектором.

Однако указанные выше меры способны охватить лишь незначительную часть общества, в большинстве случаев будучи рассчитанными преимущественно на молодежную аудиторию. Что же касается широких слоев общества, то на этом уровне задача формирования культуры демократии по существу трансформируется в проблему политического информирования. Поэтому наибольший интерес у политиков в этом отношении вызывают средства массовой информации и, прежде всего, телевидение, представляющее собой главное средство политической коммуникации властвующих элит с широкими слоями общества, посредством которого политические элиты стремятся контролировать процесс формирования политических ориентаций.

В последние годы значительно выросло количество различных телевизионных *talk-show* с участием политиков и политических аналитиков, разъясняющих хитросплетения молдавской и международной политики, за которыми, согласно данным опроса общественного мнения, активно следят более 80% молдавского населения [21]. Однако характер и направленность организуемых телевидением дискуссий все более убеждает в том, что «голубой экран» для политиков – это не столько наиболее подходящая для широких слоев общества «школа демократии», сколько публичная трибуна, используемая для политической индоктринации, т.е. внедрения определенных взглядов, убеждений и моделей поведения, порой мало согласующихся с нормами гражданской культуры.

Важность и плодотворность обучения культуре демократии в контексте процессов демократического реформирования общества не может вызывать сомнений. Вместе с тем, вопрос об эффективности средств и каналов передачи навыков демократического поведения остается открытым. Г. Алмонд и С. Верба подчеркивали, что культуре демократии как таковой не учат в

школе, это не формальный процесс, ее усвоение есть результат сложнейшего и длительнейшего процесса обучения во многих социальных институтах, но, в первую очередь, в политической системе [32, с. 282-284]. К подобным выводам авторы «Гражданской культуры» пришли в результате изучения обществ стабильной демократии, где культура участия представлена уже как данность, а не как цель, которой необходимо достигнуть. Поэтому следует иметь в виду, что теория гражданской культуры раскрывает механизмы воспроизводства навыков культуры демократии в условиях стабильного функционирования демократической политической системы. Анализируя данный аспект проблемы, исследователи Е. Мюллер (*E. Muller*) и М. Селигсон (*M. Seligson*) приходят к справедливому выводу о том, что демократическую культуру обуславливает демократическая стабильность, а не наоборот [43, с. 406-427].

В условиях политической нестабильности реформирующихся обществ эффективность воспитательной деятельности и, прежде всего, просветительства, направленного на формирование политического активизма людей, оказывается минимальной. Политическое образование и информирование способно формировать политические знания, но не способно кардинально трансформировать социально-психологические реакции людей, коренящиеся в их образе бытия, в соответствии с демократическими идеалами. Без соответствующего прогресса в социально-экономической и политической сфере приобретенные знания будут оставаться мертвым капиталом, всякий раз уступая место более «прогматичным» в складывающихся обстоятельствах методам организации политической жизни и развертывания политической конкуренции.

Любая культура, включая гражданскую культуру, являет собой закономерный плод объективно-исторического развития общества во всех его проявлениях. Культура, как таковая, не есть некая отдельная сфера или область человеческой деятель-

ности. Это скорее ее качественный срез, способный служить индикатором глубины и основательности человеческих преобразований. В этой связи, формирование гражданской культуры как некоего субъективного измерения политики, является, в то же время, составной частью объективно-исторического процесса развития общества на принципах демократии, будучи вплетенной в его основную ткань. Поэтому развитие гражданской культуры не может быть оторвано от общего процесса демократической модернизации. А неудовлетворительные темпы и результаты «культурных» перемен в массовом сознании могут свидетельствовать лишь о том, что процесс демократического реформирования разворачивается в нашей стране, по большей части, формально, мало что меняя в традиционных политических ориентациях общества.

Характер и устойчивость политико-культурных изменений коренятся в стабильности функционирования системы демократии. Политическая система Республики Молдова находится в процессе реформирования, в состоянии некоего «межсезонья» молдавской истории, что во многом осложняет и дестабилизирует политическую жизнь в стране, приводя порой к глубочайшим политическим кризисам. Подобная ситуация с необходимостью накладывает свой отпечаток на процесс формирования политических ориентаций людей, который носит преимущественно спонтанный, хаотический, бессистемный характер, превращающий политическую культуру Молдовы в культуру транзита. В такую культуру, для которой характерна переоценка ценностей, целей и идеалов, сопровождающаяся «впадением в крайности», забеганиями вперед, движением вспять, повышенной конфликтностью и состязательностью, соединением разнородных, порой диаметрально противоположных установок, ситуативно и попеременно вырывающихся на передний план общественного внимания. В ней уже хорошо заметны элементы нового, однако четко структурированной иерархии ценностей еще не сло-

жилось. Таким образом, можно утверждать, что на нынешнем этапе развития политическая система Республики Молдова, будучи транзитной по своей сути, продуцирует и репродуцирует политическую культуру транзита, в которой элементы культуры демократии присутствуют лишь в зачаточном состоянии.

С точки зрения некоторых аналитиков, процесс формирования гражданской культуры в нашей стране во многом осложнен самой спецификой «генетического кода» молдавского народа, делающего его маловосприимчивым к нормам демократической культуры. Р. Инглхарт, в частности, указывает, что демократизирующиеся страны «новой волны» в большинстве своем двигались в противоположном направлении. Демократия, констатирует политолог, не та вещь, которая достигается простым заимствованием правильных законов. В одних социальных и культурных условиях она расцветает более пышно, чем в других. По убеждению политолога, в таких странах как Россия, Беларусь, Украина, Армения и Молдова, культурная среда не слишком благоприятствует демократии [39, с. 304]. Иными словами, культурно-исторический контекст жизни молдавского народа, характеризующийся доминированием специфических для традиционных обществ социально-психологических реакций, делает более предпочтительным для него выбор в пользу привычных патриархально-подданических ориентаций.

Принимая во внимание специфику культурно-психологических реакций молдавского народа, на наш взгляд, тем не менее, было бы неверно ее абсолютизировать. Политико-культурные факторы, безусловно, тесно связаны и даже во многом обусловлены воздействиями культурной генетики, но полностью не отождествимы с ней. Очевидно, что в той или иной степени все социально-политические изменения неизбежно оказываются опосредованными спецификой национальной культуры и исторически сложившегося менталитета. Сохраняя в себе некие генотипы, политическая культура, в то же время, находится

в постоянной динамике и изменении [10, с. 11]. Об этом, в частности, свидетельствует опыт демократического развития в Японии, Южной Корее, Тайване, опровергающий убеждение о том, что специфические азиатские ценности, разделяемые этими обществами, делают их непригодными для демократии.

Восприимчивость обществ к ценностям демократии, считающихся далекими для них, в условиях динамичного социально-экономического роста может существенно возрастать. Согласно наблюдениям аналитиков, экономическое развитие создает такие социальные и культурные условия, при которых демократия чувствует себя увереннее [39, с. 304]. Что же касается Молдовы, то оставаясь одной из беднейших стран Европы, наша страна, как и многие другие страны постсоветского пространства, демонстрирует один из примеров осуществления демократического реформирования «сверху-вниз», на неподготовленной почве, в условиях отсутствия социально-экономической базы для своей реализации. Поэтому неудивительно, что ориентация государства на модель либеральных ценностей Запада на каждом этапе вступает в противоречие с традиционными политико-культурными ценностями общества, в то время как «успех реформ в значительной степени зависит от того, насколько они вписываются в историко-культурный контекст» [10, с. 12].

Представляется, что экономические успехи Молдовы могли бы стать той устойчивой основой, которая позволила бы перенаправить процесс формирования демократических ценностей «снизу-вверх», превратив их в элемент национальной культуры.

Иными словами, «деформация» режима демократии, формирующегося на данном этапе в Республике Молдова, заложена уже самой спецификой процесса политического реформирования, которая состоит в его преимущественном движении «сверху-вниз». Безусловно, подобная историческая практика не уникальна. В настоящее время большинство постсоветских стран, вовлеченных в процессы демократизации, развивается

подобным образом, когда главная инициатива, а также цели, ценности, стратегии политического развития разрабатываются и осуществляются главным образом политическими элитами, в то время как широкие народные массы выступают, в основном, в роли реципиентов.

Главный компонент эффективного функционирования демократического режима, сам демос, не готов сегодня брать историческую судьбу страны в свои руки посредством осуществления перманентного контроля над властью. В то же время, основную ответственность за плачевные результаты, к которым порой приводит реформаторская деятельность, разворачивающаяся в стране, как аналитики, так и более широкие слои общества, как правило, возлагают на ее политическое руководство, расценивая неудачи реформирования, главным образом, как «просчеты» и «ошибки» управления.

Слабая восприимчивость молдавского общества к ценностям гражданской культуры связана не только с внутренними особенностями культурно-исторического развития страны. Специфика формирующейся политико-культурной ситуации в значительной мере обусловлена и теми глубокими качественными общественными трансформациями, которые происходят в настоящее время во всем мире, будучи выраженными в феноменах постиндустриализации и глобализации. Условия, складывающиеся в контексте современных глобальных перемен, существенным образом дестабилизируют функционирование демократических политических систем, значительно снижая качество не только «молодых», но и «старых» демократий.

По оценкам многих аналитиков, демократия как политическая система вступила в настоящее время в полосу глубочайшего кризиса, вынуждающего задуматься о том, способна ли она вообще работать в условиях складывающейся исторической реальности [38, с. 32-50]. М. Каазе, используя теоретические наработки известных политологов (Р. Инглхарта, А. Лейпхарта,

Ф. Шмиттера, Р. Даля, Р. Далтона и др.), выделяет ряд факторов, влияющих на демократическое развитие в XXI веке и трансформирующих его. Среди них такие, как: ускоряющаяся глобализация и ее воздействие на мир политики, европейская интеграция, кросскультурная миграция, демографические тренды, технологические изменения как следствие НТР и быстрые экономические трансформации, появление новых ценностей, в том числе постмодерна, сильный эффект медиатизации, падение значения социального капитала. Помимо того, в западно-европейских странах существует целый ряд острых проблем, которые также могут повлиять на дальнейшее развитие демократии. В их числе: старение населения, рост безработицы, падение роли профсоюзов, снижение уровня благосостояния (и как следствие уменьшение численности среднего класса), возрастание террористических угроз. В результате этого в странах максимальной демократии происходят глубокие изменения в политическом действии, сказывающиеся на качестве демократии в целом [38, с. 38-40].

Осмысление того факта, что западная демократия переживает в настоящее время кризисное состояние, в свою очередь, побудило английского социолога Колина Крауча к разработке специального понятия, которым можно было бы обозначить современный этап в развитии западных демократий как специфический для истории мирового демократического процесса. К. Крауч предположил, что западные демократии вступили в новую историческую эпоху, обозначив ее «постдемократией» [34]. Постдемократия, в представлении исследователя, проходит в своем движении те же «точки», что и преддемократическое развитие, однако происходит это в существенно иных исторических условиях. Постдемократические общества, как полагает К. Крауч, сохраняют все черты системы демократии: свободные выборы, конкурентные партии, свободные публичные дебаты,

права человека, определенную прозрачность в деятельности государства. Однако сегодня главная энергия и жизненная сила политики будет все больше стремиться туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии – к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящихся получить от них привилегии. За системой постдемократии стоят некие ключевые институты – это глобальные компании. Автор концепции постдемократии полагает, что демократия на Западе в ходе некоего «параболического» развития уже миновала свое пиковое положение, перейдя в настоящее время на нисходящую ветвь. Объясняя подобную тенденцию крутыми системными изменениями глобализирующегося мира, размывающими сами основы демократии, К. Крауч показывает, как указанные изменения снижают ее качество.

Прежде всего, он обращает внимание на то, что идет сокращение рабочего класса, меняется структура занятости населения, усиливается атомизация общества. В политической жизни это находит свое отражение в ряде ее характерных черт: 1) изменения в классовой структуре постиндустриального общества порождают множество профессиональных групп, которые, в отличие от организованных промышленных рабочих, крестьян, государственных служащих и мелких предпринимателей, так и не создали собственных автономных организаций для выражения своих политических интересов; 2) происходит огромная концентрация власти и богатства в многонациональных корпорациях, которые способны оказывать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах, хотя они и имеют огромные ресурсы для того, чтобы в случае необходимости попытаться манипулировать общественным мнением; 3) под действием этих двух сил – идет сближение политического класса с представителями корпораций и возникновение единой элиты,

необычайно далекой от нужд простых людей, особенно принимая во внимание возрастающее в XXI веке неравенство [34, с. 7-8].

В силу указанных причин образуется вакуум слева в массовом политическом участии, в то время как идет рост единой политико-экономической элиты, все более устранившейся от активного взаимодействия с народом и стремящейся проводить государственную политику в интересах различных привилегированных слоев. Современное атомизированное и фрагментированное население, представленное множеством профессиональных групп, не способно заменить собой ту организованную политическую силу, которую являл собой рабочий класс, на протяжении XX века бросавший мощный вызов интересам привилегированных слоев. Нынешние политические системы, безусловно, время от времени все еще порождают массовые протестные движения («феминисты», «зеленые», «антиглобалисты» и т.д.), но, по глубокому убеждению аналитика, представленные в этих движениях группы не способны породить автономную массовую политику. А это значит, что политика в странах демократии возвращается к некоему подобию того, чем она была всегда: системе, которая служила интересам различных привилегированных слоев [34, с. 11]. Таким образом, по мысли К. Крауча, тенденции развития современного мира, кардинальным образом меняя качество взаимодействия субъектов демократического политического процесса, способствует «энтропии демократии».

Размышления К. Крауча о постдемократии показывают, что демократические институты, даже будучи глубоко укорененными в жизни западных обществ, в условиях кардинальных перемен в XXI в. сами по себе не способны поддерживать на должном уровне культуру массового политического участия. Доминирующая политическая культура, будучи конечной детерминантой развития демократического политического процесса, сама является закономерным продуктом развития всей совокупности общественных условий.

Динамизация современного мира, вычленение новых тенденций общественного развития, способствуя кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни, существенным образом сказалось на качестве западных демократий, показав, что достигнутый в свое время в западных странах высокий уровень культуры участия сегодня все больше снижается. Модификации в политическом действии, происходящие в доминирующем типе политической культуры западных демократий, свидетельствуют о том, что политико-культурная компонента западного мира политики трансформируется под влиянием общего контекста мирового развития, способствуя ее сползанию к постдемократии. Все это говорит лишь о том, что культура участия, как воплощение культуры демократии, является не столько некой «генетической формулой», выражающей специфический «национальный дух» западных народов, сколько своего рода «культурным кодом» определенной исторической эпохи, ее закономерным продуктом развития, каковым выступает и сама демократия как политическая система.

Поэтому представляется, что подход, разработанный К. Краучем, попытавшимся вскрыть глубинные причины современного кризиса демократии и увидевшем за спадом культуры участия в Западных странах формирование новой социальной структуры, возникновение новых классов, оформление новых интересов социальных групп, сегодня способен не только дать более полное объяснение современным политическим процессам, но и выявить общую направленность их развития. Предложенный К. Краучем подход к изучению современных политических процессов может оказаться достаточно плодотворным и в условиях молдавской действительности, несмотря на то, что его исследования опираются, прежде всего, на опыт западных демократий. Многие, характерные для постдемократии симптомы, каким бы это ни казалось парадоксальным, с легкостью обнаруживаются и в молдавском мире политики, позволяя ис-

толковать «издержки» и «неудачи» демократической модернизации в Республике Молдова как закономерное проявление глобального объективного общественно-исторического процесса, ведущего к спаду культуры участия и ослаблению системы демократии как таковой.

В частности, К. Крауч указывает, что политика все больше выходит за рамки идеи народовластия, бросая вызов идее власти как таковой. Формируется модель, признающая правительство и политику делом небольших групп элиты, принимающей решения. В политике возрастает доминирование деловых лобби над большинством прочих интересов, что искажает проведение государством реальной политики, с соответствующими реальными последствиями для граждан. Политики отзываются в первую очередь на запросы горстки вождей бизнеса, чьи особые интересы становятся содержанием публичной политики. Заинтересованное и сильное меньшинство проявляет гораздо большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей. Профсоюзы подвергаются маргинализации. Заметной становится роль государства как полицейского. В то же время, политические элиты овладевают искусством управлять и манипулировать народными требованиями, с тем, чтобы обеспечить их участие в электоральном процессе. Политики превращаются из правителей во что-то вроде лавочников, в стремлении сохранить «свой бизнес» озабоченно старающихся выяснить настроения общества, не позволяя при этом последнему взять контроль за процессом в свои руки. Политики все сильнее замыкаются в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник. Технологии манипулирования общественным мнением и механизмы надзора за политическим процессом приобретают все большую изощренность. Политический мир имитирует методы других миров: мира шоу-бизнеса и рекламы. Деградирует массовая политическая коммуника-

ция: язык дискуссий и аргументации не допускает сложностей, оставляя фундаментальную проблему власти корпоративных элит неподконтрольной для широкого населения. Укрепляется персонифицированный характер электоральной политики, в результате чего избирательная борьба принимает форму поиска личностей, имидж которых более всего соответствует чаяниям народа, его мечте о харизматичном политике с твердым и прямым характером, честном, справедливом и неподкупном. Несмотря на проведение выборов и возможность смены правительств, публичные предвыборные дебаты представляют собой отрежиссированный спектакль, управляемый соперничающими командами профессионалов, которые хорошо владеют техниками убеждения. За этим спектаклем электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика, которая опирается на взаимодействие между избранными правительствами и элитами, представленными преимущественно деловыми кругами. Складывающуюся политическую модель мало интересует широкое участие граждан или роль организаций, не связанных с бизнесом. Демократическая составляющая политики сужается, сводясь преимущественно к проведению выборов.

Наряду с этим, происходит изменение политического места крупных социальных групп, в результате чего инструменты демоса ослабевают. Вместе с закатом массового производства, характерного для индустриальной эпохи, идет снижение экономического значения масс, что ведет к ослаблению политического влияния простых трудящихся, и в первую очередь рабочего класса, снова выталкиваемых на обочину политической жизни. Упадок профессий, в которых возникли трудовые организации, придававшие силу политическим требованиям масс, а также опережающее развитие других видов деятельности, не связанных с массовым промышленным производством, порождают фрагментированность населения, тем самым обуславливая возрастающую расплывчатость электората. Кардинальные измене-

ния в социальной идентичности населения и связанная с этим стремительная утрата обществом политической идентичности порождают его неспособность создавать политические организации, которые были бы выразителями интересов широких масс народа, качественно меняя форму народного участия. Налицо утрата интереса к политике, уважения и доверия к политической элите. Масса граждан становится пассивными объектами манипулирования. Редко участвуя в политическом процессе, большинство играет молчаливую, и даже апатичную роль, откликаясь лишь на посылаемые им сигналы. В моменты кризиса политическая система все еще способна порождать массовые движения, которые тормозят политический класс, привлекая его внимание к своим проблемам. Однако указанный активизм носит, по большей части, негативный характер, поскольку главной целью политики становится призыв политиков к ответу. Кроме того, растет число гражданских групп, направленных на решение социальных проблем, которые открыто выступают против политического участия, стремясь решать задачи напрямую, пренебрегая политикой. Подобные организации, деятельность которых может вполне процветать и в недемократических обществах, нельзя считать симптомом здоровья демократии, являющейся политической по сути. Ощущающийся вакуум в отношении новых организованных социальных групп, которые были бы способны вдохнуть жизнь в автономную массовую политику, в долгосрочной перспективе ведет к энтропии демократии [34, С. 35-48].

Таким образом, доминирующие в современном мире тенденции общественного развития, кардинально меняя характер занятости широких слоев населения и, тем самым, продуцируя глубокие изменения в социальной структуре общества, адекватным образом отражаются на политическом участии граждан. Политическое участие, предполагающее широкую вовлеченность граждан в процессы политического управления обще-

ством и являющееся сущностным стержнем демократической политической системы, в современных условиях обнаруживает тенденции к свертыванию и усилению его негативной (протестной) составляющей. Разворачивающийся под влиянием доминирующих в современном мире тенденций, демократический политический процесс, качественное содержание которого определяется характером взаимодействий субъектов политической жизни, все больше проявляет черты постдемократии, которые находят свое, то или иное, проявление как в странах максимальной демократии, так и тех, кто лишь вступает на путь демократического реформирования. Современное распространение демократии «вширь» сопровождается снижением качества развитых демократий, что существенно сокращает существующий разрыв между ними и новыми демократиями.

Схожесть многих фундаментальных признаков, характеризующих качество мира политики демократических стран, от наиболее развитых, до лишь модернизирующихся, позволяет утверждать, что новые демократии со всеми отличающими их специфическими внутренними издержками и недостатками, превращающими их в «дефектные»/«урезанные»/«фасадные», являются, вместе с тем, закономерным продуктом современной эпохи. Подобный тип демократий идеально вписываются в основные тенденции современного общественного развития, продвигаясь к постдемократии, так сказать, с «другой стороны», минуя стадию развитой демократии. Поэтому «дефектная демократия» – явление не столько национальное, порождаемое совокупностью специфических условий развития (объективных и субъективных) той или иной молодой демократии, сколько глобальное, продуцируемое самой исторической эпохой, позволяющей вновь формирующимся демократическим политическим системам оставаться «формальными», «имитационными», «усыхающими изнутри».

В контексте современного общественного развития форми-

руется модель демократии, отвечающая логике и вектору этого развития. Данная модель проявляет себя в целом перечне характерных черт, которые в большей или меньшей мере обнаруживаются в настоящее время как в «старых», так и в «новых» демократиях. Однако наиболее важным симптомом формирования указанной модели является сниженный уровень политического участия граждан, сведение участия главным образом к участию в выборах, разочарование и апатия масс, утрата ими интереса к политике, превращение их в пассивные объекты манипулирования, падение авторитета и уважения власти в глазах общественности. Что же касается политического класса, утрачивающего реальную связь с населением, и, в то же время, лишённого надзора со стороны общественности, циничного и погрязшего в коррупции, то его главной политической задачей в рамках складывающейся политической модели становится легитимация власти. Поскольку легитимность политиков, позволяющая совершать решительные действия, оказывается все более сомнительной из-за снижения явки избирателей и возможных фальсификаций результатов выборов. Решение этой и многих других проблем, обострение которых чревато возникновением кризисных общественно-политических ситуаций, способных опрокинуть существующие властные структуры, в настоящее время все больше осуществляется посредством использования технологий политического манипулирования, которые зарекомендовали себя как эффективный инструмент достижения поставленной цели. Подобные технологии, учитывающие состояние электората, позволяют использовать множество приемов, средств и процедур, призванных менять отношение и направленность активности людей в удобное для политических элит русло.

Манипулирование демократическими процедурами позволяет современному политическому классу снизить уровень конфликтности в обществе, закономерно углубляющийся ввиду роста противоречий и неравенства, как экономического,

так и социального. В связи с этим профильная наука признает технологии манипулирования в качестве одного из наиболее эффективных методов управления, надежных инструментов несилового разрешения конфликтов и достижения поставленных политической элитой целей [44, с. 5]. Поэтому разработка технологий, которые могли бы быть использованы в качестве универсальных инструментов управления конфликтами, применимых к различным видам современных конфликтов без привязки к их сугубо внутренним индивидуальным особенностям, представляет в настоящее время одну из наиболее актуальных областей исследования в западной политологии. Задача данных технологий состоит в том, чтобы урегулировать конфликтную ситуацию посредством управления политической активностью людей путем оказания влияния на их сознание [40, С. 10-16].

В эпоху стремительного развития информационных технологий первостепенное значение в формировании представлений людей о мире политики и моделировании их поведения приобретает информационно-психологическое воздействие. Поэтому в современных социально-политических системах функции управления осуществляются с помощью оказания информационно-психологического воздействия на объект управления [44, с. 29]. Оказание влияния на людей (на отдельных индивидов и на группы) посредством психологического воздействия осуществляется с целью изменения идеологических и психологических структур их сознания и подсознания, трансформации эмоциональных состояний, стимулирования определенных типов поведения и реакций. Перестройка психики под влиянием психологического воздействия, меняющая психологические качества индивида или группы (например, мнение о конкретном явлении) и их мотивацию, осуществляется не только открытым способом: убеждением, разъяснением, информированием, обсуждением, воспитанием и т.п. Зачастую такое воздействие на сознание объекта осуществляется в виде технологий скрытого

психологического принуждения с использованием самых различных форм и средств: вербальных, печатных и изобразительных, посредством радио, телевидения и компьютерной техники. Его результатом становится формирование мотивации объекта психологического воздействия, принуждающей к обязательному совершению определенных поступков вопреки собственной воле или желанию, нередко в ущерб собственным интересам.

Наиболее распространенными формами скрытого принуждения, широко используемыми в настоящее время в практике политического управления, являются: манипулирование информацией, т.е. снабжение людей усеченной информацией, способной навязать стереотипы, вызывающие нужные реакции и поведение; дезинформирование, т.е. преднамеренное распространение ложных сведений, которые вводят в заблуждение относительно истинного положения дел; агрессивная пропаганда («белая», «серая», «черная»), обращенная не столько к разуму, сколько к чувствам, эмоциям и инстинктам людей, считающих свои последующие реакции результатом собственных решений; шантаж, т.е. создание условий, при которых шантажируемый объект вынужден принять условия шантажиста с тем, чтобы избежать наступления неприемлемых для себя условий; лоббирование, т.е. воздействие (в основном) на властные структуры, широко включающее мероприятия информационно-психологического характера, отвечающее интересам отдельных социальных и политических сил и т.п.

Технологии скрытого психологического воздействия являются более предпочтительными, поскольку явная навязчивая пропаганда всегда порождает подозрительность, уменьшающую ее эффективность. А вот обращение к человеческим чувствам и инстинктам, независимо от того, какие психологические реакции оно пробуждает (патриотизм, национализм, алчность, жадность и т.п.), нарушает психологическую устойчивость, блокирует разум и заглушает чувство критики. Поэтому скрытое пси-

психологическое воздействие, моделирующее психологическую обстановку в обществе в зависимости от целей, преследуемых политической элитой (укрепление психологической стабильности или психологическая дестабилизация, дезорганизованность, хаос, неуверенность страх), являет собой на сегодняшний день наиболее эффективный инструмент политического управления в рамках существующей демократической модели. При этом степень этой эффективности во многом зависит от духовной зрелости людей, их готовности быть обманутыми.

В тех обществах, где духовная зрелость снижена, где в массовом сознании отсутствуют навыки самостоятельного разумного осмысления политической ситуации, где существует предрасположенность к подчинению воле властей эффективность применения манипулятивных психологических технологий более высокая. В таких обществах глубинной основой указанных технологий становится конструирование мифов, обращенных к глубинам подсознания и наиболее отвечающих доминирующему образу мышления людей. В настоящее время политические мифы, широко тиражируемые Средствами Массовой Информации, является, как признают аналитики, одним из центральных пунктов психологической войны, которая широко ведется не только на международной арене, но и внутри многих стран, вовлеченных в процессы демократической модернизации, превращающейся, по существу, в гражданскую психологическую войну [44, с. 56].

Замечено, что мифы, нарушающие целостное мировоззрение, создающие мозаичное, распадающееся мышление, формирующие ложную картину мира, быстро усваиваются дезориентированным массовым сознанием, невероятно легко выигрывая схватку с существующими представлениями о реальной картине мира политики. В то же время, формирование политических мифов, манипулирующих сознанием людей, всегда с необходимостью бывает увязано с так называемым «законом ментальной

идентичности», сулящим наибольший успех тому политическому курсу, который учитывает ментальное сознание этносов, его населяющих. В этой связи, обращение к национальной гордости, пробуждение патриотических чувств нации, героизация исторического прошлого народа, актуализация его «исторических обид» и другие психологические приемы манипулирования сознанием общества становятся благодатной почвой для усвоения политических мифов, моделирующих не только специфическую политическую картину мира, но и формирующих мотивацию поступков людей, зачастую вынуждая их действовать в разрез со своими экономическими и политическими интересами.

В настоящее время многочисленные политические технологии, будучи, прежде всего, разработанными и апробированными в странах «старой демократии», особенно широко применимы в странах «молодой демократии», где сам факт применения подобных технологий считается уже неотъемлемой частью демократических процедур. «Молодые демократии», по сути, усваивают технологии манипулирования демократией прежде или вместо формирования реальной демократии, где управление осуществляется посредством реальной выработки взаимоприемлемых решений между субъектами политических отношений.

Республика Молдова, являясь одной из стран «молодой демократии», как и многие другие страны посткоммунистического пространства, будучи вовлеченной в процессы демократического реформирования, по существу превратилась в настоящее время в настоящий полигон отработки многочисленных технологий психологического манипулирования. В частности, начало перемен оказалось сопряженным с дестабилизацией массового сознания в результате действий определенных политических сил, спровоцировавших в сознании людей переоценку ценностей, целей и идеалов общественно-политического развития. На фоне указанной дестабилизации широкое распространение получил политический миф о демократии, как о «панацее» от

всех бед, как об «абсолютной непререкаемой ценности», вызвавший в обществе всеобщую «демократическую эйфорию» и способствовавший формированию «продемократического консенсуса». В дальнейшем, в условиях углубления политических и экономических кризисов, демонстрирующих слабость политического класса и доведших широкие массы людей до нищенского существования, на фоне политической апатии и развития иждивенческих настроений широкое распространение в обществе получил миф о «спасительной роли Евросоюза» и «избавительной роли Румынии» – с одной стороны, и о «сближении с Россией/Евроазиатским Таможенным Союзом как единственном шансе на выживание» – с другой. Общественные настроения, активизировавшиеся под влиянием указанных выше мифов, привели вначале к «войне идентичностей», а позднее к «войне геополитических векторов». Сформировавшийся в стране политический раскол способствовал размежеванию электората на различные, противостоящие друг другу политические лагеря, озабоченные не столько осуществлением контроля над властью, сколько ведущие состязание между собой за утверждение в жизни страны определенных этнокультурных/геополитических ориентиров развития. Установление в стране напряженного психологического климата, связанного с проблемой этнокультурной/геополитической идентичности, направило социальную энергию масс в русло межличностных отношений, тем самым, предоставив политическим элитам, лишенным реального контроля со стороны общественности, самый широкий простор деятельности.

Устраняясь от активного взаимодействия с народом, актуальные молдавские политические элиты заинтересованы в том, чтобы всячески ограничивать политическое участие граждан, препятствуя их давлению и контролю над властью. Для подобного рода политической элиты пассивное общество является идеальным [45, с. 20]. Поэтому, чтобы выжить, властвующие

элиты, с одной стороны, стремятся деполитизировать народ, держать его в подчинении, подавлять любую оппозиционную активность, любыми способами обеспечивать лояльность по отношению к себе, в том числе, объединяя людей против все новых внутренних и внешних угроз. С другой – необходимость обеспечения легитимности власти вынуждает политический класс «тормозить» пассивное общество в электоральный период с тем, чтобы заручиться как массовой поддержкой избирателя, так и направить его выбор в нужное политической элите русло. Широкие слои общества задействуются лишь в качестве пассивных объектов манипуляции в некой политической игре, смысл и значение которой до конца понятны лишь ее организаторам.

Логика глобального общественного развития, меняющую облик демократического мира и способствующую формированию различных моделей «урезанной демократии», вспять уже не повернуть. Вместе с тем, важно помнить, что даже в условиях «урезанной демократии» возможность оказания обратного влияния на складывающуюся в нашей стране «неблагоприятную ситуацию» у народа все же имеется. Даже если формирование культуры активизма в нынешних политических условиях весьма проблематично, широкой общественности необходимо хотя бы прививать «иммунитет» против различного рода политических манипуляций.

2.3. Роль электоральной культуры в функционировании политического режима Республики Молдова

Электоральная культура представляет собой одну из наиболее важных разновидностей политической культуры общества. Политическая культура, будучи характерной для функционирования любой политической системы, не всегда включает в себя культуру электоральную. Специфика электоральной культуры по отношению к политической культуре состоит в том, что ее

наличие в конкретном социуме необязательно. Любое общество реально может существовать без народного представительства во власти, а, значит, без электоральной культуры. Феномен электоральной культуры является порождением демократических процессов как результата политического творчества, субъективного по своей сути, хотя и вызванного объективной необходимостью развития общества. Поэтому имеет смысл считать электоральную культуру результатом деятельности и взаимоотношений электоральных субъектов [46, с. 26]. Будучи связанной с голосованием на выборах и референдумах, электоральная культура, в наиболее обобщенном смысле, объединяет сознание и поведение политических акторов как субъектов электорального процесса.

Являясь частью политической культуры демократического общества, электоральная культура представляет собой составной элемент политической системы, имеющий отношение к ориентационному уровню ее функционирования. В современных условиях, характеризующихся «энтропией участия», электоральная культура становится по существу единственной политико-культурной «детерминантой», реально поддерживающей функциональность системы демократии как механизма политического самоуправления общества. Поэтому основная задача электоральной культуры состоит в обеспечении необходимых условий, способствующих процессу эффективного функционирования демократической системы.

Электоральная культура призвана играть ключевую роль в развитии процесса демократического самоуправления. Однако в реальности указанная роль электоральной культуры в демократизирующихся обществах может существенно варьироваться. То, насколько электоральная культура способна справиться со стоящими перед ней задачами, всецело зависит от характера функционирования института выборов в демократизирующемся обществе и той роли, которую указанный институт выполня-

ет в развитии политико-властного процесса. Если выборы играют существенную роль в обеспечении устойчивости демократической политической системы через ее гибкость, адаптивность к требованиям общества, канализацию и институционализацию конфликтов, то, безусловно, значительная заслуга в этом принадлежит доминирующей в обществе электоральной культуре как важнейшему элементу избирательного процесса.

Высокая оценка роли выборов в функционировании демократического режима заложена уже в самой трактовке концепта демократии. В широком контексте под концептом демократии, буквально обозначающим «власть народа», как правило, понимают «идеал того, как должно управляться государство» [45, с. 46]. Это, безусловно, слишком абстрактное представление, которое никоим образом не раскрывает, как данный идеал должен воплощаться на практике. Демократию также расценивают как один из наиболее значимых позитивных политических символов, цель, к которой должно стремиться современное человечество [2, с. 444]. Кроме того, демократию часто ассоциируют с благосостоянием и другими позитивно оцениваемыми факторами, такими как социальная справедливость, высокая степень экономического равенства, экономический рост, стабильность, мир, защита окружающей среды и т.п., что гарантирует ей практически всеобщую поддержку населения.

Современная политическая наука сосредоточивает основное внимание в толковании демократии на политическом аспекте, считая важным не смешивать демократию с позитивно оцениваемыми факторами, которые ей сопутствуют [45, с. 81]. Понятие демократии в рамках научной дисциплины обозначает некоторый способ принятия политических решений. Стремление конкретизировать представление о том, что значит на деле «власть народа», каким образом народ должен управлять государством, привело к появлению десятков разнообразных опре-

делений, которые варьируются между минималистской и максималистской крайностями.

Расширительное толкование воспроизводит представление о более требовательных моделях демократии. Опираясь на указанное представление, «развернутое» понимание демократии придает большое значение широкой вовлеченности граждан в процессы принятия решений. Участие, с точки зрения данного подхода, означает не только то, что все взрослые граждане имеют право голоса, но что они свободны в продвижении своих взглядов путем присоединения к политическим группам, ведения открытых дискуссий о том, как страна должна управляться, в принятии решений на местном уровне и на предприятиях, где они работают, посредством референдумов, через обсуждения в коллегиях граждан или через интерактивное голосование (*Paterman, 1970; Cronin, 1989; Fishkin, 1991*). Участие также означает право простых людей выражать протест путем написания петиций к политикам или выхода на демонстрации [45, с. 49, с. 71].

Несмотря на огромное эвристическое значение развернутого определения демократии, лидирующие позиции в осмыслении сущности демократического режима в настоящее время, тем не менее, прочно занял подход, опирающийся на минималистское толкование Йозефа Шумпетера (*Schumpeter, 1943*). Указанное толкование, существенно минимизируя требования, предъявляемые к демократическому режиму, видит главное условие функционирования демократического режима в существовании «свободной конкуренции за свободные голоса». Рассматриваемый подход, тем самым, сводит роль граждан в демократическом государстве главным образом к участию в выборах, а именно, к избранию политических лидеров. Народ в демократическом государстве, исходя из минималистской точки зрения, призван решать не то, что именно следует делать правительству, а то, кто будет управлять. Поэтому с минималистских позиций, страна может быть признана демократической, если в ней проводятся

свободные и честные выборы, которые заставляют правительство нести ответственность перед избирателями [45, с.45].

Исходя из указанного подхода, первым условием демократии является наличие права голоса у всех взрослых граждан. Второе условие касается самой процедуры проведения выборов, которые должны быть конкурентными, свободными и честными. Третье требование заключается в том, что решение вопроса о распределении ключевых постов в правительстве должны принимать избиратели. Иными словами, согласно минималистскому подходу, политический режим страны может быть признан демократическим, если он обеспечивает функционирование института выборов и гарантирует соблюдение верховенства закона. При этом соблюдение принципа верховенства закона, обеспечивающего контроль над правительством через процедуру выборов, следует рассматривать не просто как «желательное дополнение к демократическому правлению», но как «необходимое условие для полноценного демократического государства» [45, с. 48]. В том случае, когда указанное условие соблюдается не в полной мере, либо им пренебрегают вовсе, происходит размывание ключевого механизма функционирования демократического режима. Последнее с необходимостью сказывается на качестве демократии, не только снижая эффективность ее функционирования, но и разрушая демократический механизм управления изнутри. Таким образом, с минималистских позиций, наличие выборов и соблюдение верховенства закона представляют собой главный критерий, на основании которого можно судить о демократичности того или иного политического режима.

Страна является демократией, если функционирующий в ней политический режим удовлетворяет минимальным демократическим требованиям, т.е. в той степени, в какой правительство отчетливо гражданам посредством процедуры конкурентных, свободных и честных выборов. Применение принципа «минимума демократии» для анализа политических режимов, склады-

вающихся в современном мире, позволяет не только дифференцировать недемократические страны от демократических, но и определить степень демократичности последних, рассматривая их в динамике изменений.

Складывающаяся в эпоху глобализации и постиндустриализации политическая модель, как бы ее ни называли (демократия/ постдемократия), ужимает роль масс простых людей в политической жизни, сводя ее главным образом к участию в выборах. В этой связи, минималистский подход к осмыслению демократии, на который в настоящее время практически всецело опирается теория демократизации, отражает реальные тенденции в эволюции демократических режимов в контексте развития постиндустриальной эпохи.

Важно то, что в формирующихся в постиндустриальную эпоху общественных условиях демократическая форма управления продолжает оставаться наиболее предпочтительной, демонстрируя свою гибкость по отношению к формирующейся социальной реальности и достаточно высокую эффективность в решении общественных конфликтов ненасильственными методами. Данная способность демократии представляет особую ценность как для правителей, так и для тех, кем управляют, поскольку, как доказывает политическая реальность, эффект от ненасильственного решения конфликтов значительно превышает тот, что сопровождает силовые методы решения проблем [44, с. 20-27]. Несиловой потенциал демократии, заложенный в механизме трансформации социальных конфликтов в политическое состязание, позволяет находить решение, избегая силового принуждения, путем применения различного рода политических технологий.

Принуждение власти к диалогу в рамках демократии осуществляется различными способами, допускающими давление на власть посредством забастовок, манифестаций, пикетов, акций гражданского неповиновения, а также широкой вовлеченности

простых граждан в управление обществом через участие в деятельности политических партий и неправительственных организаций. Однако сегодня, когда «энтропия участия» становится характерной тенденцией эволюции современных демократических режимов, основным инструментом урегулирования социально-политических конфликтов выступает институт выборов. В этой связи, институт выборов, функционирование которого регламентируется конституционным правом свободно, честно и на конкурентной основе избирать и быть избранным в органы власти, в условиях современной политической реальности призван играть ключевую роль в системе демократического управления.

В современной демократии выборы являются важнейшим институтом, обеспечивающим легальный способ смены правящих элит через волеизъявление народа. Будучи одной из главных форм выражения воли народа и его участия в политическом процессе, выборы выступают одновременно и способом институализации (легитимации и стабилизации) политической власти, и процедурой формирования органов государственной власти и местного самоуправления, а также замещения некоторых государственных должностей (например, президента). Выборы демонстрируют, что в условиях демократического режима реальный мандат власти принадлежит народу, который граждане периодически вручают на определенное время ограниченному кругу людей. Голосование на выборах расценивается как процедура передачи власти, делегирования властно-управленческих полномочий. Таким образом, демократические выборы представляют собой важнейший процедурный фактор развития политико-властного процесса, обеспечивающего формирование, функционирование и развитие политической системы тем, что непосредственно определяет те политические силы, партии и лидеров, которые в течение установленного срока будут осуществлять руководство государством в целом или его отдельными территориями и регионами [47, с. 799; 48, с. 660].

Если рассматривать функционирование политической системы как совокупность развития политических процессов, представляющих собой процесс преобразования информации, перевода ее с «входа» на «выход» (*Easton, 1953*) [6, с. 111], то функционирование института выборов можно трактовать как наиболее реальное и концентрированное проявление политико-властных процессов на «входе» в политическую систему. Таким образом, место выборов в системе демократического управления определяется тем, что функционирование института выборов обеспечивает «вход» в политическую систему. Здесь, «на входе», в рамках собственно политического процесса, посредством выборов осуществляется «формирование, артикуляция потока требований общества к политике и конвертация этих требований в авторитетную политику» [49].

Значимость института выборов для функционирования современной системы демократии наиболее наглядно проявляет себя в циклическом характере развития политико-властных процессов, который детерминирован периодичностью выборов в высшие органы государственной власти. По существу, выборы хронологически определяют границы циклов функционирования политической системы.

В то же время, будучи одной из главных форм выражения воли народа, они выступают одним из основных легитимных факторов развития политико-властных процессов в демократической политической системе. Это связано с тем, что выборы являются механизмом, при помощи которого общество имеет возможность на регулярной основе, посредством юридически закрепленных ненасильственных процедур, корректировать деятельность управляющих (политический курс), а также персональный состав правящей группировки и политической элиты. В результате выборов состав властной элиты изменяется в соответствии с предпочтениями общества, а власть адаптирует свою политику в соответствии с общественными требованиями.

Огромная роль института выборов для функционирования системы демократии раскрывается также в том, что электоральный процесс призван к выполнению целого перечня важнейших системных функций, таких как обеспечение динамизма, адаптации, стабилизации, коммуникации и легитимации власти. Однако специфические национальные условия функционирования различных демократий могут способствовать как усилению, так и ослаблению роли, выполняемой выборами в политико-властном процессе. Показателем реального влияния выборов на политические процессы служит та мера, в которой указанные выше функции находят свою реализацию в процессе формирования и развития политической системы. В свою очередь, эффективность электорального процесса во многом зависит от характера выборов, формирующегося в зависимости от специфики складывающейся политической системы.

Характер выборов, являясь производным от институционального и политико-культурного контекста политического режима, может быть свободным, конкурентным, обеспечивающим реализацию воли избирателей. В этом случае выборы действительно становятся влиятельным фактором политико-властных процессов. Однако если характер выборов, складывающийся под влиянием специфических политических условий, является лишь формально конкурентным и недостаточно свободным, несправедливым, то и влияние института выборов на развитие политических процессов может быть лишь ограниченным. При таком характере выборов воля общества по поводу формирования правящей элиты и ее политического курса, безусловно, не находит своей адекватной реализации. Поэтому реальное влияние электорального процесса на существующее положение вещей в правящей элите, в политическом режиме и в государственной политике, мера которого обусловлена характерными национальными особенностями функционирования института

выборов, может в действительности варьироваться: от существенного – до ограниченного, несущественного и низкого.

Чем более существенна роль выборов в функционировании политической системы, тем выше степень ее демократичности. Иными словами, чем большее влияние оказывают выборы на политико-властный процесс, тем выше качество режима демократии. Таким образом, характер функционирования института выборов выступает одним из лучших критериев демократичности политического режима.

Большинство режимов, существующих в мире на сегодняшний день, – это частично демократические или частично авторитарные режимы, в которых институт выборов функционирует с той или иной степенью эффективности. Важнейший вывод, вытекающий из совмещения рейтингов указанных режимов, состоит в том, что «сегодня основное препятствие для демократизации – это не отсутствие выборов, а неспособность режимов, проводящих выборы, соблюдать принцип верховенства закона» [45, с. 56]. Пренебрежение верховенством права значительно редуцирует объем влияния выборов на политический процесс. Поэтому, даже если институт выборов принят в качестве конституционной нормы функционирования политического режима, тем не менее, «работает» он по-разному в различных типах управления.

В развитых демократиях, где конституционально гарантирована всеобщность права на выбор, свобода, равенство, соревновательность, равенство возможностей ведения предвыборной борьбы, а верховенство права соблюдается, выборы играют существенную роль в политико-властном процессе, обеспечивая системе устойчивость и стабильность за счет ее способности значительным образом учитывать требования общества. В стабильных демократиях результатом выборов является обновление и корректировка политического управления с учетом новых условий в русле преемственности, без кардинальной смены

курса в случае прихода к власти оппозиции. Поскольку оппозиция в стабильных демократиях составляет влиятельный сегмент правящей элиты, в случае ее прихода к власти изменения политического курса не затрагивают базовых основ политической системы. Новации, прежде всего, касаются методов решения конкретных проблем общества в рамках легитимных и одобряемых обществом политических, социальных и экономических механизмов. Выборы в стабильных демократиях отличает также их неопределенность, необратимость их результатов, повторяемость в законодательно определяемые сроки, стабильность правил и процедур проведения [49].

В транзитных обществах, где демократические принципы государственности также получают закрепление на уровне конституций, влияние выборов на политико-властный процесс может быть неоднозначным. Роль выборов варьируется здесь в зависимости от того, в какой степени они способны обеспечить реализацию требований народа, тем самым, задавая политической системе определенную динамику и направленность развития. Роль выборов в транзитном обществе является существенной, если они способствуют изменениям во власти с учетом мнения общества, выполняя при этом, в той или иной мере, свои специфические функции стабилизации, динамизации, адаптации, коммуникации и легитимации власти. Важно, что в переходном обществе выборы могут играть высокую роль, даже если они приводят к дестабилизации политической системы, проявляющейся в повышении конфликтности и кризисности ее функционирования. Причиной повышения конфликтности в данном случае становится несоответствие между формально-правовым характером выборов, демократическим по своей сути, и реальной недемократической практикой их функционирования, что может вызывать недовольство со стороны общества.

Если политический конфликт, вызванный пренебрежением правящей элитой принципом верховенства права, порождает

массовые протесты, способные привести к смене политической власти минуя институт выборов, роль выборов в политико-властном процессе переходного общества становится несущественной. Подобная ситуация демонстрирует отсутствие реальных возможностей со стороны масс воздействовать на политику посредством такого механизма, как институт выборов, что вынуждает их прибегать к использованию иных механизмов для осуществления своего контроля и давления на власть.

Выборы также могут играть низкую роль, если их смысл сводится главным образом к ритуалу, призванному к стабилизации правящего режима, что характерно для переходных обществ авторитарного типа. Роль выборов становится ограниченной, если их результаты лишь частично отражают общественный выбор, будучи, по большей мере, плодом имитаций со стороны исполнительной власти. Подобного рода выборы характерны для политических режимов «управляемой демократии»/«имитационной демократии»/«урезанной демократии». В условиях «имитационной демократии» характер выборов как эффективной демократической процедуры, размывается тем, что «свободы допускаются в той степени, в которой они не нарушают монополию административной олигархии на власть» [50]. Цель выборов здесь сводится, прежде всего, к тому, чтобы придать недемократическому по своей сути режиму фасад демократичности.

В целом, в переходной политической системе, в той или иной конфигурации совмещающей в себе как черты демократии, так и свойства авторитаризма, главная функция выборов сводится к легитимации властной элиты. Из эффективной демократической процедуры, призванной обеспечивать реализацию воли народа, выборы, по существу, превращаются в управляемый механизм легитимации, воспроизводства и сохранения правящей элиты у власти. Благодаря усилиям правящей элиты, распоряжающейся административным ресурсом, результаты выборов становятся в значительной мере predeterminedенными и лишь формально со-

ревновательными. Поэтому они почти всегда малозначимы для определения политического курса правительства [51].

Нужный результат выборов может быть достигнут путем административного и информационного давления на избирателей, кандидатов и партии, включая изменения выборных норм и процедур, ущемляющих права и возможности политических конкурентов. Поэтому зачастую в переходных обществах, там, где законы можно обойти или нарушить, выборы носят несвободный, несправедливый и нечестный характер, отражающий, в конечном счете, волю правителей, а не тех, кем они управляют. Стабилизация такой системы обеспечивается не столько за счет ее открытости к общественным требованиям, сколько за счет сдерживания политической активности общества, в том числе, путем понижения роли выборов как фактора развития политико-властного процесса.

Режимы «имитационной», «фасадной демократии», складывающиеся в результате развертывания процессов реформирования согласно схеме «сверху-вниз», решающим образом влияют на характер функционирования института выборов. Элиты в условиях функционирования подобного рода режимов не только «кроят под себя» конституционные условия участия людей в избирательном процессе, но и целенаправленно формируют их электоральную культуру таким образом, чтобы она как можно эффективнее способствовала задачам легитимации и стабилизации власти. Поэтому то, как работает институт выборов, какова его роль и функции в развитии политико-властного процесса, каково содержание электоральных предпочтений граждан и их готовность принимать участие в избирательном процессе зависит, в конечном счете, от характера деятельности политических элит, наделенных властными полномочиями.

В отсутствии сколько-нибудь серьезного давления и контроля со стороны электората, власть всегда будет стремиться использовать институт выборов в целях собственной стабилизации, в

том числе посредством пренебрежения принципом верховенства закона. А это играет огромное воспитательное значение, продуцируя у широких общественных масс настроения политического бессилия, апатии и скептицизма по отношению к миру политики тогда, когда существует необходимость сохранения и упрочения действующей власти. И напротив, разгорающаяся борьба оппозиции за власть способна превратить апатию масс в политический активизм, чтобы направить его на борьбу против властвующей политической элиты. Поэтому власть, действующая в рамках имитационных режимов, стремится, как правило, сделать роль выборов в политико-властном процессе менее существенной, а электорат более пассивным, апатичным и конформистски настроенным. Для оппозиции, стремящейся к перераспределению властных полномочий, выборы, выступающие основным легальным инструментом борьбы за власть, напротив, имеют решающее значение как способ обновления власти. В этой связи, для реализации поставленных целей оппозиция всегда больше заинтересована в культуре активизма, проявляющей себя, в том числе, в электоральных установках на «отрицание» существующего положения вещей в политической сфере.

Сопоставление различных типов режимов, в которых существует институт выборов, позволяет проследить, как меняется характер его функционирования в зависимости от сложившейся системы взаимодействий политических субъектов в контексте развития политико-властного процесса. В стабильных демократиях, наиболее приблизившихся к реализации демократического идеала, выборы представляют собой основной механизм, посредством которого реализуется «власть народа». Задача выборов состоит в том, чтобы артикулировать требования демоса, делегируя его полномочия политической элите. Политический выбор масс продиктован собственными политическими интересами, представленными в соответствующей политической доктрине. Поэтому реализуемые в электоральном процессе по-

литические установки и цели электората представляют собой отражение интересов групп людей как представителей различных социальных классов. Формирование электоральных предпочтений есть результат широкой вовлеченности простых людей в работу политической системы посредством участия в деятельности различных политических и общественных организаций.

В «урезанных демократиях», где верховенство права нарушено, институт выборов используется, прежде всего, как эффективный инструмент борьбы политических элит за власть. Главная задача электорального процесса состоит здесь в том, чтобы направить генерируемую социумом энергию в русло разворачивающейся между элитами политической борьбы. Поэтому формирующиеся политические предпочтения электората есть по большей мере результат применения различного рода манипулятивных технологий, призванных управлять выбором широких масс людей с учетом интересов политического класса. В этой связи, доминирующие в обществе электоральные установки, представляют собой, по большей мере, продукт целенаправленной деятельности политических элит. Являясь отражением интересов политического класса, подобные установки не только не совпадают с интересами широких слоев общества, но, зачастую могут быть направлены в разрез этих интересов.

В целом, формирующаяся в обществе электоральная культура представляет собой отражение в доминирующих электоральных установках и предпочтениях специфических связей и отношений различных политических субъектов как участников политико-властного процесса. Та электоральная культура, которая формируется в контексте активной вовлеченности людей в политическую систему, отражает интересы широких масс как активных участников политико-властного процесса. Электоральные установки, доминирующие в режимах «имитационной демократии», отражают маргинализированное положение широких масс по отношению к политической системе. Доминирующая в таких

режимах электоральная культура закрепляет за демосом роль наблюдателя за развитием политических процессов, вынуждая людей выбрать из того, что им предлагают политические элиты. Режимы «имитационной демократии», таким образом, деформируют не только задачи и цели, но и сам демократический механизм работы института выборов, используя его главным образом для обслуживания интересов политических элит. Под влиянием «урезанной демократии» в предпочтениях электората происходит незаметная для него самого подмена установок на те, что отвечают интересам малочисленных, но хорошо организованных и активно стремящихся к власти слоев общества.

Для современных транзитных режимов, эволюционирующих в соответствии с логикой развития постиндустриальной эпохи, и способствующих концентрации у власти немногочисленных элит, представленных преимущественно деловыми кругами, институт выборов нисколько не утрачивает свое значение как механизм политического управления. Напротив, в условиях ускоренного развития информационных технологий, свойственного эпохе глобализации, властвующие элиты получают новые, более широкие возможности политической коммуникации с широкими массами избирателей. А значит не только информирования, но и нацеленного политического влияния, а точнее, манипулирования электоральными предпочтениями граждан, которые и выступают впоследствии «конечной детерминантой политики».

Таким образом, институт выборов, с одной стороны, это важнейший демократический инструмент, по существу, ядро демократического управления, посредством которого реализуется воля народа. С другой, в современных условиях – это один из наиболее эффективных инструментов манипулирования демократией, позволяющих политическим элитам в контексте развертывания электорального процесса активно влиять на политические предпочтения широких масс людей, тем самым, в зна-

чительной мере предопределяя конечный результат политики, отвечающей интересам правящих кругов.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что характер функционирования демократической модели решающим образом зависит от качества электоральной культуры, т.е. от тех норм и ценностей, которые моделируют электоральное поведение отдельных индивидуумов и социальных групп, конкретизируют их политический выбор, придают ему совершенно определенную форму. Совокупность этих норм и ценностей формирует особый тип ориентаций на электоральные действия, который отражает и в то же время придает определенную специфику различным политическим режимам. По сути, электоральная культура в этом случае фиксирует социальную связь индивида с существующим политическим порядком социума. Она же выявляет социально-политическую значимость существования индивида, его включенность в политические процессы [46, с. 25].

«Здоровая демократия», в которой выборы являются свободными и справедливыми, разворачивающимися с соблюдением принципа верховенства права, с необходимостью должна опираться на гражданскую культуру. Указанный тип культуры отличает осознание человеком своего гражданского долга, связанного с участием в выборах, гражданской ответственности за свое электоральное поведение, социально-политической идентичности с определенной социальной группой, осмысление права оказывать влияние на ход политических событий, используя имеющиеся в его распоряжении электоральные возможности и ресурсы и т.п. Подобный тип политической культуры, способный стать доминирующей в обществе моделью политических и, в том числе, электоральных ориентаций, может служить надежным рычагом в функционировании механизмов демократического самоуправления, способным предотвратить сползание демократизирующихся режимов в категорию «недемократий».

В то же время, неразвитость гражданской культуры, харак-

теризующаяся, в том числе, низким уровнем гражданской ответственности электоральных субъектов, приводит к сбоям в функционировании демократических механизмов управления. Отсутствие у широких масс народа убежденности в своем праве и способности оказывать влияние на развитие политических процессов в стране посредством активного участия в выборах, а также готовности реализовать это право на практике, неразвитость чувства ответственности участников электоральных процессов за характер их протекания, ведет в конечном итоге к тому, что демократические механизмы управления используются преимущественно для обслуживания интересов узкого круга экономически и политически влиятельных лиц. Незрелость гражданской культуры участия в выборах, таким образом, становится одним из источников формирования и укрепления модели «фасадной» или «урезанной демократии», отличительной особенностью которой является отсутствие верховенства закона. В условиях, когда законы можно обойти или нарушить, выборы, закономерно приобретая несправедливый характер, «отражают скорее волю правителей, а не тех, кем они управляют» [45, с. 45].

Иными словами, в условиях неразвитости электоральной культуры, выборы, призванные служить задачам реализации воли народа, трансформируются в механизм, обслуживающий процедуру продвижения к власти представителей политической элиты, зачастую не пользующихся доверием электората. Доминирующая в обществе «урезанной демократии» электоральная культура, способствуя легитимации не пользующихся доверием широких слоев общества политических сил, тем самым помогает властвующим элитам, нацеленным, прежде всего, на реализацию своих узко корпоративных интересов, сохранять при этом «демократический фасад». Выборы, благодаря электоральной культуре, доминирующей в подобного рода режимах, по словам Л. Даймонда, становятся все более показательными и неконкурентными, превращаясь в оболочку, за которой скрывается автори-

тарная гегемония деспотов и правящих партий [2, с. 443]. Таким образом, незрелость гражданской культуры, проявляющая себя, в том числе, в доминирующей электоральной культуре, мало соответствующей запросам функционирования режима «здоровой демократии», выступает решающим фактором стагнации и «схода с рельс» (*Fish, 2005*) обществ, включенных в процессы демократического реформирования, а также источником формирования, воспроизводства и укрепления модели «урезанной демократии».

Вариативность той роли, которую могут играть выборы, а вместе с ними и электоральная культура, в функционировании переходных режимов, хорошо видна на примере постсоветских государств. Выборы играли важную роль в период реформирования политической системы советского общества и в период учреждения новых государств (1990–1991 гг.). Однако после первых экспериментов с конкурентными выборами в начале 1990-х годов почти все постсоветские государства (за исключением стран Балтии) установили режимы, которые проводят несвободные выборы и управляют, мало заботясь о соблюдении принципа верховенства права. Данный процесс называют «демократизацией в обратном порядке» [45, с. 61]. На сегодняшний день большинство постсоветских стран являются переходными политическими режимами, представляющими собой различные модификации режимов «урезанной демократии» – от жестко авторитарных, до различных разновидностей гибридных кланово-бюрократических режимов с разной степенью авторитарности и до кланово-олигархических режимов внутриэлитной конкуренции [49]. Несмотря на схожесть стартовых условий демократического реформирования, эволюция политических режимов в указанном ряде стран приобрела различную динамику и направленность, сказавшись при этом и на тенденциях изменения роли выборов в развитии политико-властных процессов.

Республика Молдова, по сравнению с другими постсовет-

скими странами, демонстрировала высокую роль выборов по сути на протяжении всего постсоветского периода развития [49]. Иными словами, демократические выборы, стартовавшие в нашей стране в период вступления Республики Молдова на путь демократизации, оказывали существенное влияние на персональный состав высших органов государства, обеспечивая его обновление, на определение политического курса правительства и изменение политических режимов. Наиболее наглядным проявлением высокой роли выборов стал приход к власти Партии коммунистов на рубеже 2000-х годов, отразивший потребность глубоко обнищавших масс, разочарованных в качестве происходящих в стране перемен, в социальной защите. Произшедшая в результате Парламентских выборов 2009 года новая смена политического режима, приведшая к власти неолиберальные силы в условиях, когда в стране уже достаточно отчетливо стали проявлять себя авторитарные тенденции политического развития, также наглядно свидетельствовала о сохраняющейся высокой значимости выборов в определении политического курса страны. Будучи использованными в качестве механизма разрешения внутриэлитных конфликтов, выборы, тем самым, играли в политической жизни страны роль важнейшего фактора политического процесса.

Вместе с тем, правящие элиты на протяжении всего рассматриваемого периода развития не оставляли попыток поставить функционирование института выборов под свой контроль и адаптировать для реализации узко корпоративных интересов, меняя нормы протекания избирательного процесса. Те или иные коррективы вносились в избирательное законодательство практически во время каждого нового избирательного цикла [52]. Наиболее часто указанные коррективы касались избирательного барьера. В настоящее время проходной барьер для политических партий составляет 6%, что вызывает огромное недовольство со стороны сравнительно слабых электоральных конкурен-

тов, считающих его слишком завышенным и потому заведомо отсекающим от представительного участия в процессе управления целые сегменты населения, голосующие за менее «раскрученные» политические силы. К слову, аналитики *Freedom House* придерживаются того же мнения [53].

Однако правящие элиты использовали в качестве политических технологий, направленных на моделирование приемлемых для власти условий протекания избирательного процесса, и более радикальные меры, такие как замена избирательной системы. Принятая в 2017 году Парламентом Республики Молдова избирательная система смешанного типа стала уже третьей по счету попыткой властных кругов адаптировать избирательное законодательство к сложившимся в стране политическим реалиям, идентифицируемым как кланово-олигархический режим элитной конкуренции.

Стратегия правящих групп направлена на сохранение и удержание установившегося режима власти, что невозможно без установления контроля над избирательным процессом. Поэтому важнейшая задача режима, стремящегося к собственному воспроизводству, состоит в том, чтобы сделать выборы управляемыми посредством такого пересмотра базовых «правил игры», который, прежде всего, отвечал бы интересам власти. Подобная стратегия, внешне имитирующая корреляцию политики с требованиями граждан, в реальности позволяет власти через задействование электоральных механизмов эффективно подавлять протесты населения, по сути, превращая выборы в инструмент «выпускания пара». Таким инструментом, в частности, стали всенародные выборы Президента, состоявшиеся в 2016 году, которые не внесли практически никаких изменений в правящий режим, но, в то же время, существенно способствовали угасанию протестных настроений в стране.

Выборы, имевшие место в Республике Молдова на протяжении рассматриваемого периода демократического рефор-

мирования, всегда оценивались международными мониторинговыми организациями как соответствующие международным демократическим стандартам. Однако в последнее десятилетие международными наблюдателями были выявлены серьезные недочеты, которые напрямую оказывали влияние на результат выборов, оспаривая корректность развертывания электорального процесса. Высказываемые претензии, в частности, касаются усиливающегося административного давления на электоральный процесс, случаев подкупа избирателей, создания партий-спойлеров, способных вводить электорат в заблуждение, ограничения возможностей участия для оппозиции, устранение политических конкурентов с арены электоральной борьбы, манипуляций с избирательными списками, нередко включающими в число избирателей так называемые «мертвые души» и т.п. [54]. Подобные действия с необходимостью сказываются на «чистоте» выборов, в той или иной мере искажая картину реальных политических предпочтений массового электората, а, следовательно, и снижая роль выборов/электоральной культуры в политико-властном процессе.

Демократическая деградация в области развертывания электорального процесса обнаруживает себя достаточно явно. Наиболее наглядно данная тенденция проявила себя в радикальном изменении первоначального расклада политических сил, сформировавшегося в результате парламентских выборов 2014 года. В результате массового развития в политической жизни страны такого феномена как «политический туризм», Республика Молдова получила Парламент с так называемой «вариабельной геометрией» [55]. Сущность феномена состоит в переходе депутата во время исполнения своего мандата в ряды другой депутатской фракции выборного органа или в объявлении себя «независимым» депутатом или советником. Существенно, что феномен «политического туризма» не вступает в противоречие Конституцией, которая наделяет депутата правом «свободно-

го мандата». Вместе с тем, переход депутата на диаметрально противоположные идеологические позиции может быть квалифицирован как моральное преступление, сопряженное с предательством интересов того электорального сегмента, интересы которого данный депутат должен был представлять.

В результате массового «политического туризма» депутатов итоги Парламентских выборов 2014 года были существенно скорректированы в период между избирательными циклами. По итогам Парламентских выборов 2014 года ни одна из 5 партий, прошедших в Парламент страны, не обладала достаточным количеством мандатов для формирования «партии власти». Однако феномен «политического туризма», принявший в рамках актуально действующего Парламента Республики Молдова размах массовой «эпидемии», способствовал тому, более половины состава депутатов изменили свою политическую принадлежность и вышли из состава первоначально сформированных парламентских фракций. Благодаря этому фракция Демократической партии выросла приблизительно вдвое, в то время, как фракции Либерально-демократической партии и Партии Коммунистов сократились практически втрое. Причем примечательно, что группа из 14 депутатов, избравшихся в Парламент по спискам Партии Коммунистов, вступив в 2017 году в ряды Демократической партии, тем самым изменили свои первоначальные идеологические взгляды на диаметрально противоположные [56].

Иными словами, уже в рамках сформированного Парламента создалась ситуация, которая позволила Демократической партии Республики Молдова, минуя процедуру выборов, к концу электорального цикла, несмотря на официальное признание факта осуществления политики от лица проевропейской коалиции, стать по существу «партией власти», контролирующей большинство парламентских мест. Таким образом, в молдавском мире политики сложилась весьма специфическая ситуация, когда реальное управление в стране осуществлялось от

лица политической партии, получившей в результате парламентских выборов 2014 года лишь 15,8% голосов избирателей, рейтинг доверия которой на тот период составлял лишь около 6% [57]. Феномен массового политического туризма проявил себя и на уровне местных органов власти, где в течение 2011-2017 гг. около 40% избранников поменяли свою политическую принадлежность, большинство из которых примкнуло к «партии власти» [58].

Стремление «партии власти» стабилизировать и закрепить свое политическое влияние в масштабах страны принудило властвующие элиты, пользующиеся слабой поддержкой граждан, к применению различного рода политических технологий, направленных на ограничение роли выборов в политико-властном процессе, а также на корректировку их результатов в соответствии с интересами элит. Важнейшим инструментом, способным существенно ограничить роль выборов в определении политического курса страны, призвана была стать новая избирательная система смешанного типа, принятие которой состоялось в 2017 году, несмотря на множество критических оценок со стороны международных экспертов.

В частности, эксперты *Transparency International Moldova*, оценивая перемены в избирательном законодательстве страны, полагали, что переход к смешанной избирательной системе, скорей всего, обусловлен стремлением правящей власти, потерявшей доверие, уйти от ответственности и любой ценой сохранить власть. Поэтому, с точки зрения экспертов, к вопросу об изменении избирательной системы целесообразнее было бы вернуться лишь после новых парламентских выборов, т.е. в условиях восстановления Парламентом своей легитимности [59]. Аналитики из Венецианской комиссии также разделяли убеждение о том, что смешанная избирательная система, принятая в условиях коррумпированного режима власти с характерным для него правовым нигилизмом, будет оставаться уяз-

вимой, позволяющей властным структурам манипулировать голосами избирателей [60]. А эксперты *Freedom House* высказывали опасение, что смешанная избирательная система поставит в невыгодное положение внепарламентские партии и будет стимулировать электоральную коррупцию [53]. Что же касается молдавских аналитиков, то многие из них, не без основания, предупреждали, что в бедной и насквозь поражённой коррупцией стране избирательная система, включающая в себя голосование по одномандатным округам, может привести к прямой покупке и продаже депутатских голосов. Причём это может происходить, не только на этапе формирования депутатских фракций, но и в течение всего срока деятельности Парламента при любом значимом голосовании. В любом случае, депутаты-одномандатники будут примыкать в парламенте к каким-либо партийным фракциям (если они выдвигались партиями), или создавать свои объединения по интересам, которые тоже будут находиться под влиянием определённых политических сил и парламентских «кукловодов» [61, 54].

Риски выборов по одномандатным округам в условиях сложившейся в стране политической реальности, характеризующейся укреплением авторитарных тенденций развития, с очевидностью проявили себя уже на примере выборов в Народное собрание АТО Гагаузия, которые состоялись в 2016 г. Данные выборы наглядно показали, как независимые кандидаты, получившие мандат депутата, в короткое после выборов время могут стать членами той или иной политической партии. Так, «демократы», получившие на выборах в Народное собрание Гагаузии всего один мандат, в результате массового присоединения «одномандатников» к «демократическому крылу», в итоге составили «демократическое большинство» [62]. Данный пример продемонстрировал как на деле работает технология, позволяющая не считаться с электоральными предпочтениями граждан и, в то же время, посредством коррупции и шантажа,

получать результат, отвечающий интересам определенных политических сил [59].

Избирательная система смешанного типа в условиях функционирования режима кланово-олигархического типа, располагающего огромными финансовыми и административными ресурсами, стимулирующими развитие процесса «политического туризма», еще более усилила риски демократической деградации в Республике Молдова. Такие риски, которые в концентрированном виде могут проявлять себя в ограничении роли выборов в развитии политико-властного процесса в стране, когда сделанный народом выбор может быть существенно скорректирован с учетом интересов представителей господствующего режима власти.

Может показаться, что итоги новых Парламентских выборов, состоявшихся в начале 2019 года и прошедших в соответствии с избирательной системой смешанного типа, противоречат указанной выше логике. Ведь, несмотря на достаточно хорошие результаты для бывшей «партии власти», которая заручилась третьей частью мест в новом Парламенте, тем не менее, выборы привели к падению предыдущего режима власти. Однако, по нашему глубокому убеждению, к «опрокидывающему эффекту» привели не столько результаты выборов, сколько фактор утраты внешней легитимности правящего прежде режима. Во всяком случае, представляется, что без «внешнего фактора», способствовавшего созданию уникальной для истории Республики Молдова мажоритарной коалиции «левых» и «правых», объединившихся в целях борьбы с олигархическим режимом/за власть, падение предыдущего режима власти было бы менее вероятным. А дальнейшее развитие событий в стране, в короткое время приведшее к разрушению создавшейся после выборов коалиции и формированию новой «партии власти» во главе с Президентом страны, не имеющей большинства в Парламенте, доказывает, что «опрокидывающий эффект» способ-

ствовал лишь смене правящих режимов, не меняя ничего в сути системы управления.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что изменение роли выборов/электоральной культуры в политико-властном процессе закономерно отражает характер эволюции политического режима. Выборы, игравшие с начала демократических перемен в Республике Молдова высоко значимую роль для определения персонального состава правящей элиты и выбора политического курса, в условиях нарастания авторитарных тенденций становятся менее значимым фактором политического развития. Динамика актуального политического развития страны способствует, таким образом, ограничению роли электорального процесса, а вместе с ним и электоральной культуры, в функционировании формирующегося политического режима. Вместе с тем, ограничение роли выборов в политико-властном процессе страны, как, впрочем, и сам характер эволюции складывающегося режима власти в целом, накладывает свой специфический отпечаток на характер электоральных ориентаций граждан, изучение которых способно многое объяснить в актуальной молдавской политике.

Сам концепт политической/электоральной культуры был разработан западными политологами (*G. Almond, S. Verba, 1963*) еще в середине прошлого века на основе анализа политических систем наиболее развитых стран Запада. Однако, пополнив собой сокровищницу западной политологической мысли, в настоящее время указанный концепт используется для анализа электоральных процессов в западных странах крайне редко и неохотно. По сложившейся в мировой научной мысли традиции, термин «электоральная культура» используют, главным образом, для изучения особенностей развертывания политических процессов в транзитных странах, а также применительно к изучению маргинальных политических сил в странах «старой» демократии. Отказ западных политологов от использования поня-

тия электоральная культура для изучения политической жизни в своих странах обусловлен доминирующим влиянием американской школы и, по большей части, продиктован ориентацией на стереотипы, лежащие в основе американского индивидуализированного общества, в котором индивид рассматривается как рациональное существо. Поэтому предполагается, что об электоральной культуре можно говорить лишь применительно к ситуациям, когда социальные привычки и влияние сильнее рационального выбора, т.е. к незападным обществам [63].

Понятие «электоральная культура» используется в аналитических кругах Республики Молдова применительно к характеристике электоральных процессов не так широко, как в других постсоветских странах, находящихся в состоянии демократического транзита. Чаще всего отечественные аналитики оперируют этим понятием в негативистском смысле, когда речь идет об издержках функционирования института выборов, причину которых нередко усматривают в «отсутствии электоральной культуры». Поэтому указанное понятие чаще всего бывает вплетенным в контекст обсуждения вопросов, связанных с повышением эффективности функционирования института выборов, в котором обычно указывается на важность формирования электоральной культуры массового электората как залога успешности продвижения демократических реформ [64].

Негативистская оценка электоральной культуры, доминирующая в молдавской интеллектуальной среде, в значительной мере продиктована стремлением определенных политических элит переложить ответственность за издержки политического развития страны на широкие массы электората, «не способного», с их точки зрения, сделать «правильный политический выбор». Как справедливо указывает исследователь А. Рошка, многие политики полагают, что народ, лишенный информации, образования и культуры, не способен осознать собственные интересы [65, с. 28]. Иными словами, в представлении многих

политиков, электорат – это темная, политически необразованная масса, лишенная электоральной культуры, необходимой для осуществления «верного» политического выбора. Поэтому неслучайно, вместо анализа особенностей электоральной культуры, предполагающего системное изучение указанного феномена в его социально-политической взаимозависимости и взаимосвязи, некоторые аналитики все чаще скатываются к просветительскому подходу, настаивающему на необходимости «обучения» молдавского электората «электоральной культуре». Формирование электоральной культуры рассматривается как одно из наиболее действенных средств «оптимизации избирательного процесса», по существу, игнорируя тот факт, что электоральная культура общества, как составная часть политической культуры, является «производным» политической системы, продуктом доминирующего в этой системе характера социально-политических отношений.

Республика Молдова представляет собой на сегодняшний день, согласно индексу демократизации *Freedom House*, [66] «полусвободную страну», государство с «урезанной демократией», с «неполной электоральной демократией». Функционирование системы «урезанной демократии», характеризующееся отсутствием верховенства права, продуцирует и укрепляет электоральную культуру, соответствующую установившемуся в стране политическому режиму и отвечающую задачам его воспроизводства. Поэтому доминирующая в стране на сегодняшний день электоральная культура, несмотря на тот широкий сегмент, который представлен устоявшимися традиционными ориентациями патриархально-подданнического характера, в то же время, являет собой продукт актуальной системы политических отношений.

Измерение культурных аспектов политической жизни общества всегда сопряжено с большими трудностями, обусловленными, в первую очередь, отсутствием общепринятой трактов-

ки самого концепта политической/электоральной культуры. В указанной области политологического знания, по выражению исследователя Л. Фадеевой, продолжает господствовать полный «концептуальный беспредел». Поэтому представляется плодотворным предложение указанного автора использовать понятие «электоральная культура» в качестве «рабочего инструментария» для изучения электорального поведения [63]. Наиболее общее представление о доминирующей в стране электоральной культуре можно получить, опираясь на изучение определенного ряда критериев, таких как: восприятие выборов массовым электоратом; электоральная активность массового электората; мотивация электорального поведения; партийная идентичность массового электората.

Режим «урезанной демократии», установившийся в Республике Молдова, диктует свои специфические условия политического участия граждан. Массы простых людей оказываются вытесненными на периферию политической жизни, основной поддерживаемой и поощряемой режимом формой участия которых является участие в выборах, необходимое для процедуры легитимации власти. Подобный режим, нуждаясь в легитимации власти, вынужден различным образом стимулировать участие электората в электоральном процессе. В результате участие в выборах воспринимается массовым электоратом не только как важнейшая форма участия в политике страны, но и как единственно возможная и допустимая. Так, согласно данным *Barometrul Opiniei Publice*, готовность принять участие в парламентских выборах, если они состоятся в ближайшее воскресенье, стабильно выражают около 80% от числа опрошенных [67]. Тем не менее, численность реального участия граждан в парламентских выборах в последние 10 лет составляет лишь чуть более 50% от числа представленных в избирательных списках. С учетом высокого уровня трудовой миграции в нашей стране, изолирующей значительный слой населения трудоспособного

возраста от участия в политической жизни [68], данные показатели электоральной активности населения Молдовы представляются достаточно высокими, в особенности по сравнению со многими странами Запада, где многие годы наблюдался устойчивый спад электоральной активности [34, с. 16-47].

Электоральная активность населения страны является одним из наиболее важных, хотя и лежащих на поверхности, показателей, позволяющих на цифрах измерить и продемонстрировать уровень массовой электоральной культуры. Однако, не менее важным показателем развития электоральной культуры, вскрывающим скрытые от глаз характеристики, служат особенности восприятия гражданами самого института выборов. Оценка выборов гражданами может существенно варьироваться. Российский исследователь Г.Л. Кертман предложил пять вариантов такого отношения или оценки выборов: как волеизъявление граждан; как возможность публично высказать свое мнение; как механизм селекции и ротации кадров; как формирование органов власти; как ритуал, привычка, долг [69, с. 437-441]. Приведенные варианты различных оценок гражданами выборов характерны, в том числе, и для восприятия значения института выборов электоратом Республики Молдова.

Какой бы из приведенных оценок ни руководствовались различные пласты молдавского электората, принимающие участие в избирательном процессе, в политическом сознании граждан Республики Молдова институт выборов стабильно ассоциируется с основной формой проявления демократического характера реформирующейся политической системы. Поэтому оценка ценности выборов в политической ментальности молдавского общества напрямую связана с оценкой ценности демократического режима как такового. В Республике Молдова период «демократической эйфории», когда демократия в массовом сознании воспринималась как «панацея от всех бед», давно миновал. Более того, тотальный кризис, поразивший наше общество вслед-

ствии радикального социально-экономического и политического реформирования страны, породив в общественном сознании синдром «обманутых надежд», оживил у определенной части общества, в особенности представителей старшего поколения, ностальгические настроения. Тем не менее, к настоящему времени в общественно-политическом сознании не появилось ни одной антидемократической идеологии [70, с. 107-135]. А это значит, что общественный спрос на демократию в Республике Молдова продолжает сохраняться. Преданность общества идее демократии в значительной мере обусловлена доминированием в политическом сознании общества идеального представления о демократии, согласно которому демократия рассматривается не столько как система политического управления обществом, сколько как социальная гарантия процветания и экономического благополучия общества, что, однако, с точки зрения авторов научного труда «Демократизация», не имеет ничего общего с ее реальным смыслом [45, с. 81].

Вместе с тем, несмотря на сохраняющуюся у народа веру в демократию и осознание значительной долей молдавского электората огромной важности реального участия в политических выборах, уже традиционно около 70-80% от числа опрошенных считает, что страна управляется без учета интересов простого народа [13]. Укоренение в массовом политическом сознании подобного убеждения свидетельствует о том, у массового электората ослабевает восприятие выборов как института публичной политики и как механизма волеизъявления граждан. Одновременно крепнет сомнение в честности подсчета голосов избирателей [21]. Приходит осознание усиливающейся роли манипулятивных технологий, применения так называемого административного ресурса для организации электорального процесса, в результате чего избиратели все больше убеждаются в имитационном характере выборов.

Сегодня молдавский электорат уже хорошо понимает, что он

является лишь необходимым для сохранения демократического фасада страны звеном политической легитимации власти. Что роль его в управлении страной ограничивается коротким периодом выборов, по окончании которых массы электората вновь будут оттеснены на периферию политической жизни, траектория развития которой, в представлении 70-80% от числа опрошенных не совпадает с интересами большинства народа и идет «не в том направлении». Понятно, что это осознание рождает глубокое разочарование в связи с несбывшимися надеждами на всеобщее процветание в результате стартовавшего в стране социально-политического реформирования, крайний пессимизм и апатию по отношению к сфере политики, включая ее электоральную составляющую, недоверие ко всему политическому классу, независимо от его политической колоратуры, равно как и к различным структурам политической власти.

В складывающихся морально-психологических условиях, оказывающих существенное влияние на электоральные ориентации массового избирателя, электорат начинает наделять выборы иным, более практическим смыслом, ориентирующим на достижение не столько отдаленных стратегических целей политического развития страны, сколько на получение конкретной сиюминутной выгоды от участия в выборах и от самого выбора. Поэтому функционирование института выборов для участников электорального процесса все больше принимает форму установления клиентелистских отношений. Избиратели начинают рассматривать кандидатов как своих патронов, под покровительство которых они готовы встать, но не безусловно, а только если эти кандидаты продемонстрируют готовность решать проблемы своих избирателей. В результате голосование на выборах становится менее идеологизированным, больше нацеленным на выбор «патрона», а не политической позиции [71]. Причем коррумпированность, нарушение моральных и этиче-

ских норм кандидатом, его криминальное прошлое, не всегда приводит к отказу ему в поддержке на выборах.

Клиентелизм как влиятельный фактор электорального поведения наиболее отчетливо проявил себя, в частности, в период местных выборов 2015 года в городе Орхей, когда находившийся под следствием кандидат на должность примара, бизнесмен И. Шор, замешанный в коррупционном скандале, получил около 62% голосов избирателей. Показательно, что продолжающееся по сей день следствие по «Делу И. Шора» несколько не снизило популярность политика в данном городе. Напротив, благодаря ряду вполне конкретных социально-ориентированных действий, политик заручился симпатией электората в масштабах всей страны.

Сформировавшийся в стране морально-психологический климат, характеризующийся состоянием крайнего скептицизма и апатии, вынуждает широкие пласты общества позиционировать себя в политике главным образом как наблюдателей, даже в том случае, когда силы оппозиции активно призывают общество к протесту, ожидая широкой поддержки выдвигаемым ею требованиям об отставке действующей коррумпированной власти и досрочных парламентских выборах. Безусловно, «Платформе ДА» удалось на определенном этапе (2015-2016 гг.) организовать массовые протесты, которые, впрочем, быстро пошли на убыль, как только власти перехватили инициативу в свои руки, внося изменения в Конституцию Республики Молдова, обеспечившие инициацию в стране всеобщих выборов Президента страны. Подобное поведение масс как нельзя лучше вписывается в рамки господствующей политической культуры, наиболее отличительными чертами которой является традиционализм и патриархальность. Установки массового политического сознания, ориентирующие людей на изоляционизм от политики, настраивают массы простых людей на то, чтобы мириться с действующей властью до тех пор, пока она не выходит за пределы

конституционности действующего режима. Поэтому массовый электорат Республики Молдова скорее настроен терпеливо ожидать очередные выборы с надеждой на возможные перемены к лучшему, нежели на активные политические действия (забастовки, пикеты, революции), способные быстро разрешить возникший политический конфликт [35]. Кроме того, «уход» из политики в форме отъезда из страны для значительной части граждан трудоспособного возраста представляется более доступной и эффективной альтернативой «протесту».

Широкое распространение в молдавском обществе «электорального скептицизма» делает весьма актуальным для осмысления особенностей электоральной культуры вопрос о том, почему молдавские граждане все-таки выходят на выборы? История развития избирательного процесса в Республике Молдова убедительно продемонстрировала, что электоральный абсентеизм, способный парализовать развертывание электорального цикла, в условиях молдавского общества – явление, скорее, неординарное. Подавляющее большинство электоральных циклов, стартовавших за период демократического реформирования страны, завершилось признанием выборов соответствующими международными структурами состоявшимися. Это говорит о том, что выборы, несмотря на укрепление их имитационного характера, сохраняют для молдавских граждан важные функции, в значительной мере мотивирующие их электоральное поведение.

Участие в выборах может быть мотивировано различными моментами, характерными для развертывания электорального процесса, которые способствуют реализации ряда потребностей электората как одного из субъектов политических отношений. Среди таковых моментов – демонстрационные свойства выборов, позволяющие электорату «заявить о себе», продемонстрировать свою силу и значимость как субъекта политических связей и отношений; формирование в процессе участия в выборах ощущения устойчивости и порядка в стране, возникающее в

связи с повторяемостью электоральных циклов; формирование и поддержание имиджа «цивилизованного народа», развивающегося в рамках общепризнанной культурной цели; реализация потребности в когнитивных ориентирах развития, способных предложить «разумное объяснение» происходящим политическим процессам; форма выражения общественной солидарности, крайне актуальной в условиях атомизированного общества, а также форма заключения общественного договора, призванного гарантировать реализацию интересов широкого электората. Исследователь М.П. Белоусова, изучающая особенности российской электоральной культуры, весьма оригинально оценивает подобную электоральную мотивацию как «поведенческий синдром», называя его «скептическим романтизмом» [72].

На сегодняшний день наиболее действенным фактором, управляющим электоральным поведением, являются политические технологии, вписывающиеся в общую стратегию правящих групп по удержанию и сохранению установившегося режима власти. Являясь неотъемлемой частью механизма политического управления обществом, политические технологии позволяют эффективно манипулировать политическим/электоральным сознанием и поведением граждан. Применение указанных технологий, апеллирующих по большей мере к чувствам широкого электората, нежели к его разуму, способно не только пробуждать электоральную активность/пассивность граждан в зависимости от специфики политического момента, но и направлять предпочтения электората в необходимое для тех или иных политических элит русло. В результате, пораженный «болезнью скептицизма» электорат не только выходит на выборы, обеспечивая легитимность той власти, которой не доверяет, но и, в конечном счете, защищает ее политические интересы, вместо своих. Подобные метаморфозы в политическом сознании масс становятся возможными, прежде всего, в результате укоренившегося

в стране еще в начале перемен культурно-политического раскола общества, укладывающегося в специфическую ментально-психологическую парадигму «свой-чужой», который всячески поддерживается представителями противоборствующих политических сил. В то же время, «неразумное» поведение электората представляет собой закономерную реакцию на нагнетание в обществе настроений негативизма и страха, осуществляемое при помощи СМИ, в настоящее время ставших в руках политических элит эффективным рычагом политического влияния [73, с. 147-158].

Политическая конфронтация, негативизм и страх, управляя поведением электората, вынуждают его не только выходить на выборы, с тем, чтобы не допустить победу «противника», угрожающую, с точки зрения политических оппонентов, еще большим ухудшением общественно-политической ситуации, но и голосовать по большей части «против», а не «за». В результате выборы в Республике Молдова для массового электората приобретают главным образом негативистский смысл. Наполняя свой политический выбор отрицанием, молдавский электорат уже традиционно голосует по «антиунионистски», «антироссийски», «антиевропейски» и т.п. Примером, особенно хорошо демонстрирующим негативистские эмоционально-психологические установки массового электората Республики Молдова могут служить результаты Парламентских выборов 2014 года. В результате указанных выборов электорат, напуганный возможностью развития в Молдове событий по «украинскому сценарию», вновь привел к власти те политические силы, которые уже потеряли доверие во время предшествующего мандата, но при этом олицетворяли собой «роевропейский вектор» развития страны. Таким образом, говорить в отношении молдавского электората о рациональном выборе, призванном оценивать эффективность власти, весьма сложно. Политический выбор

масс лишь выглядит рациональным, приобретая форму вполне осознанных предпочтений. Однако сами политические предпочтения в своей основе исходят по большей мере из иррациональных, эмоционально-психологических установок, роднящих отношение электората к политике с различного рода «культурными вкусами».

Одним из наиболее важных вопросов, раскрывающих специфические особенности электоральной культуры массового электората Республики Молдова, является вопрос о распределении электоральных предпочтений граждан страны. Сюда необходимым образом включается и вопрос о влиянии партийной самоидентификации граждан на характер их электоральных предпочтений. К Парламентским выборам 2019 года в стране было официально зарегистрировано и функционировало согласно действующему законодательству 46 политических партий. Вместе с тем, ни одна из этих партий, включая партии «левого» толка, не является партией трудящихся в полном смысле этого слова. Как показывает К. Крауч, партийная модель, разработанная для эпохи расцвета демократии, постепенно превращается в нечто иное – в модель постдемократической партии. Партии сегодня возникают не для озвучивания интересов какой-либо социальной группы, а целенаправленно конструируются представителями существующей политической и финансовой элиты. Кроме того, они выстраиваются вокруг личности своего вождя, а не вокруг какой-то конкретной партийной программы. Это имеет важные последствия для взаимоотношений между политическими партиями и электоратом. [34, с. 9-11].

Характерная для современного молдавского общества размытость классовой идентичности, существенным образом сказывается на политической самоидентификации электората, вынуждая выбирать из того, что ему предлагают политические элиты. Подобный феномен хорошо представлен мета-

форой «эхо-камеры», в которой вердикт электората не может быть больше, чем выборочным отражением предложенных ему альтернатив и взглядов [74]. Поэтому партийно-политическая идентичность электората, осуществляющего свой выбор в пользу той или иной политической партии носит по большей мере условный характер. Массовый избиратель, позиционирующий себя в качестве сторонника определенной политической партии, по убеждению таковым не является и не делает для этой партии ничего, кроме дисциплинированного голосования за нее в день выборов. Сказанное в полной мере применимо и к политической реальности Республики Молдова. В условиях доминирования политического скептицизма в политико-культурных ориентациях граждан, отражающего укоренившееся в политическом сознании масс глубокое недоверие ко всему политическому классу, независимо от его партийной принадлежности, партийная идентичность массового электората может носить лишь условный, символический характер.

Несмотря на весь скептицизм, испытываемый по отношению к политическому классу, массовый электорат, тем не менее, выходя на выборы, политически дифференцируется в соответствии с расстановкой основных политических сил, установившейся на сегодняшний день в молдавском мире политики. Однако указанная политическая дифференциация электората опирается не столько на приверженность к определенной партийной идеологии, призванной отражать интересы различных социальных слоев и групп общества, сколько на разделяющую людей принадлежность к различным социокультурным ценностным мирам, скорее укладываясь в схему «свой-чужой». В условиях, когда одной из наиболее отличительных черт молдавского мира политики является неразвитость партийной идеологии, различные политические силы страны дифференцируются не столько в соответствии с различными идеологическими конструкциями,

призванными лежать в основе их политической деятельности, сколько сообразно приверженности определенной доминирующей идеи. Отличительной чертой подобных идей является их мощный мобилизующий характер. Политические партии, а по сути, электоральные конкуренты, ведущие ожесточенную борьбу за свой электоральный сегмент, прекрасно осознают, что политическое обращение к массам должно быть достаточно убедительным, чтобы мобилизовать и заручиться их поддержкой на выборах.

В настоящее время, как и в начале перемен [40, с. 106-120], наибольшей привлекательностью для электората обладают, прежде всего, идеи популистского и националистического толка, несущие наиболее мощный эмоциональный, мобилизующий заряд. Поэтому молдавские политики, вступая в электоральную борьбу, чаще всего концентрируют основное внимание на различиях в этнокультурной/геополитической принадлежности электората, тем самым поощряя людей к построению своей идентичности на основе оппозиции конкретным этнокультурным группам либо социокультурным мирам. В результате основное недовольство направляется именно на эти группы, в то же время, отвлекая внимание от других насущных проблем. Причем даже в том случае, когда популистские идеи выходят на передний план политического меседжа электоральных конкурентов, казалось бы, поднимаясь над разделительным барьером «свой-чужой», акцент на размежевании отдельных сегментов электората согласно принадлежности к различным социокультурным мирам, все же, присутствует, хотя и латентно.

Политическая история Республики Молдова убедительно продемонстрировала верность данного утверждения. Политическая реальность, складывающаяся в стране, (результаты Парламентских выборов 2019 года) показывает, что такие идеи, как борьба с олигархическим режимом, борьба с коррупцией

уступают по своей мобилизующей силе идеям этнокультурной/геополитической идентичности. Главной линией политического размежевания электората Республики Молдова, группирующего его в различные лагеря политического противостояния, был и по-прежнему остается существующий в стране этнокультурный раскол, структурирующий, в том числе, и различные геополитические предпочтения граждан в относительно равных пропорциях. Вопрос о национальной идентичности с самого начала демократических перемен установился в центре внимания политического класса страны, разделив как политическую элиту, так и электорат на два различных противостоящих политических лагеря. Однако, если в начале перемен главной линией, разделявшей электорат, являлась различная национально-культурная самоидентификация, то в последнее время, в условиях нарастания геополитического противостояния в мире, такой линией раскола стала приверженность к различным геополитическим «векторам» развития страны – пророссийскому и проевропейскому, символизирующим принадлежность людей к различным социокультурным мирам.

О новых тенденциях в изменении общественных настроений и связанных с ними сдвигах в политическом/электоральном поведении молдавских граждан в настоящее время говорить еще достаточно сложно. Проблема заключается в том, что в условиях укрепления авторитарности власти подобные тренды поддаются оценке с большим трудом ввиду систематического искажения общественных настроений из-за эффекта «фальсификации предпочтений» (*Kuran, 1991*), когда вместо истинных предпочтений граждане сообщают сведения и демонстрируют образцы поведения, сформированные политическими технологами и командами кандидатов для целей пропаганды и агитации. При этом истинные предпочтения граждан могут оставаться скрытыми достаточно долго. Во всяком случае, до тех

пор, пока не наступит некий «критический момент», который приведет к резкой смене декларируемых предпочтений, способной повлечь за собой крах установившегося режима власти [75]. Поэтому в условиях существующего режима власти, несмотря на задействование целого арсенала политических технологий, призванных манипулировать политическим сознанием граждан, поведение участников политического процесса, тем не менее, остается заведомо непредсказуемым.

В целом, выявленные особенности электоральной культуры, доминирующей в настоящее время в Республике Молдова, не только отражают специфику функционирующего в стране режима «урезанной демократии», но и способствуют его стабилизации и воспроизводству.

Глава 3. «НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Изменения, происходящие в Республике Молдова на современном этапе, представляют собой составную часть глобального общественно-исторического процесса, отличительной особенностью которого является распространение демократии «вширь», сопровождающееся существенным снижением ее качества и усилением тенденций к авторитаризму. Задача данной главы – показать, как «авторитарный сдвиг», наблюдающийся в современном демократическом мире, формирует объективные и субъективные условия, способствующие моделированию специфических ориентаций людей на политические действия, существенным образом предопределяющих политическое поведение людей. Основной вывод главы состоит в том, что складывающаяся в Республике Молдова политическая культура, будучи во многом обусловленной спецификой «народного духа», в то же время, является отражением в особой национальной форме неких глобальных тенденций актуального развития человеческого сообщества.

3.1. Симптомы «нового авторитаризма» в современном мире

Политическая наука является, пожалуй, одной из наиболее чутких форм общественной реакции на вызовы исторического времени. Тем не менее, и эта научная дисциплина не всегда способна адекватно отобразить те крутые повороты, которые происходят сегодня в политических судьбах отдельных стран. Политологи справедливо указывают на то, что современные глобальные трансформации существенно диверсифицировали

структуры институционального дизайна, породив в различных странах весьма разнородную архитектуру правления и власти, что порой создает впечатление, будто тенденции эволюции политического порядка утрачивают свое универсальное значение [1, с. 5]

В актуальных условиях, характеризующихся стремительностью перемен в самых различных областях человеческого существования, высокая динамика институциональной среды отдельных государств и политических регионов превращает формирующийся в них политический порядок в весьма сложный объект исследования, который с трудом поддается осмыслению, исходя из установок «вчерашнего дня». В этой связи приходит понимание, что сегодня политическая наука, чтобы не отстать от жизни, должна не менее динамично реагировать на изменения политических реалий, стремясь наиболее адекватно воссоздать картину происходящего. Поскольку лишь, исходя из реальной картины, можно с высокой степенью достоверности определить доминирующие тенденции эволюции политического порядка, которые позволят не только лучше понимать, но и более свободно ориентироваться в политическом пространстве.

Сказанное выше с полной основательностью можно отнести и к тем политологическим исследованиям, которые разворачиваются сегодня в Республике Молдова. Вступление в конце прошлого века Республики Молдова на путь демократизации, что стало для страны радикальным поворотом в ее исторической судьбе, предопределило тональность политологических исследований на долгие годы вперед. Новый опыт исторического развития страны, прежде всего, сориентировал исследователей на изучение самого феномена демократии, что было вполне оправданным для общества, впервые вступившего на путь демократического реформирования. В дальнейшем, по мере реформирования молдавского общества, исследовательское внимание стало все больше переключаться с общетеоретических проблем демо-

кратизации на изучение отечественного опыта реформирования политической системы в соответствии с нормами демократического развития. Общий вывод подобных исследований можно свести к следующему умозаключению: Республика Молдова на современном этапе движется в русле глобальной тенденции к демократизации. Однако в стране все еще очень велики издержки демократического развития, которые проявляют себя не только на институциональном, но и на ориентационном уровне функционирования формирующейся политической системы.

В настоящее время в анализе процессов политического развития страны особый тон задают оценки, зарождающиеся в контексте ожесточенной политической борьбы за власть между политическими конкурентами, которая разворачивается в Республике Молдова на современном этапе. Логика политической конкуренции придает риторике оппонентов власти преимущественно обвинительный характер, проявляющий себя в своеобразном развешивании ярлыков, призванных символизировать ущербность актуального политического курса и, в то же время, констатировать его несоответствие демократическим целям и идеалам развития страны. Подобным ярлыком стали обвинения в реставрации приемов авторитарного правления, в последние годы все более настойчиво звучавшие в адрес политического руководства страны [2, 3, 4, 5].

Указанные обвинения, безусловно, не лишены объективных оснований и, в целом, совпадают с оценками международного мониторинга развития политических процессов в Республике Молдова. Согласно указанным оценкам, Республика Молдова, на рассматриваемом историческом этапе вступила в полосу демократической деградации и стремительно эволюционирует в сторону установления неоавторитарного режима [6]. Подобное умозаключение опирается на скрупулезный анализ международными экспертами политической ситуации, складывавшейся в стране в последнее десятилетие, вплоть до Парламентских выбо-

ров 2019 года, который раскрывает реальное положение вещей в общественно-политической сфере, скрывающееся за выстроенным за годы демократизации «демократическим фасадом».

Международный мониторинг процесса демократизации в Республике Молдова, бесспорно, имеет огромное значение для развития научно-исследовательского процесса внутри страны. С одной стороны, результаты подобного мониторинга позволяют сформировать объективное представление о положении Республики Молдова в международном рейтинге демократизирующихся стран. С другой – задают определенные ориентиры исследованиям внутри страны, вынуждающие более глубоко анализировать доминирующие тенденции в актуальном развитии общества. Так или иначе, но, ссылаясь, в том числе, и на международные оценки, исследователи внутри страны все более склонны квалифицировать актуальную направленность политических процессов в Республике Молдова как демократическую деградацию, а также констатировать факт неуклонной эволюции существующего политического режима в сторону усиления авторитарных тенденций [7]. Однако обобщающие научные исследования по данной проблеме пока отсутствуют.

Вместе с тем, важно отметить, что научные оценки сложившегося положения дел в политической сфере, подобно распространенной сегодня в стране политической риторике, продолжают сохранять преимущественно обвинительный тон, заостряющий внимание, прежде всего, на несоответствии установившегося в Республике Молдова в последнее десятилетие политического режима демократическому идеалу. Иными словами, укрепление авторитарных тенденций в функционировании указанного политического режима рассматривается преимущественно как «отклонение от нормы», по существу, позиционирующее Республику Молдова «по ту сторону» цивилизованного мира.

Если следовать «обвинительной» логике, то закономерно возникает вопрос: почему Республика Молдова, столь успешно,

согласно данным международных мониторинговых организаций прошлых лет [8, С. 530], реформировавшая политическую сферу в начале демократических перемен, к настоящему времени практически «сошла с рельс»? На начальном этапе изучения процессов демократизации исследовательское внимание в поиске ответов на данный вопрос в большей мере привлекали проблемы институционального характера. Поэтому закономерно, что на данном этапе основные «трудности» в развитии демократических процессов исследователи связывали, прежде всего, со слабостью политических институтов. Однако в последнее время наибольший интерес молдавские аналитики проявляют к изучению субъективного контекста процесса модернизации, зачастую полагая, что именно здесь кроется своеобразный «камень преткновения», не позволяющий стране дотянуться до высоких демократических стандартов развития.

Иными словами, ответ на этот вопрос исследователи сегодня чаще всего пытаются искать в субъективной составляющей политического процесса, особенности которой обычно связывают со спецификой «народного духа» страны. А именно, в незрелости политического класса, а также, в отсутствии политической культуры массового электората, «не доросшего» до уровня политического активизма и не умеющего сделать «правильный» политический выбор. Исходя из подобного подхода, усиление тенденций демократической деградации и все большее скатывание страны на уровень неоавторитаризма выглядит по большей мере как результат субъективной деятельности участников политического процесса, уводящей страну в сторону от глобальных цивилизационных целей развития [7, с. 126-153].

Иными словами, проявления авторитарного характера в политической жизни страны трактуется преимущественно как «отклонение от нормы», нуждающиеся в исправлении, в возвращении Республики Молдова на рельсы демократического развития. В этой связи научные изыскания обычно изобилуют

множеством различного рода рекомендаций, направленных на устранение «издержек» в демократическом развитии страны, на приведение функционирования политической сферы в соответствие с демократическим идеалом. Причем предположение о том, что всему виной пресловутый «человеческий фактор», направляющий развитие страны «не в ту сторону», провоцирует и появление соответствующих рекомендаций, по большей мере, просветительского характера, направленных на воспитание субъектов политических процессов, как со стороны элит, так и со стороны электората.

Формирование своеобразного «исследовательского синдрома», заключающегося в сведении проблем общественно-политического развития страны к его субъективной составляющей, вполне объяснимо. Дело в том, что объективные по своей природе законы общественно-исторического развития с необходимостью прокладывают свой путь через субъективную деятельность людей. В этой связи сам объективный процесс развития, будучи облеченным в форму субъективной деятельности, во многом приобретает зигзагообразный характер, допускающий порой существенные отклонения от основной линии эволюции. Однако это несколько не отменяет объективного характера развития общественно-исторического процесса, который, несмотря на участие в нем самых различных субъектов, преследующих, в том числе, и диаметрально противоположные интересы, всегда имеет свою логику и свои объективные предпосылки, вынуждающие людей в процессе общественно-исторической практики выбирать совершенно определенные формы общественно-политического поведения. Но для того, чтобы уметь «прочитать» поведенческие ориентации людей в политике, следует помнить, что деятельностью субъектов политического процесса всегда латентно двигает историческая необходимость.

За годы демократического реформирования в Республике Молдова накоплен значительный объем научно-исследователь-

ской литературы, посвященной изучению проблем политической сферы развития общества, которая несет поистине огромную познавательную ценность. Однако, увлеченные изучением характера процессов демократической модернизации, разворачивающихся внутри страны, многие исследователи, на наш взгляд, зачастую не учитывают в своем анализе что-то очень важное. А именно – те радикальные объективные изменения, которые происходят в наши дни в демократическом мире, исходя из которых «неудачи» в развитии процессов демократизации в Республике Молдова не выглядят столь уж случайными, обусловленными исключительно национальной спецификой страны, ее, так сказать, «народным духом».

Третья волна демократизации, стартовавшая в конце XX века, изначально привела к формированию в странах постсоветского пространства, к которому относится и Республика Молдова, совершенно специфического общественного климата, получившего название «демократической эйфории», когда демократия стала рассматриваться не только как непререкаемый общественный идеал, но и как универсальная «панацея» от бед [9, с. 162]. Несмотря на то, что состояние «демократической эйфории» давно сошло «на нет», а доминирующие в настоящее время общественные настроения пронизаны разочарованием, глубокой апатией и скептицизмом по отношению к политике [10], тем не менее, к сегодняшнему дню в нашей стране не появилось ни одной политической силы либо общественного движения, которое бы открыто пропагандировало или поддерживало антидемократические идеи. Поддерживать демократию – значит быть в современном «политическом тренде» и, тем самым, сохранять «лицо» страны как цивилизованного государства, развивающегося в русле глобальной тенденции к демократии и пользующегося международным признанием и поддержкой всего цивилизованного мира. Однако это стремление «сохранить лицо» во многом усложняет восприятие и осмысление тех политических

реалий, которые прячутся за выстраиваемым «демократическим фасадом», мешая называть происходящие в политической сфере вещи своими именами.

Вместе с тем, ряд западных политологов уже на исходе XX века, в самый разгар третьей волны демократизации, когда казалось, что глобальная победа демократии не за горами, стали бить тревогу, указывая на снижение качества демократии во всем мире, заставляющее усомниться в том, «работает ли демократия» сегодня [11]. Одни исследователи объясняли данный факт глобального снижения качества демократии «демократическим откатом» (*Diamond, 2008*). Другие расценивали «демократические неудачи» ряда стран третьей волны как «сход с рельс» (*Fish, 2005*), сопровождающий любую демократическую волну [8, с. 19]. Однако появились и такие авторы, которые попытались связать современные издержки в глобальном процессе демократизации с доминирующими тенденциями развития современного мира, такими как глобализация, деиндустриализация, информатизация, миграция и т.п. Одним из таких авторов является английский социолог Колин Крауч, который, совместно со своими коллегами и единомышленниками из других стран, не только попытался проанализировать объективные предпосылки глобального снижения качества демократии в современном мире, но и разработал оригинальную теорию «постдемократии» (*Crouch Colin, 2004*). Согласно его теории, демократия как специфическая система политического управления, пройдя свой пик развития в XX веке, в настоящее время все больше утрачивает свои экономические и социальные основания и потому вступила на «нисходящую ветвь параболы» [12, с. 9].

В настоящее время многие западные аналитики вынуждены признать, что на современном этапе демократия, как система политического устройства общества, вступила в полосу кризиса и это существенным образом сказывается на ее качестве в глобальном измерении, тем более, что очевидность подобного

феномена убедительно демонстрируют результаты международного мониторинга состояния демократии в современном мире. В частности, Отчет *Freedom House*, представленный американской неправительственной мониторинговой организацией в феврале 2019 года и получивший название «Демократия отстывает», однозначно указал на усиление глобальной тенденции неуклонного снижения качества демократии, существенно сказывающееся на состоянии свободы в демократическом мире. Доклад указывает на то, что соблюдение демократических принципов ухудшается во всем мире, как в переходных странах, так и в странах старой демократии. Снижение уровня глобальных свобод затрагивает все регионы мира: от устоявшихся демократий, каковой являются Соединенные Штаты Америки, до консолидированных авторитарных режимов, таких, как Россия и регистрируется аналитиками *Freedom House* уже на протяжении последних 13 лет. Указанная тенденция сохраняет последовательность, из чего аналитики *Freedom House* заключают, что «демократия в мире находится в процессе отступления» [13].

Если согласиться с приведенной выше точкой зрения и принять за аксиому вступление демократического мира в некое состояние «постдемократии», то закономерно возникает вопрос: что же в реальности находится за «демократическим фасадом» и, по существу, «грозит» прийти на смену тому политическому устройству общества, на которое человечество привыкло ориентироваться как на глобальную культурную цель? Ответ на данный вопрос, если судить по тем характерным тенденциям, которые набирают все большую силу в самых различных странах мира, может быть лишь один – это «новый авторитаризм». Во всяком случае, подобной точки зрения придерживаются сегодня немало аналитиков, включая экспертов *Freedom House*, которые, опираясь на данные мониторинга, констатируют глобальное усиление авторитарных тенденций, включая страны старой демократии [14].

Безусловно, развитие тенденций к авторитаризму обладает различной динамикой в различных странах, включенных в процессы демократизации. В странах старой демократии, где демократические институты достаточно глубоко и прочно укоренены в жизни общества, симптомы авторитаризма более слабы и менее выражены. Что же касается новых демократий, где функционирование формирующихся демократических институтов осложнено отсутствием либо слабостью демократических традиций, тенденции к авторитаризму не встречают серьезного сопротивления общества. Напротив, скажем, во многих странах постсоветского пространства, общество, воспитанное на протяжении более, чем полувека, на традициях тоталитаризма, сегодня в своей массе, судя по укрепившимся здесь режимам, не только относится терпимо к проявлениям авторитарных тенденций в управлении страной, но и, в значительной мере, руководствуясь некими ностальгическими настроениями, выражает свою поддержку авторитарным лидерам и их обещаниям «навести порядок» при помощи командно-административных методов. Подобным образом дела обстоят, в частности, в таких странах, как Беларусь, Российская Федерация, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан, Таджикистан. Указанный ряд стран входит в категорию консолидированных автократических режимов. В то же время, такие страны, как Республика Молдова, Украина, Грузия, будучи включенными в категорию стран с гибридными режимами, сочетающими в себе как черты демократии, так и авторитаризма, судя по последним данным *Freedom House*, движутся по пути «соскальзывания к авторитаризму» [15].

Таким образом, динамика глобальной общественно-исторической эволюции, на наш взгляд, доказывает обоснованность того научного предположения, что современный мир, вступив в состояние постдемократии, все более эволюционирует к неоавторитаризму. Тенденции к авторитаризму, сопутствующие демократической деградации, по-разному могут менять струк-

туры национального институционального дизайна, порождая разнородную архитектуру правления и власти [1, с. 5]. Однако, если страны старой демократии, несмотря на развитие феномена «демократической энтропии» (*Crouch, 2004*), тем не менее, и сегодня сохраняют свой международный статус оплота демократии, то значительная часть новых демократий переходит к состоянию «постдемократии», выстраивая различные вариации неавторитарного правления, по существу, минуя стадию демократического развития.

Является ли «новый авторитаризм» лишь одной из современных тенденций и закономерностей эволюции процессов демократизации либо это реальное лицо наступающей новой эпохи человеческого развития – покажет время. Пока что речь идет лишь о реальных, специфических для авторитарного устройства, симптомах общественно-исторической эволюции, на эмоциональном уровне внушающих аналитикам тревогу и опасения за будущие судьбы человечества. Тревога, опасения и осуждение – это первое, что бросается в глаза в попытках многих исследователей современных общественно-исторических процессов осмыслить происходящие на сегодняшний день в мире перемены, связанные с усилением авторитарных тенденций развития и глобальным снижением качества демократии. Причем подобная тональность оценок является доминирующей и характерной не только для сферы политики, но и не в меньшей мере, для сферы научного осмысления эволюции современных общественно-исторических процессов. В частности, особо отмечается угроза, которую несут в себе авторитарные режимы с их специфическими методами общественно-политического управления, «подвергающими эрозии международные правила и стандарты, выработанные демократиями за десятилетия» [16].

Установка на «осуждение» авторитаризма, доминирующая в осмыслении авторитарных тенденций развития современного мира, порой, в общественных дискуссиях порождает соответ-

ствующую ответную реакцию со стороны ряда патриотически настроенных представителей научной интеллигенции стран со статусом неоавторитарного правления, склонных, в частности, констатировать «крайнюю политизированность» и «конъюнктурную загруженность» понятия «нового авторитаризма», рассматривая его, прежде всего, как инструмент политических технологий, порожденных современным геополитическим противостоянием в мире. Подобная установка, имеющая полное право на существование, с одной стороны, верно, на наш взгляд, отмечает то огромное влияние, которое оказывают информационные технологии и порождаемые ими клише на ценностное восприятие феноменов современной общественной жизни. С другой, стремление противостоять информационной войне, развязанной в современном мире, приводит к ретушированию, а, порой, и отрицанию, являющихся очевидными, авторитарных тенденций глобального политического развития. Среди прочих, высказываются и такие точки зрения, согласно которым, дискутируя о феномене «нового авторитаризма», следует говорить не столько о каком-то особом политическом режиме современности, сколько об авторитарных лидерах нового образца, которые встречаются сегодня не только в авторитарных, но и в демократических режимах. Авторы указанной точки зрения видят отличие в политическом управлении странами лишь в том, что демократическая система способна «переварить» авторитарную личность, авторитаризм же, напротив, еще более усиливает ее качества, что, в частности, можно видеть на примере Франции и Саркози, Англии и Блэра, с одной стороны, и Венесуэлы и Чавеса, с другой [16].

Особую тональность дискуссиям о «новом авторитаризме» придал Доклад «Авторитаризм 2.0», опубликованный в США в 2009 году, в котором были обобщены исследования таких известных демократических организаций как *Freedom House*, *Radio Free Europe/Radio Liberty* и *Radio Free Asia*. Доклад, в

частности, подчеркнул двойственный характер рассматриваемого политического феномена: с одной стороны, его повторяющуюся природу, с другой – формирование в инновационном информационном обществе. «Новый», он же «капиталистический авторитаризм», в числе которых назван промышленно-торговый Китай, а также нефтяные Россия, Венесуэла, Иран, исходя из Доклада, более не закрыт для мира, но, напротив, интегрирован в него экономически и индустриально. Будучи основанным на глобальной экономике, «новый авторитаризм», более не нуждающийся в идеологии, обладает огромным влиянием на развитие глобальных общественно-политических процессов. Важными ресурсами такого авторитаризма являются: военные технологии, масс-медийные технологии, популизм и личностные качества лидеров этих стран. Однако, констатируя усиление авторитарных тенденций развития в современном мире, авторы Доклада, по существу, придавшие ему обвинительный характер, на наш взгляд, остаются в плену установок современного глобального геополитического противостояния и потому воспринимают «новый авторитаризм», прежде всего, как режим, несущий угрозу демократическим традициям [17].

Безусловно, существует и другая позиция, согласно которой формирование «нового авторитаризма» рассматривается преимущественно как объективно-исторический процесс развития человеческой цивилизации, процесс, обусловленный самой логикой и характером ее эволюции и потому стоящий вне его эмоциональной оценки. Примером такого подхода может, в частности, служить публикация польского исследователя Михала Кузь (*Michał Kuź*) «Новый авторитарный мир» [18]. В указанной публикации автор не только предсказывает наступление эпохи «нового авторитаризма» как результата глобального кризиса демократии, но и, опираясь на работы таких известных американских исследователей, как Джошуа Курланцик (*Joshua Kurlantzick*), Фарид Закария (*Fareed Zakaria*), Поль Рей

(*Paul Rahe*), Марцин Круль (*Marcin Król*), пытается объяснить его объективно-историческую природу. С точки зрения автора, распространение авторитаризма в современном мире обусловлено, по крайней мере, тремя группами причин: крахом демократии в странах Третьего мира, усилением евразийских авторитарных режимов и кризисом доверия к демократии в ее колыбели – на Западе.

По мнению М. Кузь, логика развития современного мира делает теорию С. Хантингтона (*Samuel Huntington, 1991*) о волнах демократии, согласно которой каждая новая демократическая волна должна захватывать все большую территорию, а обратное движение становится все более незначительным, весьма сомнительной. Пример многих новых демократий третьей волны, которым Западный мир рекламировал либеральную демократию в связке с либерализацией торговли как панацеею от всех его бед, показал, что экономическая ситуация не улучшалась, вследствие чего выросло разочарование. В то же время, руководство государств и локальные элиты потеряли контроль над экономикой, поскольку курс валюты стал свободным, а производственные предприятия были проданы иностранным инвесторам. На первом этапе демократизации, также, стремительно вырос уровень коррупции, затронув ключевые государственные функции, поскольку на тот момент еще не сформировалось основ правового государства, но уже исчезла сильная диктаторская власть, которая прежде служила тормозом для нездоровых амбиций чиновников и олигархов. Разгул коррупции, нестабильность, экономическое ослабление способствуют оживлению популизма с его нереализуемыми обещаниями, направленными на «раскачку» общества в целях смены власти. Это ведет к тому, что политика все чаще делается на улицах, и все реже – у избирательных урн. В подобных условиях средний класс, который еще недавно считался оплотом демократии, опасаясь беспорядков, начинает поддерживать недемократичную стабилизацию в виде военного

руководства или более-менее предсказуемых диктаторов, стремясь не столько к расширению, сколько к сужению демократии в обмен на наведение порядка. О «наведении порядка» мечтают и более широкие слои общества, полагающие что в созданных общественно-политических условиях «слишком много демократии» идет только во вред обществу.

Другая проблема современной демократии кроется, по мнению автора, в так называемом «эффекте черного рыцаря». Под «черным рыцарем» понимают механизм, при помощи которого сильный и исправный авторитарный режим тормозит демократизацию соседних стран или укрепляет в них диктаторские режимы. Сегодня к подобным режимам относятся, прежде всего, такие страны, как Россия и Китай, которые оказывают огромное экономическое и политическое влияние не только в своем регионе, как, к примеру, Сингапур и Иран, но и в глобальном масштабе. Авторитарные режимы, не нуждающиеся в трудоемких общественных консультациях, в условиях глобализации оказываются более эффективными в принятии решений. Поэтому, есть вероятность, что общества стран постсоветского пространства, ставших на путь демократизации, все больше сталкивающиеся с затяжными политическими и экономическими кризисами, вскоре могут начать завидовать, к примеру, авторитарной Белоруссии. Более того, демонстрируемая Россией эффективность армии, а Китаем – экономическая мощь, способны оказывать огромное влияние, в том числе, и на политиков и аналитиков Западных стран, которые, наблюдая, как легко и беззастенчиво недемократические государства проводят эффективную внешнюю политику, тоже начинают склоняться к логике холодной войны в стиле «наш диктатор лучше их диктатора». Ссылаясь на известного американского журналиста и политолога Фарида Закарию и его книгу *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad (2003)*, автор публикации цитирует идею о том, что просвещенная олигархия, исповедующая нечто вроде

«либерального конституционализма» — это, видимо, лучший вариант, чем нелиберальная, преследующая иноверцев и меньшинства, демократия. Иными словами, в складывающихся условиях менее демократичное руководство, как полагает автор, могло бы пойти всем на пользу.

Третья группа причин, способствующих усилению авторитаризма в современном мире, коренится в беспрецедентном падении уровня доверия к демократическим институтам на самом Западе. В партиях, отличающихся друг от друга лишь названиями, год от года становится все меньше членов, а выборы проходят при все более низкой явке. В результате, безымянные бюрократы все чаще принимают решения через голову граждан. Одновременно ослабевает эффект распространения демократии с запада на восток. По данным *Freedom House*, во всех без исключения новых странах-членах Европейского Союза, в течение десятилетия после их вступления, снизилась прозрачность выборов, негативные изменения произошли со свободой слова и в целом с состоянием демократии. Подобное явление, вслед за американским историком Полем Рейем (*Paul Rahe*), политологи сегодня называют «дрейфом демократии» в направлении токвилевского (*Tocqueville*) «мягкого деспотизма», который начался на Западе после падения коммунизма. Ну а то, что наша цивилизация предлагает взамен демократии, можно, по мнению автора, вслед за метким определением Марцина Круля (*Marcin Król*), рассматривать в качестве современного варианта просвещенного абсолютизма, в котором предполагается разоружить окончательно эмансипированных индивидуалистов и отрезать их от политики, оставив ее исключительно «профессионалам».

Таким образом, с точки зрения польского исследователя, в условиях, когда саморазрушительные тенденции массовой демократии нарастают, крайне вероятно, что в итоге в нашей цивилизации закрепится более или менее олигархическая система — власть «новых феодалов», которую автор называет

«Средневековьем 2.0». Противостоят подобным глобальным тенденциям, по его мнению, весьма проблематично, поскольку революция сегодня никому не нужна, тем более, что революции всегда устраивают молодые, а при нынешней демографической динамике на Западе их просто слишком мало. Это не значит, что в современном обществе более нет места для радикализма, который будет стремиться свергнуть абсолютистский режим, возродив традиции республиканства. Однако Кузь призывает иметь ввиду, что путь к новому республиканскому устройству проходит через «длинную долину, наполненную постполитическим мраком».

Любопытную попытку осмыслить вопрос о том, почему в современном мире происходит переход от «либерализма» к «нелиберализму», выражаясь в нарастании тенденций к авторитаризму во многих странах мира, включая государства со старыми демократическими традициями, представляет собой, на наш взгляд, и публикация румынского исследователя Даниэля Дэяну (*Daniel Dăianu*) [19]. Автор, опираясь на накопленные в научном мире результаты исследований указанной выше проблематики, предлагает своего рода систематизацию тех объективных факторов, которые способствуют укреплению авторитаризма в современном мире.

Во-первых, это усиление вызовов современного мира, таких, как экономическая безопасность, международный терроризм, миграция, информационная безопасность, защита границ, изменения климата и т.п., которые все больше обуславливают необходимость использования средств прямого контроля над экономикой и обществом, в целом, находящихся «по ту сторону» институционального демократического управления. Во-вторых, экономический рост новых мировых игроков авторитарного типа, таких как Китай, Индия, которые в условиях глобализации оказывают возрастающее влияние на развитие социально-экономических процессов в мире. В-третьих, процессы

демократического развития быстрее и легче сворачиваются там, где авторитарные традиции тесно увязаны с особенностями национальной и религиозной самоидентификации. В-четвертых, ориентации масс на авторитаризм коренятся в особых психологических установках людей, опасующихся непрогнозируемых изменений, а также стремящихся, как правило, к стабильности общественных связей и отношений, к сохранению привычного образа жизни в рамках сообщества, члены которого обладают той же национально-культурной идентичностью. В-пятых, такие проявления глобализации, как социальная фрагментация населения и появление новых информационных технологий, которые значительно усиливают способность различных структур оказывать влияние на людей, вынуждают общество требовать у государства социальной защиты, что сопряжено с укреплением политики регламентации и ограничения, более свойственной авторитарному стилю правления. В-шестых, известен пример целого ряда успешных в экономическом отношении стран, главным образом азиатского региона (Тайвань, Китай, Южная Корея), которые добились экономического прогресса в сочетании с отсутствием политического плюрализма, когда институциональные образования представлены одной правящей партией. В-седьмых, в современном мире все более очевидным становится дисбаланс между экономическим развитием, с одной стороны, и общественно-политическим настроением общества, характеризующимся ненавистью и протестом по отношению к политическому истеблишменту. В-восьмых, тенденции к авторитаризму подпитывает отчаянное стремление к власти политических элит и их желание сохранить свое статус-кво, позволяющее предоставлять привилегии определенным заинтересованным группам.

В числе особых симптомов времени автор также указывает реакцию общественного отторжения традиционных партий в странах либеральной демократии, обусловленную рядом

причин: провальной общественной политикой последних лет, приведшей к усилению социального раскола; определенным «институциональным склерозом», поражающим не только менее развитые в экономическом отношении страны; своеобразием текущего исторического периода, в условиях которого новая индустриальная революция привела к соответствующему трансформированию политических элит, интересы которых далеко отстоят от интересов широких социальных групп.

Изучение процессов политического развития общества сквозь, ставшую уже привычной, призму идеи «глобального движения к демократии» привело к тому, что авторитаризм стал рассматриваться как архаичная форма общественно-политического устройства, изжившая свой век, способная все еще функционировать лишь в наиболее отсталых в социально-экономическом и политическом отношениях странах. Однако современные тенденции глобального развития доказывают не только живучесть подобной системы общественно-политического управления, но и ее функциональность в новом общественно-историческом контексте. Вместе с тем, следует понимать, что новые цивилизационные условия, обусловленные новыми глобальными тенденциями эволюции современного человечества, накладывают свой отпечаток на развитие политической сферы, превращая хрестоматийный вариант авторитаризма в «новый авторитаризм», под которым, по сути, понимают «авторитарный капитализм», более гибкий, многослойный и эклектичный.

Склонность к авторитаризму представляет собой одну из наиболее выраженных тенденцией современного глобального общественно-политического развития, в той или иной мере свойственную всему демократизирующемуся миру. Однако, если в странах старой демократии «новый авторитаризм» обнаруживает себя именно как «склонность», выраженная в отдельных проявлениях, то в так называемых «неоавторитарных режимах», включаемых *Freedom House* в общий рейтинг переходных

стран, тенденция к авторитаризму складывается в специфическую политическую систему, опирающуюся на неоавторитарные принципы правления. Поэтому специфические особенности «нового авторитаризма», безусловно, наиболее рельефно проступают в функционировании неоавторитарных режимов.

К числу неоавторитарных режимов, появление которых на карте мира относится к рубежу XX-XXI столетия, сегодня принадлежит целый ряд стран мира, расположенных в различных частях света (Евразия, Латинская Америка, Африка), попавших под глобальное влияние «волн демократизации», но со временем «сошедших с рельс». Наибольший интерес для нас, разумеется, представляет группа неоавторитарных режимов, образовавшихся из числа постсоветских стран. К указанной группе в настоящее время причисляют 9 стран постсоветского пространства, среди которых Белоруссия, Россия, Казахстан, Киргизстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан, Армения. Имея, после развала союзного государства, одинаковые с другими постсоветскими странами стартовые условия, отмеченные выше государства достаточно быстро перенаправили начавшийся на рубеже тысячелетий процесс демократизации на формирование и укрепление новых неоавторитарных режимов.

Понятно, что каждый из вновь сформировавшихся на постсоветском пространстве неоавторитарных режимов отличается свойственной только ему национальной спецификой. Вместе с тем, на фоне этой специфики, в функционировании постсоветских неоавторитарных режимов выделяется определенная совокупность типичных черт, свойственных для каждой из указанных стран, которые хорошо описаны в публикации российских авторов Нисевич Ю. А. и Рябова А. В. «Современный авторитаризм и политическая идеология» [20].

Постсоветские неоавторитарные режимы, по мнению авторов, различаются между собой по характеру правления на персоналистские, где правит авторитарная личность, и корпоратив-

ные, где власть осуществляют политико-экономические группы, в силу чего режимы носят олигархический характер. Тем не менее, их общая ключевая черта состоит в том, что правящие социальные группы и их лидеры представлены выходцами и/или прямыми наследниками бывшей советской партийно-хозяйственной номенклатуры.

В отличие от классических авторитарных режимов, неоавторитарные режимы, возникновение которых приходится на период «постидеологической эпохи», отходят от навязывания обществу «разработанной и ведущей идеологии». Тем не менее, идеология в указанных режимах все-таки сохраняет свое значение как «инструмент поддержания социального господства, самолегитимации режима», сплочения и мобилизации масс в его интересах и в соответствии с его политическими целями.

В идеологическом отношении, прежде всего, налицо полный разрыв с коммунистической идеологией, обеспечивавшей функционирование тоталитарного режима власти. Сформировавшись в эпоху развития глобальных процессов демократизации и будучи вынужденными адаптироваться к «вызовам современности», неоавторитарные режимы, в отличие от классических авторитарных режимов, являются менее цельными, более гибкими и всеядными, более эклектичными и многослойными в отношении идеологии.

Отличительная особенность неоавторитарных режимов состоит в дифференциации официальных, публичных идейно-ценностных установок от реально действующей латентной идеологии. С одной стороны, постсоветские неоавторитарные режимы в поисках международного признания открыто декларируют свою приверженность общепринятым демократическим стандартам, позиционируя себя в качестве сторонников универсальных ценностей прав человека. С другой – неофициально придерживаются своей собственной идеологии, базовой ценностью которой является достижение материального обо-

гащения и социального превосходства посредством использования публичной власти. Таким образом, реальную идеологию неоавторитарных режимов составляет «идеология коррупции», представляющая собой систему установок, направленных на использование полномочий и ресурсов публичной власти не по его прямому назначению, а для личного и группового материального и нематериального обогащения, и мотивирующих социальное и политическое поведение правящих слоев.

В силу того, что «идеология коррупции» является непригодной для мобилизации широких масс общества на поддержку правящего режима, инструментарием, направленным на обеспечение подобной поддержки, становится идеология построения национального государства, которая приобретает выраженную националистическую окраску и может носить как охранительный характер (защита от внутренних и внешних угроз), так и принимать форму идеологии развития и модернизации. Поэтому официальной идеологией неоавторитарных режимов по сути является идеология этатизма, позиционирующая государство на высшей ступени ценностной иерархии, на которой человек с его правами занимает низшую ступень. Апелляция к идеологии этатизма позволяет неоавторитарным режимам сконструировать приемлемое для масс обоснование необходимости сохранения и поддержки сформировавшихся режимов власти как гаранта обеспечения целостности национального государства.

В то же время, заметным становится стремление неоавторитарных режимов представить «идеологию коррупции» в качестве новой идеологии, обосновывающей законность власти «успешных людей». Среди правящих слоев все большую популярность приобретает идеологический конструкт, в котором неоавторитарное государство рассматривается как «государство-корпорация», как «бизнес-проект», позволяющий «новой меритократии» получать сверхприбыли.

С точки зрения институциональной основы, механизмов функционирования, поддержания и воспроизводства, неоавторитарные режимы в большинстве своем представляют собой режимы «электорального авторитаризма» (*Schedler, 2006; Levistky, Way, 2010; Morse, 2012*). Иными словами, такие режимы, которые, формируя институты власти, выстраивают «демократический фасад». Однако функционирование формирующихся демократических институтов, включая институт выборов, в подобных режимах всецело подчинено задачам сохранения и воспроизводства авторитарного правления [21].

В отличие от классического авторитаризма, где преобладают фиктивные «выборы без выбора» (Туркменистан), в режимах электорального авторитаризма выборы допускают политическую конкуренцию и потому имеют вполне реальное значение. В этой связи режимы «нового авторитаризма» носят соревновательный характер, что само по себе содержит серьезную угрозу правящей авторитарной власти, включая угрозу смены самого режима правления. Тем не менее, судя по глобальной тенденции развития современного мира, классический авторитаризм все-таки уступает место электоральному авторитаризму, допускающему политическую конкуренцию, что обусловлено рядом причин. С одной стороны, соревновательный характер механизма функционирования и воспроизводства политической власти обеспечивает решение проблемы внутренней и внешней легитимации неоавторитарных режимов. С другой – позволяет эффективно контролировать риски внезапного крушения правящего режима власти вследствие усиления внутривнутриполитических конфликтов.

Однако, отличаясь от классического авторитаризма, электоральный авторитаризм отличается и от режимов электоральной демократии, т.е. режимов, удовлетворяющих минимальным критериям демократичности. Таким критерием для режимов электоральной демократии является проведение конкурентных

многопартийных выборов, т.е. наличие института и обеспечение процесса всенародных выборов без учета уровня демократичности других политических институтов (критериев верховенства закона, разделения властей, наличия сильного гражданского общества, конституционализма, плюрализма, соблюдения прав человека и политических прав, свободы средств массовой информации и свободы убеждений) [8, с. 531]. Своеобразие электорального авторитаризма по отношению к электоральной демократии состоит в том, что неоавторитарные режимы, допуская конкурентные выборы, задают для электоральных конкурентов заведомо неравные «правила игры» формального и неформального характера, позволяющие обеспечивать победу представителей правящей власти, независимо от предпочтений избирателей: высокие входные барьеры, заведомо неравный доступ конкурентов к различного рода ресурсам, от медийных, до финансовых, систематическое использование административного ресурса на всех стадиях выборов, включая подсчет голосов.

Дистанция, отделяющая электоральную демократию от электорального авторитаризма, в «один шаг». По мере укрепления авторитарных тенденций развития, разделяющие их границы становятся все более размытыми. Тому пример большинство постсоветских стран, вступивших после победы демократических революций на второй путь демократизации, предполагающий движение от новой демократии к электоральной демократии, но в результате выраженных автократических тенденций пришедших к различным национальным вариантам электорального авторитаризма.

Очевидно, что к одному из таких вариантов в последние годы вплотную приблизилась и Республика Молдова, тем самым доказывая, что наша страна не стоит в стороне от глобальных тенденций развития, но, напротив, являет собой один из примеров, отражающих свойственные современному миру объективные процессы рождения нового типа авторитаризма.

Поэтому изучение данных процессов является, на наш взгляд, одной из наиболее актуальных исследовательских проблем отечественной политологии.

3.2. Авторитарный трэнд Республики Молдова

Общественно-политические процессы, происходящие в настоящее время в Республике Молдова, принято идентифицировать как демократическую модернизацию, разворачивающуюся в контексте реализации евроинтеграционных устремлений нашей страны [7]. Цели развития государства четко обозначены в ст. 1 Конституции Республики Молдова, где указывается, что Республика Молдова является демократическим правовым государством, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются [22, с. 19].

Ориентируясь в своем развитии на демократические, европейские ценности, принципы и цели, Республика Молдова движется уже более четверти века. За этот период, крайне малый в историческом плане, в стране произошли радикальные изменения как в институциональном, так и в политико-культурном отношении, которые привели к формированию нового общественно-политического климата, существенно отличающегося от предшествующего ему тоталитарного прошлого. Сегодня, подводя некоторые итоги, сложно уйти от ключевого вопроса: отмежевавшись от исторического прошлого, к чему Республика Молдова пришла в настоящем и удалось ли нашей стране достигнуть тех целей развития, которые так амбициозно были выдвинуты ею в начале 90-х годов минувшего столетия?

Анализируя ту общественно-политическую реальность, которая сложилась в Молдове к настоящему времени, приходится констатировать, что не все в стране «идет по плану». Все более

очевидным становится разрыв между декларативными идейными установками и целями – с одной стороны, и формирующейся в стране политической действительностью – с другой. На данный момент Республика Молдова продолжает оставаться «переходной страной», т.е. обществом, вовлеченным в процессы демократического реформирования политической сферы. Вместе с тем, наметившиеся в развитии страны тенденции сигнализируют об укреплении авторитарного начала в управлении ее общественно-политической жизнью.

О формировании авторитарных тенденций в общественно-политическом развитии Республики Молдова, вступившей в конце 1990-х годов на путь демократизации, аналитики серьезно заговорили еще в начале 2000-х гг., когда к власти, путем демократических выборов, пришла Партия Коммунистов. На этом этапе контурирование авторитарных тенденций, прежде всего, проявилось посредством действий власти, направленных на политическую маргинализацию оппозиции и возрождение административно-командных методов управления с превращением Президента страны в ключевую авторитарную фигуру политической жизни. Парламентские выборы 2009 года ознаменовались крутыми переменами в политической жизни страны, приведя к власти представителей оппозиционных сил проевропейской направленности. Однако произошедшие политические изменения не только не смогли нивелировать рост авторитарных тенденций, но, напротив, способствовали их дальнейшему усилению и укоренению.

То, в каком направлении политическая жизнь в нашей стране развивалась около двух последних десятилетий, хорошо видно из ежегодных Отчетов *Freedom House*, которые убедительно доказывают, что Республика Молдова с начала 2000-х годов уверенно эволюционировала в сторону неавторитаризма. Согласно международному рейтингу демократизирующихся стран, Республика Молдова на сегодняшний день представляет

собой одну из «частично свободных» переходных стран из ряда электоральных демократий. *Freedom House*, в то же время, идентифицирует политический режим, сложившийся в Республике Молдова как «гибридный режим», сочетающий в себе и черты демократии, и черты авторитаризма [23].

Причисляя Молдову к категории электоральных демократий, Отчеты *Freedom House*, вместе с тем, с каждым годом стабильно отмечают сужение «поля демократии» и разрастание «поля авторитаризма» в нашей стране. Согласно Отчету «*Freedom in the World 2019*», за последние 13 лет Международная мониторинговая организация зафиксировала общий регресс свободы в современном мире. Падение уровня свободы, в целом, выраженной в соблюдении политических прав и гражданских свобод, в той или иной мере, коснулось абсолютно всех стран мира, затронув как свободные, частично свободные, так и несвободные страны. Однако результаты мониторинга по Республике Молдова показали, что наша страна за указанный период стала одной из тех стран, которые потеряли больше всего позиций в указанном отношении, значительно ухудшив свои показатели в категории «гражданская свобода и состояние демократии» [24]. Так, только за 2018-2019 гг. Республика Молдова, согласно указанному мониторингу, потеряла в международном рейтинге свобод три пункта, получив в целом 58 пунктов из 100 возможных. Данные показатели все еще позволяют располагать Молдову на шкале демократии в категории полусвободных стран. В то же время, Молдова на сегодняшний день скатилась к самой границе между электоральной демократией и полуавторитарными режимами, будучи идентифицированной *Freedom House* в качестве страны, «с самым большим риском соскальзывания к авторитаризму» [25].

Представляется, что аналитики *Freedom House* даже проявляют некоторую сдержанность в оценках, возможно, руководствуясь некими стратегическими соображениями геополити-

тического характера, продиктованными стремлением сохранить Республику Молдова в «обойме» проевропейских стран. Однако имеют место и более жесткие оценки политической ситуации в Молдове, как со стороны международных, так и отечественных аналитиков. Одни признают факт установления в стране олигархического режима [26]. Другие полагают, что Республика Молдова в настоящее время представляет собой «обанкротившееся государство» [27, 28]. Третьи идут еще далее, утверждая, что Республика Молдова является «захваченным государством» [29]. Подобные характеристики указывают на то, что авторитарные тенденции, укреплявшиеся в стране год от года, привели Республику Молдова в новое качественное состояние, мало соответствующее статусу электоральной демократии.

Процесс «соскальзывания к авторитаризму» проявил себя целым рядом специфических маркеров, учитывая которые можно говорить о процессе постепенного установления в стране национального варианта полуавторитарного правления. Подобные маркеры особенно рельефно обнаружили себя как в сфере институционального правления, так и в области доминировавших идеологических установок политического режима, функционировавшего в Республике Молдова до Парламентских выборов 2019 года.

Согласно ст. 5 Конституции Республики Молдова, «никакая идеология не может устанавливаться в качестве официальной государственной идеологии» [22, с. 21]. Вместе с тем, осуществление политического управления в нашей стране, как и в других странах демократизации, с необходимостью опирается на определенную совокупность ценностей и установок. Республика Молдова, будучи, согласно ст. 1 Конституции, демократическим правовым государством [22, с. 19], официально является приверженцем концепции прав и свобод человека, составляющей идейно-ценностную основу современных западных обществ. Однако режим «соскальзывания к авторитаризму», реаль-

но сложившийся в стране в последнее десятилетие как результат властвования кланово-олигархических сил, сформировал и соответствующее ценностно-мировоззренческое обеспечение.

Подобно известным вариантам полуавторитарных режимов, функционирующим на постсоветском пространстве [20], властвовавший в Республике Молдова до Парламентских выборов 2019 года кланово-олигархический режим сформировал своеобразную идеологическую триаду. Указанный идеологический конструкт, с одной стороны, включает латентную систему установок, с другой – идеологию, распадающуюся на два блока идейно-ценностных представлений: один – для внутреннего, другой – для внешнего потребления. Международное признание действовавшему режиму власти все эти годы обеспечивала декларативная приверженность страны демократическим ценностям и соблюдению прав человека. Будучи участником основополагающих международных пактов о правах человека, Республика Молдова в лице ее официального руководства, тем самым, провозгласила свое служение человеку, его правам и свободам как главной социальной ценности. Последнее призвано демонстрировать приверженность молдавского общества миру современных западных обществ, мировоззренческой основой которых является концепция прав и свобод человека.

Цель другой идейно-ценностной компоненты, будучи рассчитанной на использование внутри страны, сводится к обеспечению мобилизации масс на поддержку правящего режима. Указанная конструкция обладает двояким характером: с одной стороны – опирается на идею демократического развития и модернизации, с другой – призывает к национально-культурному возрождению страны. Развертывание политической жизни в Республике Молдова уже около 30 лет идет под флагом демократического реформирования, что обеспечивает декларативную идеологическую поддержку со стороны широких масс,

как правило, ассоциирующих демократию с благосостоянием и процветанием. Поэтому все тяготы общественно-политического реформирования, по сути, обусловленные режимом «соскальзывания к авторитаризму», воспринимаются массами не более, как «издержки» демократизации, провоцируемые причинами исключительно субъективного, личностного свойства. В данном контексте возникающее недовольство масс в целом носит несистемный характер и как правило направлено против отдельных политических персоналий. В прошлом – это личность экс-президента В. Воронина, олицетворявшего собой попытку возродить прокоммунистическое прошлое. В последнее десятилетие – это личность экс-председателя Демократической Партии Молдовы, так называемого «олигарха №1», В. Плахотнюка, ассоциирующегося в общественном сознании с формированием феномена «захваченного государства». В этой связи, недовольство масс, прежде всего, несет угрозу потери власти для политических персоналий и тех политико-экономических кланов, которые они возглавляют, и в значительно меньшей мере самому режиму «соскальзывания к авторитаризму».

Другой мощный идеологический конструкт, направленный на обеспечение широкой политической мобилизации масс, опирается на проблему национально-культурной/геополитической идентичности населения Республики Молдова и связанное с ней видение путей дальнейшего развития страны. Проблема национальной идентичности с самого начала процесса демократического реформирования, исторически совпавшего с процессами становления Республики Молдова в качестве независимого суверенного государства, стояла на повестке дня молдавской политической жизни, что привело к культурно-политическому расколу внутри страны. Обострившееся в стране этнополитическое противостояние в свое время способствовало формированию таких идеологических конструктов как «молдовенизм» и «панромынизм», по-разному решающих не только проблему

национально-культурной идентичности, но и путей дальнейшего развития молдавской государственности. Установившийся в стране этнополитический раскол, порой умело нагнетаемый политическими оппонентами, в условиях обострения геополитического противостояния в мире вылился в раскол по геополитическому принципу, поделивший молдавское общество на сторонников западного, проевропейского, и восточного, пророссийского, векторов развития. Каждый раз, как только представителям политических элит, борющихся за власть, необходимо было обеспечить себе массовую поддержку, в ход неизменно шли указанные выше идеологические рычаги геополитического и этнополитического раскола. Подобные идеологические рычаги вынуждают простых людей, игнорируя свои «классовые» интересы, становиться под одни знамена с представителями олигархических кланов, ведущих борьбу за власть под предлогом политического противостояния тому или иному геополитическому вектору развития. Таким образом, энергия недовольства, вызванная усугублением бедственного положения народа в результате затяжных политических и экономических кризисов и готовая вылиться в социальный бунт, всякий раз умело обращается «вовнутрь», на борьбу широких масс между собой, способствуя, тем самым, «выпусканью пара» и, в то же время, сохранению властными структурами своего «статус-кво» [30, с. 71-80].

Вместе с тем, помимо публично демонстрируемых политическими элитами идеологических установок, в современном молдавском обществе прочно пустила корни такая ценностно-мировоззренческая система взглядов, как идеология коррупции, которая, изначально получив свое распространение в латентной форме, в последние годы стала все больше вырываться на поверхность, оформляясь в виде идеологии менеджмента и меритократии. На сколько глубоко указанная идеология проникла в сознание молдавского общества, от политических элит до представителей самых социально уязвимых слоев общества,

можно судить по Отчетам международной мониторинговой организации *Transparency International*, которые год от года сигнализировали об усилении коррупции в Республике Молдова как социального феномена. Так, согласно данным указанной организации, Республика Молдова в 2018 году в рейтинге Индекса восприятия коррупции (от 0 – «всеобщая коррупция» до 100 баллов – «полное отсутствие») получила 33 балла, заняв 117-е место среди 180 стран. В результате страна была отнесена к категории «гибридных режимов с авторитарными тенденциями», где коррупция широко распространена как на бытовом, так и на самом высоком, государственном уровне. Особое внимание эксперты обращают на феномен политической коррупции, свидетельствующий о подчинённости государственных учреждений узкой группе интересов [31].

Идеология коррупции, являясь реальной идеологией неоавторитарного режима, направленной на использование полномочий и административных ресурсов власти для собственного материального обогащения, глубоко проникла и на другие этажи социального конструкта, охватив собой все самые важные сферы общественной жизни, включая медицину, образование, судебную систему и прочие. Реагируя на рекомендации со стороны международных мониторинговых организаций о необходимости снижения уровня коррумпированности молдавского общества, властвовавшие в последние годы в Республике Молдова структуры объявили борьбу с коррупцией одним из наиболее приоритетных направлений политического развития страны. Однако развернутая властью борьба носила исключительно ситуативный, поверхностный характер, будучи направленной против частных случаев коррупции, и никоим образом не затрагивала глубинных факторов данного феномена, коренящихся в самом режиме власти, не только опирающемся на соответствующую идеологию, но и, благодаря своим действиям, способствующему ее укреплению в масштабах общества. Тому, в частно-

сти, свидетельствуют такие факты общественно-политической жизни последних лет, как: «кража миллиарда» из банковской системы Республики Молдова, расследование которой приняло вялотекущий и, по сути, безуспешный характер; принятие в 2017 году закона об амнистии капиталов, позволяющего легализовать средства мошеннического происхождения; изменение в 2018 году положения о предоставлении гражданства Республики Молдова в обмен на инвестиции, что увеличило риски отмывания денег на международном уровне и т.п. В данном контексте весьма показательным то, что «кража миллиарда» не вызвала большого общественного резонанса протестного характера, что сигнализирует о проникновении идеологии коррупции на самые нижние этажи социальной лестницы.

Отсутствие неприятия коррупции на уровне общественного сознания, и более того, готовность и даже желание широких масс быть коррумпированными со стороны власти способствуют оформлению латентной идеологии коррупции в публично заявленную идеологию меритократии и менеджмента. Наиболее отчетливо подобные идеологические установки молдавского политического класса проявили себя в контексте предвыборной кампании 2019 года, которая, как никогда прежде, вывела идеологию коррупции на поверхность. В частности, бизнесмен и политик И. Шор, председатель Политической партии «Шор», известный своей вовлеченностью в коррупционные скандалы и, в связи с этим, находящийся под следствием, призывал в своих обращениях к народу поддержать его кандидатуру как «удачливого менеджера», продемонстрировавшего свои управленческие способности в должности мэра г. Оргеев и свою «заботу о людях», материализовавшуюся в сети открывшихся в некоторых городах страны социальных магазинах и аптеках. В случае победы, политик обещал повторить накопленный управленческий опыт уже в масштабах всей страны, а также и далее щедро делиться полученными доходами с народом [32].

Те же идеологические установки, лишь, возможно, в более завуалированном виде, активно использовали в своей борьбе за власть и другие электоральные конкуренты, такие как Демократическая Партия Молдовы во главе с ее тогдашним председателем, бизнесменом В. Плахотнюком, а также Партия Социалистов Республики Молдова во главе с ее неформальным лидером – Президентом страны И. Додоном. Оба электоральных конкурента, представлявшие на момент Парламентских выборов 2019 года различные ветви публичной власти (законодательную и исполнительную), всю использовали административный ресурс с целью демонстрации «своих заслуг» и «позитивного опыта» применения их управленческих способностей. С одной стороны, на имидж электоральных конкурентов активно трудились благотворительные организации, такие как Фонд В. Плахотнюка «*Edelvais*» и Фонд Первой леди «*Din suflet*», щедро раздававшие подарки нуждающимся. С другой стороны, свой вклад в пропаганду идеологии менеджмента и меритократии призваны были вносить различные государственные программы, такие как «*Drumuri bune*», «*Prima casă*», различного рода государственные субсидии (пенсионерам, неимущим, детям) и т.п., а также демонстративные усилия со стороны Президента страны по продвижению молдавской сельскохозяйственной продукции на российский рынок и на защиту интересов молдавских гастарбайтеров в России. Демонстрация успехов в решении насущных проблем, волнующих простых людей, по большей части, представленная в форме благотворительности со стороны представителей власти, призвана была донести до широких масс идею о том, что управлять страной должны «успешные люди», так называемые «технократы» или «менеджеры», способные превратить современное молдавское государство в прибыльный «бизнес-проект», приносящий материальную и иную выгоду не только представителям властвующих политических элит, но и широким слоям общества.

Таким образом, идея «успешности» и «благонамеренности» стала играть ключевую роль в системе установок, навязываемых властвующими политическими элитами широким слоям общества, будучи призванной убедить электорат в «выгодности сделки» в случае их сохранения у кормила власти. При этом, идея демократического реформирования, а также идея национально-культурного возрождения ушли на второй план общественного внимания, в частности, не позволив представителям влиятельного ранее унионистского крыла пройти избирательный барьер. Парламентские выборы 2019 года показали и то, что идеология деолигархизации страны, принеся пропагандирующим ее политическим силам четверть голосов избирателей, выглядит в глазах обнищавшего населения несколько менее привлекательной, нежели идеология коррупции, сулящая простым людям определенные дивиденды от удачно «вложенных» голосов.

По всей видимости, молдавское общество в сложившихся политических условиях окончательно адаптирует идеологию патрон-клиентских отношений, в соответствии с которой избиратели рассматривают актуальных/потенциальных представителей власти, прежде всего, как своих патронов, т.е. облеченных полномочиями лиц, которым они доверяют собственную защиту, под покровительство которых они готовы встать. Однако подобный переход масс «под покровительство» не безусловен, но всегда предполагает демонстрацию осведомленности патрона/кандидата о проблемах избирателей и готовности их решать. Кроме того, кандидат должен продемонстрировать свое превосходство над электоратом в социальном статусе, без чего он имеет мало шансов на победу.

Склоняясь к патрон-клиентской системе ориентаций в политической сфере, массовый электорат превосходно осознает, что избираемый им кандидат для решения проблем избирателей непременно должен иметь доступ к соответствующим ресурсам:

властным, финансовым, материальным. Поэтому выбор электората, руководствующегося установками патрон-клиентской системы отношений, становится более прагматичным и менее идеологизированным. Сегодня молдавских избирателей интересует не столько личность политика, претендующего на властные полномочия, сколько его успешность как функционера в системе патрон – клиентских отношений. Поэтому нарушение моральных и этических норм со стороны кандидатов либо представителей властных структур, их вовлеченность в коррупционные схемы, возможная связь с криминальным миром – все это зачастую остается вне зоны внимания электората и мало учитывается в ходе принятия решений.

Наиболее массовую поддержку электората в рассматриваемой системе отношений может обеспечить лишь выполнение патронами принятых на себя обязательств по отношению к своему «клиенту», невыполнение которых закономерно влечет за собой ослабление данной поддержки, вплоть до отказа в доверии и выстраивания отношений с новыми патронами. Поэтому поддержка, нередко оказываемая электоратом уже хорошо известным политикам, личностные и профессиональные качества которых вызывают к ним крайне негативное отношение, вполне объяснима исходя из доминирующих в общественном сознании патрон-клиентских установок. Если клиентские отношения сохраняются и патроны демонстрируют свою готовность соблюдать негласные и неформальные договоренности, избиратели, в условиях тотального дефицита доверия к структурам политической власти, в целом, и к политическим лидерам, в частности, продолжают оказывать таким руководителям поддержку.

Подобные метаморфозы, происходящие в общественно-политическом сознании молдавского электората, хорошо видны на примере Парламентских выборов 2019 года. Так, Демократическая Партия Молдовы, руководимая политической личностью с самым высоким антирейтингом в стране, тем не менее, сумела

в короткий электоральный период переломить общественное мнение таким образом, чтобы не только получить чуть менее трети «голосов» избирателей, но и обойти в электоральном состязании своих оппонентов, сделавших главную ставку на борьбе с укрепившимся у власти олигархатом. В то же время, Либеральная Партия, около 10 лет находившаяся у власти в составе правившей в стране политической коалиции, потеряв рычаги власти в связи с политическими перестановками в Парламенте и перейдя в оппозицию, вместе с этим потеряла и доверие электората, отказавшегося поддержать ее на новых выборах.

Таким образом, можно утверждать, что в Республике Молдова отношения между различными политическими субъектами являются демократическими лишь по форме, однако по сути – это патрон-клиентские, этатистские отношения, которые плохо укладываются в рамки общества, опирающегося на демократические нормы и принципы и больше соответствуют неавторитарному режиму управления. Иначе говоря, несмотря на декларативную приверженность демократическим ценностям, именно указанный выше тип отношений получил свое укрепление в Республике Молдова на современном этапе ее развития. Причем клиентелистская модель отношений оказалась на данном этапе приемлемой не только для политических элит как наиболее практичная, позволяющая добиваться своих целей при сравнительно небольших затратах, но и для широких масс, будучи для них более привычной, простой и понятной, нежели отношения демократические. И в этом плане функционирование молдавской политической сферы все больше начинает походить на тот тип отношений, которые установились, в частности, в Российской Федерации – стране с консолидированным полуавторитарным режимом [20].

Если говорить об институциональном дизайне, то на сегодняшний день Республика Молдова представляет собой один из национальных вариантов, так называемой, «фасадной» или

«урезанной демократии» – системы власти, особенно характерной для стран молодой демократии «третьей волны» [33, с. 75-89]. В странах «урезанной демократии» выстроенная политическая система включает в себя все основные демократические институты, тем самым, создавая своего рода «демократический фасад» общества. Проблема заключается в том, что подобные институты оказываются слабо функциональными с точки зрения демократического развития.

В Республике Молдова формирование демократических институтов управления обществом относится к начальному этапу демократических перемен, стартовавших на рубеже последних десятилетий прошлого века. Данный этап страна прошла достаточно успешно с точки зрения процессов демократизации, что, в свое время, было высоко отмечено международными мониторинговыми организациями. Так, в соответствии с индексом *Polity VI*, Республика Молдова в 2006 году была признана одной из лидирующих постсоветских транзитивных стран и включена в группу консолидированных демократий, наряду с Болгарией и Румынией. В этой связи, опыт демократического реформирования нашей страны, несмотря на «отдельные трудности политической трансформации», на международном уровне стал преподноситься как «история успеха» [8, с. 530]. Это говорит о том, что на начальном этапе политического реформирования общества демократическая составляющая переходного режима власти Республики Молдова являлась преобладающей.

Однако со временем, по мере формирования нового политического класса, политические элиты, лишённые в создавшихся общественных условиях сколько-нибудь серьёзного контроля и давления со стороны широких масс общества, сравнительно быстро научились манипулировать демократическими институтами в собственных интересах, что привело к установлению в стране системы власти, идентифицируемой как кланово-олигархический режим внутриэлитной конкуренции.

Таким образом, в результате процессов демократического реформирования, осуществлявшихся в Республике Молдова, как и в большинстве стран постсоветского пространства, «сверху», укоренилась политическая система гибридного типа, формально отвечающая демократическим принципам, но, по существу, способствующая, прежде всего, продвижению интересов элит за счет укрепления авторитарных методов и приемов государственного управления.

Авторитарные тенденции присутствовали в управлении страной, преимущественно в латентной форме, с самого начала демократического реформирования, по мере укрепления новой системы власти лишь усиливаясь и нарастая. Представляется, что изначально тяготение политического руководства страны к авторитаризму было обусловлено теми навыками, которые ответственные лица вновь формирующейся системы власти приобрели еще в период тоталитарного прошлого. Ведь не секрет, что одной из наиболее характерных особенностей начального периода демократического реформирования в странах постсоветского пространства являлось то, что стартовавшие изменения осуществлялись бывшими партийно-номенклатурными кадрами, воспитанными предшествующей эпохой, отличавшейся доминированием административно-командных методов управления. Склонность власти к авторитаризму в лице новой «демократической номенклатуры» на начальном этапе демократизации общества была, по существу, генетически унаследованным качеством натуры политического управленца, своего рода «родимым пятном» предшествующей эпохи и потому тщательно скрываемым «недостатком».

С приходом во власть нового поколения политиков, сформировавшихся уже в контексте развития процессов социально-политического реформирования общества, склонность к авторитаризму не только не пошла на спад, но, напротив, оформилась в качестве отчетливой устойчивой тенденции. Это говорит о том,

что авторитаризм в политической жизни Республики Молдова не является ни случайным феноменом субъективной природы, связанным исключительно с личностью политического лидера, ни «издержкой» современного этапа политического развития, обусловленной трудностями демократического реформирования. В действительности, авторитаризм в Республике Молдова продуцирует и репродуцирует сама, установившаяся в стране, система «урезанной демократии», в конечном итоге эволюционировавшая в кланово-олигархический режим, который позволяет представителям власти использовать демократические институты для продвижения и защиты личных и групповых интересов. Авторитарный стиль правления, противоречащий демократическим принципам, перестал быть чем-то из ряда вон выходящим и потому недопустимым и предосудительным. Напротив, авторитарные приемы, использовавшиеся на различных уровнях власти в целях политической стабилизации, все больше стали подаваться обществу как примеры успешного и гибкого менеджмента.

Впервые в истории независимости Республики Молдова тенденции к авторитаризму приобрели ярко выраженный характер еще в начале 2000-х гг., когда в результате демократических выборов к власти пришла Партия Коммунистов. Стремление власти справиться с тотальным кризисом, поразившим страну на рубеже XX-XXI столетий и поставившим ее на грань гуманитарной катастрофы, оказалось тесно сопряженным с возрождением авторитарных методов управления, в значительной мере урезающих появившиеся в Республике Молдова в результате реформирования политической системы «ростки демократии». Это нашло свое проявление, прежде всего, в концентрации власти в руках правящей партии посредством маргинализации оппозиции и возрождения административно-командных методов политического руководства [34].

Авторитарный демарш власти оказался настолько явным и очевидным, что вынудил оппозиционные партии выразить свою коллективную озабоченность «опасностью установления в Республике Молдова авторитарного режима, нарушающего демократические нормы и принципы под вывеской европейской интеграции» и призвать общество к консолидации сил вокруг идеи демократического правового государства. Оппозиционные партии в своем обращении к общественности особое внимание сосредоточили на тех механизмах, которые стал использовать установившийся режим для сохранения и укрепления у власти: тотальный контроль над всеми ветвями власти, осуществляемый лично главой государства В. Ворониным; дискредитация и маргинализация оппозиции путем шантажа и запугивания, преследования политических лидеров, инициирования заказных уголовных дел и т.п.; ликвидация автономии местной власти путем усиления контроля и вмешательства органов центральной власти в дела местной администрации; установление тотального контроля над избирательным процессом путем продвижения в Центральную Избирательную Комиссию представителей правящей партии; манипулирование обществом путем подчинения деятельности неправительственных организаций, профсоюзов, творческих союзов интересам правящей власти; контроль над средствами массовой информации и, в частности, над средствами Аудивизуала путем избрания его руководства по политическому принципу, давление и запугивание независимой прессы; деградация деловой среды путем установления контроля и монополизации сферы бизнеса и т.п. По мнению авторов обращения, подобные методы правления, используемые рассматриваемым режимом власти, сопряжены с ущемлением прав человека и потому серьезно размывают основы демократии в Республике Молдова [35].

Понятно, что указанное Обращение оппозиционных сил, обвинивших прокоммунистическую власть в реанимации авто-

ритарных методов правления, прежде всего, было продиктовано политической борьбой за власть. Вместе с тем, верно и то, что ожесточенная борьба за власть не только вывела на поверхность, но и значительно усилила авторитарную составляющую транзитного режима Молдовы. Тем не менее, в рассматриваемый период демократическая составляющая гибридного режима в Молдове, по оценкам международных наблюдателей, все же являлась доминирующей.

В последнее десятилетие, несмотря на приход к власти в 2009 году иных политических сил, претендовавших на верность демократической идее и проевропейскому вектору развития, тенденции дальнейшего «урезания» демократии приостановлены не были. Напротив, демократическая деградация лишь набирала мощь, все более снижая положение страны в международном рейтинге демократичности и одновременно усиливая степень авторитарности политического режима. Так, согласно данным *Freedom House*, Республика Молдова, идентифицируемая международными экспертами в качестве полусвободной страны, и после 2009 года продолжила терять свои позиции в категории гибридных режимов. А к 2018 году переместилась на шкале демократичности на самую границу с режимами полуконсолидированного авторитаризма [36].

Исходя из результатов исследования *Freedom House* «*Freedom in the World 2019*», Республика Молдова на сегодняшний день представляет собой одну из стран мира, наряду с другими 18 странами, где состояние демократии и показатели свободы ухудшаются самыми быстрыми темпами. Лишь за 2018 год в рейтинге гражданских свобод и политических прав Молдова потеряла 3 балла по сравнению с 2017 годом, когда страна, соответственно, не досчиталась 4 баллов по сравнению с предыдущим, 2016 годом. Согласно данным, опубликованным в феврале 2019 года, Молдова набрала лишь 58 баллов из 100 возможных, таким образом, став еще менее свободной страной. В

стране, как можно судить по результатам мониторинга, стремительно снижается общий уровень демократичности. Согласно методологии *Freedom House*, рейтинг демократичности в 2018 году составил 4,93 пункта из 7 возможных пунктов, превратив Республику Молдова в страну с наиболее высоким риском «соскальзывания к авторитаризму» [24].

Схожего мнения придерживаются и эксперты *The Economist Intelligence Unit*, которые, следуя собственной методологии оценки индекса демократичности, приходят к выводу о высокой вероятности сближения Республики Молдова с группой неоавторитарных режимов. Сравнивая данные различных этапов политического развития в Молдове, эксперты показывают, что режим прокоммунистического правления (2001-2009) имел более высокий рейтинг демократичности (6,50) в 2006 году, чем пришедшее ему на смену проевропейское политическое руководство, набравшее в 2018 году 5,85 баллов, что свидетельствует о неуклонном углублении процессов демократической деградации в стране в течение последних лет [37].

Тестирование уровня демократичности политического режима в рамках методологии *Freedom House* осуществляется по семи показателям и оценивается по семибальной шкале, от 1 до 7, в порядке убывания демократии и нарастания авторитарных тенденций. Среди них: избирательный процесс, уровень развития гражданского общества, степень независимости СМИ, уровень демократичности правительства и местных властей, эффективность и независимость судебной системы и уровень коррупции. Если по общим показателям уровня демократичности Республика Молдова, обладающая «самым высоким риском соскальзывания в авторитаризм», сегодня все еще удерживается на границе с режимами полуконсолидированного авторитаризма (от 5 до 6 баллов), то согласно отдельным маркерам страна уже достаточно глубоко погрязла в авторитаризме.

Удерживаться в категории гибридных стран Республике Молдова, согласно оценкам *Freedom House*, пока позволяет соревновательный характер электоральной системы, а также относительное соблюдение основных гражданских прав и свобод. В отчете «Страны переходного периода – 2018» наиболее высокие показатели Республика Молдова продемонстрировала в области развития гражданского общества (3,25) и электорального процесса (4). В то же время, в таких важных областях, как борьба с коррупцией (6), демократическое управление на национальном (5,75) и местном уровнях (5,50) Молдова показала наихудшие результаты. Не лучше дела обстоят и с независимостью средств массовой информации (5,00), деятельность которых в условиях Республики Молдова обусловлена высокой степенью монополизации, а также с независимостью судебной системы, функционирование которой значительным образом подчинено интересам власти (5) [38]. При этом главной причиной снижения уровня демократии в Молдове эксперты считают ухудшение показателей «эффективность и независимость судебной системы», равно как и высокий уровень коррупции на государственном уровне, а также усиление связей между политическими партиями и экономическими интересами, что разъедает основы демократической системы изнутри [39].

Очевидное усиление авторитарных тенденций развития в итоге привело к тому, что за Молдовой, в том числе и благодаря оценкам некоторых представителей европейских политических структур, таких как Турбьерн Ягланд (*Thorbjørn Jagland*) – генеральный секретарь Совета Европы, закрепился статус «обанкротившегося», «захваченного государства» [40]. А вот что, к примеру, заявляет, оценивая политическую ситуацию, сложившуюся в нашей стране, румынский аналитик Иляна Ракеру (*Ileana Racheru*), эксперт по развитию на постсоветском пространстве, сотрудник международного центра *Experts for Security and Global Affairs*. Республика Молдова, по мнению

автора, является на данный момент «обанкротившимся государством», как на институциональном, так и на экономическом уровне, где мир политики и мафия повязаны общими делами. По сути, Республика Молдова стоит на пути построения авторитарно-олигархического режима, опирающегося на коррумпированность институциональной системы [41].

Таким образом, как можно видеть, демократическая деградация существенно затронула все основные политические институты страны, включая другие важнейшие инструменты демократического управления. Однако главным симптомом того, что Республика Молдова вплотную подошла к некоей «красной черте», отделяющей ее от ряда неоавторитарных режимов, стала заметная деградация института выборов в системе политического управления. Институт всенародных, конкурентных и многопартийных выборов является ключевым для режимов электоральной демократии, которые, как правило, не принимают во внимание демократичность иных политических институтов и могут не удовлетворять таким критериям как верховенство закона, разделение властей, наличие сильного гражданского общества, конституционализм, плюрализм, соблюдение прав и свобод человека, свободы средств массовой информации и убеждений.

В Республике Молдова, по сравнению с другими постсоветскими странами (помимо стран Балтии), имевшими схожие стартовые условия демократического реформирования, роль выборов в развитии политико-властного процесса сохранялась высокой на протяжении практически всего рассматриваемого периода развития. В этом отношении лишь Украина приближалась к молдавскому опыту, где роль выборов была признана аналитиками «достаточно высокой» [42]. Это значит, что несмотря на имевшие место, те или иные, проявления авторитарности в режиме властвования, возникавшие между политическими конкурентами внутриэлитные конфликты, тем не менее, получали свое разрешение в контексте электоральной борьбы, влияя, тем

самым, на персональный состав высших органов государства и, следовательно, обеспечивая его обновление.

Однако эволюция политических процессов в сторону усиления авторитарных составляющих властвовавшего политического режима, в итоге с необходимостью отразилась и на значимости выборов, существенно ограничив их роль как фактора политического развития [7, с. 126-153]. Огромное влияние на результаты выборов в Республике Молдова всегда, прежде всего, оказывалось посредством манипулирования общественным мнением и подкупа избирателей. Однако в последние годы указанный набор «инструментов» был дополнен посредством стимулирования развития массового «политического туризма», сопряженного с переходом депутатов уже избранного Парламента из одной фракции в другую или созданием новых фракций в рамках уже действующего Парламента, а также с изменением политической принадлежности народных избранников местных органов власти. Указанный феномен, в частности, позволил радикально изменить изначальный расклад сил, сформировавшийся после Парламентских выборов 2014 года. В итоге не электоральный процесс, предполагающий открытую политическую конкуренцию политических элит в борьбе за власть, а именно «политический туризм», стимулируемый различными методами, дал возможность Демократической Партии Молдовы между выборами увеличить количество контролируемых мандатов с 19 до 42 единиц. Это, а также установление контроля над другими мелкими фракциями, сформировавшимися уже после парламентских выборов 2014 года, позволило Демократической Партии изменить политическую ситуацию в стране в свою пользу. Сконцентрировав подобным образом практически всю полноту власти в своих руках, Демократическая Партия добилась контроля над всеми ее ветвями: законодательной, исполнительной, судебной.

Одной из форм проявления подобного контроля стало принятие в 2017 году, по инициативе правившей на тот момент Демократической Партии, новой Избирательной системы смешанного типа, призванной обеспечить реализацию интересов властных структур по сохранению власти. Смешанная избирательная система стала уже третьей по счету попыткой политических элит адаптировать избирательный процесс к интересам власти. Несмотря на критику со стороны международных экспертов, предупреждавших о ее дискриминационном характере по отношению к более слабым в экономическом отношении электоральным конкурентам [43], смешанная избирательная система, тем не менее, не только была принята, но и прошла апробирование в контексте Парламентских выборов 24 февраля 2019 года, обеспечив ее инициаторам, а также Партии Социалистов, поддержавшей в Парламенте указанную законодательную инициативу, наибольшие результаты (соответственно, 30 и 35 мандатов).

Однако настоящим испытанием электорального процесса на его демократичность стали местные выборы, прошедшие в г. Кишинэу в 2017 году и принесшие победу в электоральном состязании на должность примара представителю оппозиционных сил А. Нэстасе. Впервые в истории независимой Молдовы результаты имевших место демократических выборов, признанных международными наблюдателями в целом корректными и свободными, не были признаны судебной инстанцией в силу имевших место в день выборов незначительных нарушений электорального законодательства со стороны кандидата, которые не могли иметь решающего значения для конечных результатов. Подобный инцидент, связанный с непризнанием в судебном порядке результатов демократических выборов, был воспринят многими аналитиками как доказательство глубокой деградации режима демократии в Республике Молдова и окончательного впадения страны в авторитаризм. В установившемся безраздельном контроле политических структур над исполне-

нием закона, по сути, позволяющем установившемуся в стране режиму власти игнорировать волю народа, эксперты усматривают явный симптом грубого нарушения принципов правового государства, сигнализирующий о «сворачивании» в стране демократических процессов и ее выходе из зоны электоральной демократии [44, 45].

Иными словами, политические элиты, властвовавшие в стране до Парламентских выборов 2019 года, попытались поставить под свой контроль и институт выборов, по существу, превратив его в инструмент, способствующий сохранению власти и упрочению установившегося политического режима. Поэтому в создавшихся условиях осуществление принципа свободных демократических выборов в Республике Молдова стало весьма проблематичным. А это значит, что несмотря на допущение в стране конкурентных многопартийных выборов, в действительности институт демократических выборов в последние годы существенно деградировал, утратив существенное значение для определения политического курса страны и, тем самым, трансформировав политический режим, формирующийся в Республике Молдова, в, так называемый, режим электорального авторитаризма.

Может показаться, что результаты Парламентских выборов, прошедших в Республике Молдова в 2019 году, опровергают этот вывод, поскольку последовавшие за ними изменения в политической жизни страны привели к падению предшествующего режима власти. Однако, как нам представляется, «опрокидывающий эффект выборов» стал возможен не столько в результате «протестного» волеизъявления народа, сколько благодаря рациональности определенных политических игроков, вошедших в нынешний Парламент и сумевших, вопреки существенным разногласиям идеологического и геополитического плана, договориться о совместных действиях, направленных против установившегося в стране политического правления. Поэтому

основную роль в смене режима власти сыграли, на наш взгляд, не столько результаты выборов, исход которых был во многом predetermined правившей на тот момент Демократической партией Молдовы, сколько формирование новой политической реконфигурации сил в молдавском Парламенте, в значительной мере обусловленное факторами геополитического значения.

Подводя некоторые итоги, в целом, приходится согласиться с мнением международных экспертов *Atlantic Council*, высказанным в докладе «Стратегия для Молдовы», представленного в Вашингтоне в рамках дискуссионной платформы, посвященной обсуждению хода реформ в нашей стране: в Республике Молдова на современном этапе все более контурируется модель государственного управления, характерная для подавляющего большинства стран постсоветского пространства, которая, уводя страну в сторону от демократического пути развития, по существу, ведет ее к установлению квази-авторитарного режима, управляемого олигархами [46]. Следует признать, что осознание сложившейся политической реальности как для исследователей, так и для широкой общественности, с необходимостью сопряжено с ее оценочным анализом, формирующим, по большей части, негативное эмоциональное отношение к феномену авторитаризма как таковому. Дело в том, что молдавская общественность за годы демократического реформирования привыкла считать идею демократии, зачастую идентифицируемую с экономическим благополучием, глобальной культурной целью развития человечества, представляющей собой наиболее предпочтительную модель политического режима по отношению ко всем имеющимся у стран историческим и будущим альтернативам. В этой связи демократия как политический идеал в общественном сознании продолжает оставаться бесспорной политической ценностью, в то время, как отступление от указанного идеала квалифицируется как выход за рамки политической «нормальности», требующий корректировки в соответствии

с намеченной ранее целью. Отсюда вытекает тот негативизм, с которым общественное сознание воспринимает сам термин «неоавторитаризм» в его применении к оценке политической жизни Республики Молдова, пряча свое неприятие складывающейся реальности за более мягкой формулировкой – «страна развивается не в том направлении» и теоретически полагая, что это – «плохо».

Однако на практике молдавское общество в своей основной массе уже давно, посредством своей пассивности, демонстрирует не только терпимость по отношению к укрепившейся в стране модели политического режима, все более эволюционирующего в сторону неоавторитаризма, но и страстное желание обрести в лице государства и его руководящих лиц «заботливого отца» и, по сути, сильного и успешного авторитарного лидера [47]. К этому людей толкает также крайнее недоверие к демократическим институтам и высокий уровень бедности, что, по мнению экспертов, существенно подпитывает риски дальнейшего укрепления в стране авторитарного режима [48]. Поэтому можно утверждать, что «соскальзывание в авторитаризм» находит свое проявление в Республике Молдова не только на уровне политических элит, но, что крайне важно, и на уровне широких слоев общества, лишенных социальной энергии протеста и скорее готовых терпеть актуальное положение дел либо покинуть страну, нежели втягиваться в политическую борьбу за лучшее будущее.

Подобные метаморфозы, происходящие в настоящее время в общественно-политической жизни страны, вынуждают некоторых аналитиков по-новому интерпретировать ставшие уже привычными вещи и оценки. В частности, любопытство вызывает позиция американского эксперта международной организации *Jamestown Foundation* румынского происхождения В. Сокора (*V. Socor*), считающего, что дела в Республике Молдова обстоят хуже, чем в Беларуси и Азербайджане, полагая, что «слиш-

ком много демократии вредит» и что в настоящее время в целях выхода из кризиса страна нуждается в установлении режима «просвещенного авторитаризма», подобного режиму Лукашенко [49]. Данная точка зрения применительно к оценке ситуации в Республике Молдова, по сути, приветствующая «соскальзывание в авторитаризм», пока является уникальной для нашей страны и потому вызывающей шквал неприятия со стороны отечественных аналитиков, усматривающих в ней исключительно проявление интересов геополитического характера, отражающих стремление крупных мировых держав в укреплении своего влияния посредством поддержки управляемых авторитарных режимов.

Действительно, в геополитическом плане, стабильность и предсказуемость режимов власти, контролируемых извне влиятельными игроками «демократического мира», становится в настоящее время наиболее предпочтительной глобальной ценностью, что делает многие из существующих неоавторитарных режимов более защищенными с точки зрения международной легитимации. Однако если даже геополитический фактор и играет существенную роль в стабилизации некоторых режимов неоавторитаризма, тем не менее, он все же не является решающим для их эволюции. Следует признать, что сегодня человечество вступило в такой этап исторического развития, когда демократия отступает, высвобождая место для новых форм и моделей политического устройства общества, наиболее соответствующих специфике нынешнего общественного существования, каковой, возможно, и является «новый авторитаризм». И в этом отношении актуальная политическая практика Республики Молдова, по всей видимости, не есть исключение из общего цивилизационного ряда, а лишь одно из специфических национальных проявлений глобальной тенденции эволюции человеческого сообщества, пробивающей себе путь сквозь различные формы институционального дизайна.

О том, к чему приведет смена политического правления в Республике Молдова, произошедшая после Парламентских выборов 2019 года под лозунгом деолигархизации страны, безусловно, говорить еще рано. Тем не менее, трудно поверить, что создавшаяся на сегодняшний день в стране политическая ситуация сможет повернуть вспять те общественные процессы, которые являются лишь частью современного глобального развития человеческого сообщества. В этих условиях остается лишь надеяться на то, что эволюция указанных процессов в нашей стране не примет крайне жесткий, репрессивный характер.

В переломные этапы жизни человеческого сообщества, характеризующиеся эволюционными стрессами, концентрация власти и силы выступает не только неизбежным, но и необходимым инструментом выживания [50, с. 13]. Нынешнее человечество уже вступило в подобный этап. И если дело обстоит именно таким образом, другого выхода нет, как только стремиться сделать наступающий «неоавторитаризм» более «просвещенным», т.е. более лояльным к соблюдению прав человека – основной демократической ценности.

3.3. Массовый электорат Республики Молдова как человеческий субстрат развития политических процессов

Развитие общества представляет собой объективно-исторический процесс, прокладывающий свой путь через субъективную деятельность людей. В этой связи, траектория общественного развития никогда не идет по прямой восходящей линии, но скорее напоминает зигзагообразную кривую, которая фиксирует как взлеты, так и падения, а также отклонения от генеральной линии прогресса и возможные возвраты назад. Подобная неравномерность и нелинейность общественного развития в той или иной мере характерна для любого общества, на любом этапе его

развития. Однако лишь в условиях демократизации, превращающей широкие массы людей в активного участника политических процессов, роль субъективного фактора возрастает на столько, что делает само функционирование политической системы полностью зависимым от характера участия граждан в политике.

Идеальная модель демократии, представляющая собой некую глобальную культурную цель развития современного человечества, предполагает в качестве субъективного субстрата политических процессов активное, политически зрелое общество, принимающее участие в политике в самых различных формах ее проявления: от участия в выборах – до непосредственного участия в формировании политической повестки дня. Однако, как показывает общественно-исторический опыт, процессы демократизации, разворачивающиеся в современном мире, все больше удаляют демократический мир, включая его наиболее развитые страны, от демократического идеала, сказываясь не только на характере функционирования политических институтов, но и на качестве вовлеченного в эти процессы «человеческого материала». Иными словами, объективно-историческая логика развития политических процессов постиндустриального, глобализирующегося мира с необходимостью затрагивает и тот человеческий субстрат, который призван приводить в действие весь самый сложный механизм демократического управления. Применительно к Республике Молдова, таким образом, следует учитывать, что в условиях радикальных демократических перемен вместе с модификацией институтов управления обществом происходят существенные изменения и самого «человеческого фактора», вовлеченного в процессы перемен.

Если исходить из идеального конструкта демократии, подобные перемены, сопряженные с демократическим развитием общества, должны с необходимостью вести к формированию культуры демократии, а, следовательно, и специфического типа

личности в качестве ее носителя. Указанный тип личности должен характеризоваться установкой на активную жизненную позицию, гибкостью и открытостью мышления, неконвенциональностью, терпимостью к инакомыслию, способностью к компромиссам, приоритетом рационального начала в выборе политической позиции, признанием людей равными. Подобный тип личности, характеризующийся приверженностью к демократическим ценностям, и должен обеспечивать поддержку демократических реформ в обществе. Это тот тип личности, который, условно говоря, призван стать необходимым «субъективным субстратом» демократических перемен, а также основным гарантом их успешности. Успешное становление демократических институтов невозможно в общественной среде, где демократические ценности носят лишь декларативный характер и идут вразрез доминирующему типу личности, опирающемуся в своей обыденной практике преимущественно на патриархально-подданические установки.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что вместе с все большим превращением демократических институтов в инструменты манипулирования демократией, существенно снижается и политическое качество человеческого материала, задействованного в процессах демократического реформирования: как политических элит, преследующих по большей части узко корпоративные интересы, так и широких масс электората, позволяющих превратить себя в объект манипулирования со стороны политического класса. Общественно-политические перемены, происходящие как в мире, в целом, так и в нашей стране, в частности, решающим образом сказываются на положении человека в общественной системе, а также на его самооценке и самочувствии, на переосмыслении многих традиционных ценностей и установок, исходя из актуальных тенденций общественного развития. Подобное переосмысление, лежащее в основе человеческих поступков, становится важной детерминантой

качества человеческих взаимоотношений и взаимодействий в самых различных сферах общественной жизни, включая политическую. Необходимо признать, что перемены, происходящие в политической сфере Республики Молдова, вопреки ожиданиям, все эти годы лишь способствовали закреплению за массами простых людей роли наблюдателя.

Почему же, получив в начале перемен уникальный шанс построения общества на принципах свободы и демократии и поначалу активно окунувшийся в данный процесс с надеждой и эйфорией, молдавский электорат в итоге, по существу, смирился со своей ролью наблюдателя за происходящими в политической сфере переменами. Ответ на данный вопрос следует, на наш взгляд, прежде всего, искать в том, глубоко травмирующем качестве человеческого материала, общественном контексте, который стал обнаруживать себя достаточно явно тогда, когда демократическая эйфория, вызванная началом перемен, постепенно стала сходить «на нет».

Анализируя процессы демократизации, охватившие на рубеже веков посткоммунистические страны, международные аналитики, в частности, особо отмечают тот «опасный вакуум» политических институтов и ценностей, который оставляет за собой «коллапс однопартийных коммунистических государств». Новый режим следовало установить быстро и организованно. Однако особенная трудность посткоммунистических режимных изменений заключалась в необходимости тройной трансформации: от однопартийного коммунистического государства к плюралистической демократии, от коллективной командной экономики к экономике свободного рынка и, наконец, от коммунистического общества к открытому обществу. Историческая необходимость в тройной трансформации потребовала полномасштабной деконструкции трех областей – политики, экономики и социальной сферы, а также одновременного строительства демократии, новой экономики и нового общества. В результате

миллионы граждан оказались под колоссальным давлением; тройная трансформация породила стресс, имевший очень глубокие, катастрофические последствия для населения [8, с. 528].

В настоящее время, по прошествии около трех десятков лет с начала радикальной общественно-политической трансформации в странах постсоветского пространства, полученный в начале перемен стресс полностью еще не изжит. Особенно это касается тех, кто не сумел вписаться в новые общественные отношения и сохранить свой прежний высокий социальный статус, кому вместе с разрушением старого строя жизни пришлось существенным образом пересмотреть отношение к самому себе и другим людям. В этой связи живучесть ностальгических настроений во многих постсоветских обществах представляется далеко не случайной. Вместе с тем, разлитое сегодня в «обществах перемен» состояние стресса имеет под собой не только исторические корни, связанные с крахом прежней системы социально-политических и экономических отношений. Затяжные политические и экономические кризисы, которые характеризуют функционирование большинства политических режимов реформирующихся постсоветских стран, становятся другим, перманентным источником, продуцирующим состояние социального стресса и страха, который поражает все социальные слои общества, держа их в напряжении и фрустрации.

Кардинальные общественно-политические перемены всегда сопряжены с процессами переосмысления обществом доминирующих ценностей и целей развития, с формированием новых установок и ориентиров. Многие исследователи, анализирующие общественную ситуацию, связанную с радикальными переменами на постсоветском пространстве, сходятся во мнении, что «своеобразная постсоветская ситуация» породила соответствующего «субъекта постсоветского развития и преодоления советского опыта». Это – «субъект периода разложения», медленно, болезненного и противоречивого разложения тоталитарного

режима, своего рода «*homo postsovieticus*», представленный вполне реальными, живыми людьми, охваченными неким «фантомным состоянием», вынуждающим их сознание продолжать относиться по-родственному к миру, которого больше нет [51, с. 516]. Все на что способен подобный «субъект» – это имитационная деятельность, которой все и исчерпывается, когда то, что имитируется, не становится неотъемлемой частью собственного репертуара мышления и поведения, а также практик, нравственных норм, идей, привычек и т. д. Поэтому ждать от «субъекта разложения» продуктивной социальной деятельности пока не приходится [51, с. 515-516].

Состояние кризиса общественного сознания особенно удачно описал П. Штомка в своей теории «социальной/культурной травмы», указывая на неправомерность идеализации социального изменения как бесспорно положительного, способствующего исключительно прогрессу [52, с. 6-16]. Попутно отметим, что в интеллектуальной среде Республики Молдова пока доминирует именно подобный подход, опирающийся на идеализацию самого процесса демократического реформирования.

Проанализировав опыт XX века, в невероятном масштабе сконцентрировавший социальное изменение, П. Штомка обратил особое внимание на его теневую сторону, а именно, на те боль и страдания, которые оно несет. По мнению автора, неожиданное и радикальное социальное изменение ведет к формированию у агентов социального взаимодействия специфического патологического состояния, по сути, к «социальной/культурной травме». Травматические изменения чаще всего оказываются неожиданными для общества, вызывающими изумление, шокирующими людей. На фоне этих изменений возникает культурная дезорганизация и дезориентация, что приводит к возникновению симптомов травмы.

Общая характеристика состояния травмы заключается в ощущении «нарушения нормальности». П. Штомка объясняет

болезненное восприятие агентами социального изменения природным тяготением человека к порядку, привычке, повторяемости, продолжительности, стандартизации, предсказуемости, само собой разумеющемуся. Этим удовлетворяется стремление человека к экзистенциальной безопасности. Состояние травмы с необходимостью формируется как результат раскола, смещения, дезорганизации в упорядоченном, само собой разумеющемся мире.

Травма, как многие другие социальные состояния, – одновременно объективна и субъективна. Она обычно коренится в реальных феноменах, но не проявляется до тех пор, пока ее не увидят и не дадут ей некое определение. Важно другое – явление, обозначенное как травма, вызывает ответные реакции («совладание – *coping* – с травмой»), основанные на способности агентства к дальнейшему социальному изменению. Травматические события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, меняют, часто трагически, жизненный мир людей, их модели поведения и мышления.

П. Штомка выделяет три сферы проявления травмы в резко и внезапно изменяющемся обществе. В этой связи, возможны три типа коллективных социальных травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемии, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и так далее. Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию. Примеры травмы структуры – политическая анархия, нарушение экономического обмена, паника и дезертирство воюющей армии, нарушение и распад семьи, крах корпорации и т. п. Третье проявление последствий травмы заключается в ее воздействии на культурную ткань общества. Такая травма, с точки зрения П.

Штомка, наиболее важна, потому что она, как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени, при благоприятных условиях, проявляя себя.

Симптомы социальной/культурной травмы на сегодняшний день рельефно обнаруживают себя в современном молдавском обществе во всех трех сферах, выделенных П. Штомкой. В демографической сфере травма, поразившая молдавское общество как результат его кардинального социально-политического реформирования, стартовавшего в конце прошлого столетия, действительно проявляет себя, как это и описывал П. Штомка на примере Польши, посредством общей биологической деградации коллективности. Об этом красноречиво говорят данные, представленные в различных государственных Отчетах о состоянии общества, которые свидетельствуют об ухудшении состояния здоровья населения, в том числе, о росте психических расстройств и случаев суицида, о высоком уровне миграционного оттока населения из страны, о снижении рождаемости и всплеске смертности, об общем ухудшении качества жизни в Республике Молдова.

Наиболее очевидно биологическая/демографическая деградация проявляет себя в снижении уровня рождаемости и превышении смертности над рождаемостью, что поддерживает в стране устойчивую динамику естественной убыли населения и его одновременного старения [53, с. 15]. Согласно статистическим данным, за последние десятилетия число молодых людей в возрасте до 18 лет сократилось на 447.485 человек, что означает, что, к примеру, в 2016 году количество молодых людей стало меньше на 40 процентов по сравнению с 1998 годом. Убыль населения связана также с усилением миграционных процессов. В настоящее время Республику Молдова ежедневно покидают

до 106 граждан, позиционируя нашу страну на третьем месте в мире по темпам миграционной убыли населения [54].

Сейчас численность населения, постоянно проживающего в Молдове, по некоторым данным, составляет лишь немногим более чем в 1959 году. Тогда население составляло 2 миллиона 879,4 тысячи человек. Для сравнения, в 1970-м в Молдове проживали 3 миллиона 569,8 тысячи человек, в 1979-м – 3 миллиона 949,8 человек, в 1989-м – 4 миллиона 335,4 тысячи, в 2004-м – 3 миллиона 383,3 тысячи человек. В настоящее время, согласно данным Национального бюро статистики, обнародованным 21 марта 2017 года, население Молдовы сократилось до 2 миллионов 998 тысяч 235 человек. Данные также указывают на то, что в стране сократилось число трудоспособного населения (16 лет – 61 год). Если в 2004 г. их число составляло 63,9%, то к 2014-му г. оно сократилось до 63,1% от общей численности населения Молдовы. При этом с 14,8% до 18,5% увеличилось количество тех, чей возраст превышает 61 год, а с 23% до 18,4% уменьшилось число жителей, чей возраст младше 16 лет [55].

Таким образом, возрастная структура населения страны за период реформирования сдвинулась в сторону пожилых возрастов. Причем доля этой категории будет расти и в дальнейшем вследствие низкой рождаемости и старения большого числа населения старшего трудоспособного возраста. Согласно прогнозам экспертов, тенденция старения населения Молдовы приведет к тому, что в 2030 году численность лиц, достигших 60 лет и выше, может достигнуть цифры в 23% от общей численности населения, по общему объему сравнявшись с возрастной категорией лиц 20-39-летнего возраста. В то же время, эксперты предвидят углубление тенденций депопуляции страны, предполагая, что общая численность населения к указанному периоду может сократиться на 21% [56, с. 76].

Наблюдающееся в Республике Молдова старение населения с необходимостью сказывается на развитии политической сферы.

Сложившаяся на сегодняшний день демографическая структура общества, характеризующаяся увеличением доли пожилых людей и сокращением численности его молодого крыла, находит свое соответствующее отражение в электоральных списках. Тот факт, что население от 60 лет и выше представлено в указанных списках достаточно большим массивом заведомо увеличивает влияние на политику страны маргинальных в демографическом отношении слоев общества, тем более, что возрастные группы населения уже традиционно проявляют наибольшую электоральную активность.

Участие различных демографических слоев населения в выборах моделирует политику «на входе» в политическую систему в зависимости от их отношения к политике, и, в то же время, вынуждает политику принимать специфические конфигурации, соответствующие качеству запросов массового электората, «на выходе». Понятно, что, если доминирующие в демографической сфере тенденции старения останутся неизменными, влияние возрастного населения на политику страны будет только возрастать, все больше усиливая дисбаланс интересов различных демографических групп, которые призваны отражать органы политического управления обществом в своей политике. Отражая в концентрированном виде складывающийся в обществе демографический расклад, политика страны и далее будет развиваться в русле интересов маргинализованных в демографическом отношении слоев населения, для которых наиболее актуальными ценностями выступает стабильность общественного развития и социальная защищенность.

Симптомы травмы не менее очевидны и в социальной сфере жизни современного молдавского общества, для которого начавшееся на исходе прошлого века изменение, выраженное в форме демократического реформирования и перехода хозяйственной жизни на рельсы рыночной экономики, стало, прежде всего, нарушением устоявшихся ранее социальных связей и отношений.

Переход общества к хозяйствованию на принципах рыночной экономики для Республики Молдова ознаменовался процессом стремительного разрушения прежнего промышленного и сельскохозяйственного потенциала, утратой традиционных хозяйственных связей, экономическим перепрофилированием страны с превращением ее в рынок сбыта товаров зарубежного производства, ростом безработицы, изменением своего положения в международном разделении труда и превращением ее в экспортера дешевой низко квалифицированной рабочей силы и т.п. Радикальные перемены в экономической жизни страны опрокинули устоявшуюся прежде социальную стратификацию молдавского общества и, вместе с тем, способствовали глубокой деформации его актуальной социальной структуры.

В результате стартовавших кардинальных перемен молдавское общество оказалось непосредственно втянутым в глобальные процессы «демассовизации» (*Тоффлер, 1973*), представляющей собой принципиально новую общественную ситуацию, радикально отличающуюся от массового общества. Подобная ситуация, будучи связанной с разрушением массового индустриального производства, в социальном плане, с одной стороны, привела к атомизации общества, к разрушению связей и отношений между его субъектами, прежде опиравшихся на вовлеченность людей в массовое производство. Лишенное социально-экономических скреп, современное молдавское общество более не прессуется в единый социальный организм, движимый едиными интересами, потребностями и целями. В атомизированном обществе, отличающемся огромным многообразием представленных в нем членов, человек оказывается в принципиально новой ситуации. Он больше не привязан к одной организации, к одной профессии и не находится в непосредственной зависимости от бюрократической машины. Организации, а, следовательно, и бюрократия, перестают играть прежнюю роль в жизни человека, который оказывается в ситуации, когда он

вынужден действовать не по приказу «сверху», а брать на себя ответственность за решение собственных проблем, исходя из имеющихся лично у него возможностей.

С другой стороны, социальная демассовизация, порожденная процессами постиндустриального развития, проявляет себя в сломе прежней социальной структуры общества и радикальной перегруппировке ее основных социальных страт. Наиболее заметным изменением в стратификации современного молдавского общества является окончательное размывание социальной опоры массового производства – рабочего класса и одновременное появление множества представителей общества, вынужденных сменить профессию, а, в связи с этим, и свой социальный статус. Так, согласно данным, общая численность работников, вовлеченных в сельскохозяйственное производство, сократилась, начиная с 1989 г. по 2013 г., с 944,4 тысяч до 303,000 тысяч. В то же время, численность занятых в индустриальном секторе, сократилась с 401,3 тысячи в 1989 г., до 151,000 тысячи в 2013 г. [57, с. 130].

Другим, не менее заметным социальным симптомом нашего времени, является рост социального расслоения, от очень богатых до самых бедных, а также углубление социального неравенства общества, что находит свое адекватное отражение в его структуре, отличающейся усилением неоднородности. В числе специфических характеристик современного молдавского общества следует назвать и свойственную ему маргинализацию, т.е. рост в его структуре доли маргиналов – людей, выбитых из своей социальной среды и превратившихся в люмпенизированные слои (нищие, бомжи, бродяги). Кроме того, ярким симптомом в развитии общества в условиях перехода к рыночной экономике стало появление безработицы, которая, в настоящее время, согласно данным [57, с. 132], затрагивает около четверти работоспособного населения страны. Данное обстоятельство спровоцировало формирование в общественной жизни страны

особого социального феномена – трудовой миграции, которая в условиях Республики Молдова приобрела особенно массовый характер. В трудовую миграцию, согласно данным, вовлечено до 24% населения трудоспособного возраста [58, с.123].

Результаты социологических исследований показали, что основная масса граждан, проживающих в Республике Молдова на сегодняшний день, представлена малоимущими и неимущими слоями (бедные – 40,8%; очень бедные, находящиеся на грани выживания – 23,6%), численность которых составляет более 60 % от общей численности населения. В то же время, сограждане, входящие в категорию состоятельных (очень богатые, не ограничивающие себя в потреблении – 2%; богатые, но вынужденные ограничивать себя в приобретении предметов роскоши – 10,3%), в целом составляют всего около 12% от общей численности населения страны. Что же касается среднего класса, призванного, согласно демократической теории, быть основной социальной опорой демократизирующихся обществ, то формирование подобного социального слоя в нашей стране в настоящее время находится лишь в зачаточном состоянии и составляет всего около 21,7% от численности населения страны [57, с. 131].

Таким образом, основная масса молдавского общества, являющаяся «почвой» для рекрутирования массового электората Республики Молдова, представлена социальной группой «ниже среднего уровня», которая и является социальной основой существующего в стране «Порядка». По большей части, это – открытая, аморфная, неопределенная, дезориентированная среда, лишенная внутренних органических скреп, которая, по оценке исследователя И. Глебовой, более всего подходит под определение «никакой класс» [59, с. 41]. Указанный социальный слой, получив в результате процессов демократического реформирования, все возможные атрибуты свободы, вынужден, тем не менее, в силу своего экономического положения, жить, исходя из неких

«рамочных условий», которые ориентируют «среднестатистического» человека, прежде всего, на выживание в агрессивной социальной среде. Для такого человека практически все аспекты бытия превращаются в тяжелую проблему, поэтому решение даже самых элементарных жизненных задач крайне усложнено и требует огромной затраты сил и времени.

Понятно, что озабоченность проблемами выживания, решаемыми подавляющим большинством «атомизированного общества», по большей части, индивидуализированным образом, диктует «никакому классу» свои специфические ориентации в области политики. Так, внутренняя социальная раздробленность как всего общества в целом, так и слоя населения «ниже среднего уровня», включающего представителей разношерстных профессий и занятий, препятствует осмыслению людьми тех общих интересов, которые могли бы их внутренне связывать в единую, сплоченную и солидарную группу, представляющую собой мощную социальную силу. Поэтому политическое сознание масс менее всего ориентировано на проблемы идеологического характера, призванные в концентрированном виде отражать классовые интересы и установки социальных групп населения. В то же время, многопроблемье, связанное с бытовыми аспектами человеческого существования, зацкливает людей на себе, лишая их возможности самовыражения и гражданской реализации, что поглощает субъектную энергию социума. Социальная пассивность, стимулируемая объективными условиями существования «почвы», находит свое адекватное отражение в политической сфере в качестве углубления политической пассивности населения, превращения его основной массы в простого «наблюдателя» за политическими процессами, разворачивающимися в стране. Кроме того, озабоченность основной массы людей проблемами выживания ориентирует значительную часть молдавского общества на поддержку политических партий «левого» и «левоцентристского» толка, пропа-

гандирующих идеи укрепления социальной защиты населения. Важно и то, что тяжелое материальное положение, характерное для большей части молдавского общества, и отсутствие в стране реальных перспектив социально-экономического прогресса делает бегство из страны, в какой бы форме оно ни выразалось, более предпочтительным, чем вовлечение в политику с целью борьбы за лучшее будущее.

«Травмированность» современного молдавского общества с очевидностью обнаруживает себя и в собственно культурной сфере его жизни. Стремительные, радикальные социальные изменения, произошедшие в нашей стране на рубеже последних веков, оставили свой специфический оттиск на «культурной ткани» общества. П. Штомка оценивает подобный феномен как «раны на ткани культуры», в самом широком смысле, включающие коренные и травмирующие изменения уклада жизни, обычаев, ценностей и норм, традиций, верований и убеждений, характера массовых коммуникаций, языковые новации и т.п. Феномен культурной травмы чрезвычайно сложен и многогранен, поэтому в целях его более системного описания выделяют различные подгруппы культурных явлений.

Одна из таких подгрупп объединяет феномены, выражающие мир коллективно разделяемых смыслов и символов. Специфическим образом отражая состояние «нарушения порядка», культурная травма проявляет себя своеобразно, сводясь к нарушению мира смыслов: символы обретают значения, отличные от обычно означаемых, привычные ценности теряют ценность, нормы диктуют непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений, верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся [52, с 11].

Подобное описанному П. Штомкой духовно-нравственное состояние общественного сознания сформировалось в молдавском обществе в контексте стартовавших в нашей стране ради-

кальных перемен, сопровождавшихся коренным пересмотром устоявшихся в условиях тоталитарного периода развития и ставших привычными ценностей, установок и целей. Ценности и установки тоталитарного общества были подвергнуты жесткой критике как противоречащие глобальным установкам цивилизационного развития современного мира. Практически в одночасье, если судить в масштабах исторического развития общества, общественное сознание отбросило коммунистическую идеологию как идейно-ценностную опору тоталитаризма, осудив ее в качестве вредной и ошибочной, и, в то же время, восприняло идею демократии как «абсолютную и непререкаемую ценность».

Однако, вместе с пересмотром общественным сознанием идеологических основ развития, радикальному пересмотру подвергся весь комплекс духовно-нравственных представлений и установок молдавского общества, включая его наиболее глубинную, уходящую корнями в далекую древность, нравственную основу. Нравственным симптомом времени перемен стало отрицание нравственных границ и ощущение вседозволенности. В этой связи, не удивительно, что общим итогом стартовавшего в стране социального изменения вскоре стало ухудшение культурно-психологического климата. Последнее нашло свое проявление в тотальной духовной, идейно-мировоззренческой дезориентации и растерянности людей, чреватой впадением в идеологические крайности, в утрате смысла индивидуального существования, в нравственной деградации, в росте интолерантности и экстремизма, в росте преступности и других негативных социальных проявлений, таких как наркомания, проституция, пьянство, в снижении уровня образования и падении его престижа, свертывании деятельности научных, культурных и воспитательных учреждений [60, с. 487-494]. В духовно-нравственном отношении в развитии страны наступил «переходный период», когда, по словам А. Титаренко, когда старая культура распадается, а ее ценности осмеиваются [61, с. 27].

Несмотря на то, что на нынешнем этапе Республика Молдова вовлечена в процессы европейской интеграции и европейские ценности официально декларированы в качестве духовно-нравственной основы процессов демократизации, для современного молдавского общества, которое осваивает указанные ценности исключительно избирательно, указанные выше ориентиры остаются пока лишь декларационными установками, ориентированными на перспективу. Однако уже сегодня можно сказать, что «культурная» перестройка людей идет наиболее успешно в направлении усвоения ценностей общества потребления с характерной для него массовой культурой, в специфической «культурной» форме отражая сложную взаимозависимость между существующим характером материального производства, особенностями социального устройства и общественного сознания.

Приобщение к массовой потребительской культуре, по оценкам некоторых исследователей, стало едва ли не главным событием в жизни людей, ввергнутых в «эпоху перемен». Постсоветский человек, разочарованный в политике и социальных идеалах, отдался стихии потребления, иллюзии создания полноты жизни путем насыщения материей. Повальное увлечение «гламуром», ориентирующим на «скорый эффект» и «красивую жизнь», воплотило в себя своеобразное стремление к событию, которого на самом деле нет, что контрпродуктивно для развития и потакает склонности к имитации и «бесфундаментному» состоянию общества [51, с. 524-525].

Массовая культура, будучи продуктом современного «общества потребления», развивается по его законам и отвечает его духовным запросам. В системе ценностных установок массового сознания ценности потребления занимают центральное место, вытесняя на периферию все остальные аспекты духовной жизни общества. Соответственно новой ценностной шкале выстраивается и представление общества о «добре» и «зле»

в общественной жизни, о героях общества и его антигероях, о границах допустимого и недопустимого поведения и т.п. Превращаясь в основного поставщика духовных норм, ценностей, идеалов и образцов поведения, массовая культура решающим образом влияет на формирование образа жизни людей. На сегодняшний день это, по сути, единственное явление духовной сферы, действующее в масштабах всего общества, которое при помощи Средств Массовой Информации планомерно и регулярно воспитывает людей, культивируя в них примитивные потребности и поведенческие реакции. Представляя собой один из наиболее эффективных рычагов развития потребительского общества, доминирующая в стране массовая культура не только не способствует оздоровлению кризисной ситуации в духовной сфере, но, напротив, сама по себе становится мощным источником явлений кризисного характера.

В политической сфере отмеченные выше доминанты общественного сознания проявляют себя в укреплении апатичного, дистанцированного отношения к политике у большей части молдавского общества, для которой политика представляет собой наименьшую ценность. Другой важной особенностью, характеризующей специфику ценностно-политических установок молдавского общества, является терпимость по отношению к политикам, скомпрометировавшим себя вовлеченностью в скандальные коррупционные схемы, идущим на откровенный обман, незаконное обогащение и предательство партийно-клановых интересов в пользу поддержки более сильного политического конкурента. Напротив, подобное поведение политиков, как показывает опыт политического развития в стране в последние годы, приносит их общественному имиджу дополнительные дивиденды. Во-первых, общественное сознание в политическом споре склонно принимать сторону более сильного политического конкурента, не взирая на его морально-нравственные характеристики. Во-вторых, поведение вороватого политика в

глазах общества не выглядит столь осудительным, если указанный политик демонстрирует свою готовность «делиться» с простыми людьми. В сознании широких слоев электората коррумпированный политик, условно говоря, примеряющий на себя одежды благотворителя, принял образ давно ожидаемого широкими народными массами героя – заступника слабых, нищих и бесправных, тем самым продемонстрировав крутой «кульбит» морально-нравственных представлений молдавского избирателя. Крутая перемена в представлениях о «дobre и zле», произошедшая в общественном сознании страны, когда источники и цена тех благ, которые политики обещают широкой общественности, находятся вне зоны морально-нравственной оценки, свидетельствует о глубокой нравственной деградации общества, утратившего в борьбе за выживание ценностные ориентиры.

Другая, не менее важная в рассматриваемом контексте, подгруппа культурных травм объединяет культурные феномены, вызванные кризисом коллективной идентичности, возникающим в результате социального изменения и «нарушения порядка». Социальное изменение, нарушающее установленный порядок, как правило, бывает сопряжено с формированием культурного раскола, который нарушает коллективную идентичность. В подобные периоды происходит новое переосмысление границ категории «мы», а также противоположной категории «они». Поэтому кризис идентичности и усилия, направленные на то, чтобы заново восстановить, сконструировать коллективную идентичность представляют собой эмпирически наиболее заметное проявление культурной травмы [52, с. 13].

Исследователями справедливо подмечено, что одной из наиболее важных особенностей мышления постсоветского «субъекта кризиса» является распространенное отношение к себе и другим как к «своему» и «чужому», которые становятся для него особо значимыми категориями структурирования социального мира. Причем разделение на «свое» и «чужое» основано

не столько на искренних и глубоко укорененных мировоззренческих и культурных представлениях, сколько определены скорее пропагандистски-риторически и эмоционально. При очень высокой значимости деления на «своих», «наших», с одной стороны, и «не своих», «не наших», «чужих» – с другой, и одновременной их невнятности, несцепленности ни с какими качествами или свойствами – практически любой человек и любая группа могут оказаться «не нашими», «чужими», достаточно лишь обвинить или заподозрить их в нелояльности, что оставляет широкий простор для популизма и политических манипуляций [51, с. 517-518].

Структурирование социального мира согласно ментально-психологической парадигме «свой-чужой», настраивающей на понимание/непонимание, приятие/неприятие формирует состояние незащищенности общества от манипуляций со стороны государства. В этих условиях рост ксенофобии в обществе становится одним из неизбежных последствий. Р. Инглхарт, в частности, отмечает, что «пугающие быстрые перемены рождают нетерпимость к изменениям в культуре и к иноэтническим группам. Так, в США в конце XIX – начале XX в., когда упали цены на хлопок, на Юге стали учащаться случаи линчевания негров. Это была реакция на неуверенность в завтрашнем дне, а не действия, осознанно принятые из убеждения в том, что негры манипулируют ценами на хлопок: линчеватели понимали, что негры мало влияют на рынок хлопка. Подобным же образом Великая депрессия 1930-х гг. породила двойной феномен Гитлера и антисиметизма. Это произошло в обществе, которое до той поры было толерантнее к евреям, чем Россия и Франция. В происшедшей ужасающей истории не было ничего неизбежного; в ней отразилась травматическая неуверенность в будущем, вызванная военным поражением и политическим и экономическим крахом, а не нечто присущее Германии. По навязчивой аналогии явлений, крах экономических и политических систем

некоторых восточно-европейских обществ породил ультранационализм и этнические чистки» [62, с. 296].

Действительно, избежать «приступов национализма» не удалось ни одной из постсоветских стран, обернувшихся в ряде из них не только ростом межнациональных конфликтов, но и трагическими, вооруженными событиями, спровоцированными на национальной почве. Общественно-политическая жизнь в Республике Молдова начала демократического реформирования может служить одним из ярких примеров возникновения такого рода культурной травмы, каковым является рост национализма и ксенофобии.

Исторически начало демократических перемен в обществе совпало с процессами национально-культурного самоопределения, вылившимися в международное признание Республики Молдова в качестве независимого и суверенного государства. В сложившихся условиях особенно остро встал вопрос о национально-культурном возрождении государствообразующей нации. Стремление титульной нации к национально-культурному возрождению спровоцировало культурный раскол в обществе, по существу, разделив его на две части, не только в зависимости от культурно-языковой принадлежности, но и в соответствии с отношением различных национально-культурных групп к процессу перемен как таковому.

Если титульная нация всячески приветствовала и поддерживала начало процессов социально-политического реформирования, сопряженных для нее с процессами национально-культурного возрождения, то категория граждан страны, по культурно-языковому принципу объединенная в единую группу «русскоязычного населения», напротив, выказывала этому процессу, грозившему данной группе утратой привычного социального статуса, всяческое неприятие и сопротивление. В этот период, окрашенный всплеском взаимного этнокультурного неприятия и ксенофобии, молдавское общество по существу раскололось

на «мы» и «они». Так, начавшееся на фоне радикальных общественно-политических изменений в стране этнокультурное противостояние, привело к расколу некогда существовавшей коллективной идентичности.

В политической сфере подобный культурный феномен приобрел форму этнополитического раскола общества. Проблема национально-культурной идентичности легла в основу формирования политических ориентаций и предпочтений молдавского электората, позднее вылившись в проблему геополитического противостояния, воспринимающегося широкими массами населения, прежде всего, как противостояние различных культурных миров. В результате в политической жизни общества сформировалось два основных, противостоящих друг другу, политических блока, окрашенных в тона этнокультурной/геополитической идентичности. Один из этих блоков объединяет симпатизантов идей «молдовенизма», ориентированных как на идеи широкой социальной поддержки простого населения, так и на сохранение и возобновление стратегических отношений с Россией/Евразийским Союзом. Другой блок представлен сторонниками идей либерализма, выступающими за углубление процессов европейской интеграции и окончательный выход страны из-под российского влияния, включая посредством объединения с Румынией как членом Европейского Союза.

Помимо роста ксенофобии, в обществе периода радикальных перемен, как правило, также наблюдается разочарование в мечте и в стремлении к общему делу, а также существенное ослабление базового доверия как к окружающим, так и к самим себе. В этой связи, солидарная деятельность, формальные, договорные отношения, а также протестные формирования оказываются практически невозможными. Для подобного общества более характерно состояние гражданского отчуждения, характеризующего не только отношения между отдельными субъектами общественных отношений, но и отношения с политическими институтами.

Формирование особого общественно-политического климата, характеризующегося радикальным изменением общественных настроений, вообще является одним из наиболее заметных «травматических» последствий социальных перемен в культурной сфере реформирующегося общества. Для начального этапа демократических перемен, называемого в специальной литературе «демократическим моментом», всегда характерно повышение эмоционально-психологического накала в обществе. Период подобного накала Республика Молдова, как и все остальные страны постсоветского пространства, пережила на рубеже последних десятилетий XX века. Начавшиеся перемены, шедшие на смену стагнирующим общественным отношениям тоталитарного общества, вызвали в массе простого народа, так называемую, «демократическую эйфорию». Это состояние морально-психологического климата общества, отличительными чертами которого стали восторженное отношение к самому процессу перемен, воспринимавшемуся титульной нацией одновременно и как процесс национального возрождения; стремительное и безоговорочное принятие идеи демократии, превращение ее в политический лозунг, в панацею, в непререкаемую ценность, сопряженную с надеждой на быстрое улучшение жизни для всех; рост политической сознательности и активности самых широких слоев общества и т.п. Подобный эмоционально-психологический настрой общества стал тем локомотивом, который в начале 1990-х годов беспрепятственно двигал вперед процесс демократического реформирования, на этом этапе сопряженный с формированием демократических институтов управления.

Однако уже середине 90-х демократическая эйфория, шедшая на убыль, стала все больше уступать место чувству разочарования от несбывшихся надежд. Состояние тотального кризиса, разразившегося на этом этапе в стране и поставившего на грань выживания самые широкие слои общества, радикально изменили общественные настроения с радостно-эйфорических

на прямо противоположные. Сознание общества сковали страх и всеобщая апатия, которые и сегодня все еще очень характерны для общественного настроения страны. Сложившийся в стране общественный климат, характеризующийся упадническими настроениями, с необходимостью сказывается на характере массовых электоральных ориентаций. В основе электорального поведения лежат настроения политической апатии и недоверия к политическим институтам, а также ко всему политическому классу, независимо от его политической колоратуры. Поэтому главное, чем руководствуется в своем поведении массовый электорат, – это страх, вызванный опасением возможного ухудшения и без того плачевного состояния дел в стране.

Страх как эмоционально окрашенное состояние всегда являлся одним из наиболее эффективных инструментов управления обществом. Скованное страхом общество намного легче поддается манипулированию, когда запуганные, лишённые воли массы людей с легкостью отказываются от защиты собственных интересов в пользу интересов правящего класса. Поэтому, помимо естественных каналов воспроизводства данных общественных эмоциональных состояний, культивирование страха в общественных настроениях является сегодня одной из наиболее распространенных политических технологий управления политическими/электоральными процессами. В этой связи, неудивительно, что политический выбор молдавского электората не столько обусловлен прагматическими соображениями, сколько несет в себе мощный эмоционально-психологический заряд отрицания, обличенного в настоящее время в форму геополитического противостояния.

Состояние социального страха, генерируемое самим ходом общественного развития, воспринимаемым массами людей как нечто непредсказуемое и угрожающее, порождает агрессию в обществе, которая представляет собой естественную психологическую реакцию человека на фрустрацию. Провоцируя серьезные психо-

логические трансформации, формирующееся в обществе состояние агрессии существенно меняет отношение людей к самим себе и к другим людям, что накладывает серьезный отпечаток на характер развития политических процессов. Политика становится одним из основных каналов отвода социальной агрессии и в силу этого приобретает форму «войны всех против всех», где нет места рациональности, стабильности и предсказуемости. Характерными чертами политики, опирающейся на социальную агрессию, становится конфронтация и негативизм.

В то же время, бедность и нестабильность в развитии общественно-политических процессов, их впадение «из крайности в крайность», создает благоприятные условия для формирования авторитарных сдвигов в политике. Авторитаризм, как полагают политические психологи, является тем феноменом, в основе которого лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к воспроизводству авторитарных реакций общества, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной [63, с. 23]. Актуальное «соскальзывание» Республики Молдова в авторитаризм свидетельствует о том, что ситуация в нашей стране на нынешнем этапе ее развития становится именно такой. Многие исследователи авторитаризма как политико-психологического феномена исходят из того, что такой режим влияет на отдельного индивида, у которого под воздействием авторитарной среды складывается определенный комплекс личностных качеств [63, с. 117].

Действительно, мы можем наблюдать как, с одной стороны, все более настойчиво идет процесс формирования авторитарных политических лидеров, стремящихся к централизации власти, командным методам руководства, безусловному повиновению, подавлению воли и свободы подчиненных лиц и общества в целом. С другой – симптомы авторитаризма, в целом, на уровне общественного сознания воспринимаемого в

качестве негативного феномена, не встречают активного сопротивления общества, привыкшего за годы демократического реформирования считать демократию наилучшей формой общественно-политического устройства. Напротив, в обществе все сильнее зреет желание видеть во главе государства «хозяина», способного «навести порядок» в стране и, в то же время, стать гарантом социальной справедливости. Если склонность к авторитаризму у первых проявляется в их желании иметь неограниченную власть над другими и в агрессии по отношению к подчинившимся им людям, то последние проявляют подобную склонность в своей готовности подчиняться и следовать указаниям власти, что позволяет простым людям избавиться от сомнений. Указанный психологический настрой со стороны как тех, так и иных, создает благоприятные условия для развития патерналистских установок сознания.

Авторитарный климат, формирующийся в стране, несомненно способствует развитию и политического конформизма как реакции на скрытое или явное давление на избирателей со стороны политических конкурентов. Вступая в политические отношения, обычные избиратели, как правило, боятся/скрывают высказывать свое независимое мнение по политическим вопросам, и, тем самым, демонстрировать свое несогласие с «группой» или «своими». В результате, человек идет голосовать на выборы за того или иного кандидата не в силу собственной убежденности в его достоинствах, а, даже порой не осознавая этого, потому, что так голосуют члены его «группы». В этой ситуации индивиды, безусловно, поступают как политические конформисты.

Оценивая характер эмоционально-психологических реакций и восприятий простых людей, вовлеченных в процессы радикальных общественных изменений в стране, не следует забывать о том, что радикальным изменениям подвержен сегодня весь современный мир. Нарастающие политико-экономические пере-

мены, получившие название глобализации, согласно распространённому в исследовательской среде убеждению, повергли социальное государство в глубочайший кризис, отразившийся на качестве «человеческого материала» общественных процессов.

Что касается государства всеобщего благосостояния, – как утверждает в своей теории «социальной сложности» Данило Дзоло, – то глобализация расстроила его социально-политические структуры, ослабила его гуманистические связи и дискредитировала его демократические институты. По существу, произошел распад социальной материи, который начал угрожать целостности гражданского общества: чувство сопричастности ослабевает, нарастает политическая апатия, процветают преступность и коррупция, оживляется всякого рода сепаратизм, формируются новые формы ксенофобии и расовой дискриминации, создаются новые коллективные идентичности и т.п.

Постиндустриальное развитие в условиях информационной революции радикально усилило уровень социальной сложности, которая имеет отношение скорее к субъектам общественных процессов, нежели к объективным свойствам естественных или социальных явлений. Сложность текущего момента общественной эволюции касается и тех когнитивных ситуаций, в которых оказываются субъекты – как индивиды, так и социальные группы. Отношения, которые строят субъекты и которые субъекты проецируют на окружающую среду в попытках самоориентации, т.е. упорядочения, прогнозирования, планирования или манипулирования, в зависимости от обстоятельств становятся все более сложными. Вместе с драматическим нарастанием количества и разнообразия рисков, вызванных научно-техническим развитием, социальная среда все меньше мыслится и воспринимается как объективная, статичная и одномерная реальность. Вместо этого социальная реальность кажется крайне изменчивым результатом взаимодействия избирательных репрезентаций

«реальности», над которой индивиды не ощущают контроля. В то же время, от индивидов требуется постоянная бдительность, пребывание в состоянии хронической тревоги и способности к импровизации фундаментальных решений в любой момент. Это порождает лихорадочную потребность в безопасности и защищенности, которая часто перерастает в призыв к авторитарному использованию власти во избежание беспорядка и анархии. В подобных условиях наиболее естественным для индивидуальных субъектов становится стремление к обретению защиты через радикальное уменьшение социальной сложности, которое, в конечном итоге, создает необходимые субъективные предпосылки для формирования и укрепления такой политической системы, которая способна путем максимальной концентрации власти эффективно регулировать социальные риски [50, с. 15-29; 47-51; 108-112]. Это во многом объясняет, почему «соскальзывание в авторитаризм» все больше становится реальностью современного мира.

Таким образом, травмирующий сознание субъектов политических процессов контекст общественного развития порождает соответствующие «травматические» реакции. В целом, если оценивать морально-психологический климат, сложившийся в нашей стране в контексте радикальных общественно-политических перемен, следует признать, что формирующийся под его влиянием тип личности приобретает отнюдь не те качества, которые принято называть демократическими ценностями, характеризующимися активной жизненной позицией, открытостью мышления, терпимостью к инакомыслию, способностью к компромиссам и свободой от бессознательной тревожности, приоритетом рационального начала в выборе политической позиции и отсутствием стремления к подавлению других, признанием людей равными. Однако без принятия и следования в своем поведении тому, что принято называть демократическими ценно-

стями, субъектами, вовлеченными в политические процессы, механизм демократического управления может приобретать лишь имитационный характер. Поэтому в поиске источников «сбоев» в работе политической системы, следует понимать, что к числу факторов, приводящих к ее стрессу, принадлежит и сам человек, с его чувствами и установками, предрассудками, симпатиями и антипатиями, с его самовосприятием и отношением к себе и другим людям.

Поддержку демократических реформ в обществе должно обеспечивать широкое принятие обществом демократических ценностей, что гарантирует успешное становление демократических институтов. Однако в среде, где доминируют авторитарные модели поведения, трудно надеяться на быстрый «демократический прорыв», возможность которого для нашей страны выглядит сегодня, по меньшей мере, делом более отдаленной исторической перспективы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из важнейших задач современной политической науки является поиск ответов на радикальные вопросы, все более множащиеся и усложняющиеся в условиях растущей глобализации и повсеместного переплетения политических ресурсов и усиления социальных рисков, в попытке понять и объяснить характер происходящих перемен, исходя из реалий сегодняшнего дня, а также в стремлении заглянуть в грядущее «завтра» с тем, чтобы лучше представлять себе дальнейшие перспективы развития. В этом контексте необходимо понимать, что многие классические теории, сохраняя свою высокую познавательную ценность для изучения отдельных аспектов политического развития стран демократического реформирования, все же требуют более критического подхода, учитывающего специфику эволюции современного мира. Это касается как классической/либерально-демократической теории демократии в целом, так и концепций/теорий, изучающих вопросы эффективности функционирования демократических систем. Такой теорией, в частности, является теория политической культуры, сформулированная еще в середине прошлого века на основе изучения опыта демократического развития в наиболее развитых странах Запада, в условиях, когда демократия процветала.

Новые тенденции, отчетливо проявившие себя в мировой политологической мысли, свидетельствуют об углубляющемся кризисе демократических теорий на современном этапе, который обусловлен тем, что во многих обществах произошли системные изменения, требующие дополнительного анализа и уточнения теории и методологии исследований. В подобном переосмыслении, безусловно, нуждается и теория демократической политической культуры, которая в своей классической интерпретации анализирует и обобщает опыт политического развития стабильных политических систем максимальной

демократии, демонстрируя то, какую роль играет гражданская культура в подобных системах и каким образом в них происходит воспроизводство ценностных демократических ориентаций. Однако, апеллируя к теоретическому наследию прошлых лет с целью изучения политических процессов наших дней, включая процессы демократической модернизации, следует с необходимостью учитывать те изменения, которые происходят в современном мире. Общественно-историческая эволюция в XXI веке, сопровождающаяся процессами глобализации и постиндустриального развития, существенно трансформирует облик демократии, повергая многие системы «старой», «максимальной» демократии в состояние кризиса.

В этих условиях все более очевидным для аналитиков становится тот факт, что складывающаяся ситуация подвергает сомнению традиционный инструментарий научного познания, долгое время бывший эвристически оправданным [1, с. 167]. Сегодня, когда одним из основных принципов развития становится трансформация и плюрализация действительности, все большие сомнения вызывают универсально-применимые концептуальные схемы, упорядочивающие и объясняющие реальность исходя из единых принципов. «Плюрализм – реальность нынешней социокультурной жизни во всех ее проявлениях. В современном мире идей действительность предстает как некое множество, которое нельзя упорядочить на основе общих правил и подходов» [2, с. 12].

Приведенные сентенции с полной основательностью касаются концепта политической культуры в силу его претензии на роль универсальной методологии исследования процессов демократической модернизации. Так, исходя из аксиомы о решающей роли гражданской культуры для стабильности демократии и для успешного продвижения по пути становления демократии, сложно объяснить многие феномены современного мира политики. В частности, почему те ценности, которые

в свое время сформировались в развитых странах Западного мира, сегодня, несмотря на их усиленный экспорт в контексте глобального демократического процесса, слабо приживаются в новых демократиях, оставляя их «дутыми», «усыхающими изнутри», «фасадными»? Почему они, также, не способны удерживать старые демократии, ставшие в свое время генераторами этих ценностей, от кризиса?

Сегодня, когда «демократия отстывает» во всем мире, указанная теория, равно как и классическая доктрина демократии, как об этом пишет Д. Дзолло, более не способна успешно описывать политические системы эпохи постиндустриального развития, выглядя неуклюже и нереалистично [3, с. 22-23]. Вместе тем, справедливо и то, что для изучения более узкого круга политических феноменов, таких, каковыми являются политические убеждения и предпочтения, верования и традиции, настроения и различного рода психологические реакции людей, теория политической культуры, не претендуя на некую универсальность, продолжает сохранять свою высокую познавательную ценность. Основная познавательная значимость концепта гражданской культуры сегодня состоит в том, чтобы, формируя представление об идеальной модели культуры, задавать главные ориентиры развития. Как справедливо отмечает К. Крауч, «всегда важно и полезно рассмотреть, насколько наше поведение соотносится с идеалом, поскольку так мы можем попытаться его улучшить» [4, с. 18]. Анализ индивидуальных и групповых политических ориентаций, в то же время, является необходимым звеном для определения основных свойств и тенденций развития конкретной политической системы, для выяснения специфики ее взаимодействия с гражданами, для понимания характера и направленности политического процесса. Во всяком случае, применение политико-культурного подхода к изучению политической реальности, формирующейся в настоящее время в Республике Молдова, позволяет воссоздать более полную и

адекватную картину происходящих в стране перемен, в то же время, по достоинству оценив их качественное состояние.

На основании проведенного исследования в рамках темы, обозначенной в названии данной книги, стало возможным сформулировать ряд выводов касательно эволюции и состояния политической культуры современного молдавского общества.

Политическая культура молдавского общества претерпела в результате радикальных общественно-политических изменений, стартовавших на рубеже 1990-х годов и получивших название демократического реформирования, существенные изменения, способствовавшие формированию в стране особого политико-культурного климата, специфичного для периода демократического транзита. Ориентации общества на политические действия прошли сложный путь эволюции, этапы которой в целом совпадают с основными этапами политического развития общества, связанными со сменой власти в стране. Смену политико-культурных реакций общества, вызванных политическими изменениями в стране, несмотря на их нелинейную, запутанную траекторию, сегодня уже можно уложить в достаточно простую схему, которая выявляет некую «культурную» канву перемен: от «демократической эйфории» – в начале периода демократического реформирования, к политической апатии и скептицизму – в настоящем времени, свидетельствующих о сохраняющейся в стране декларативной приверженности демократическим ценностям.

Политическая культура, доминирующая в настоящее время в Республике Молдова, отличается целым рядом специфических качеств, в целом характеризующих ее как культуру транзита. Будучи таковой, политическая культура современного молдавского общества являет собой сложный продукт взаимодействия разнородных политических ценностей, установок и стандартов политической деятельности, образующих два культурных пласта: распадающейся культуры социального прошлого и наро-

ждающейся культуры ожидаемого будущего. Взаимодействуя между собой и противоборствуя друг с другом, как на уровне отдельной личности, так и всего общества в целом, указанные политические ценности и поведенческие стандарты придают современной политической культуре дуалистический, неоднородный, мозаичный, бессистемный, противоречивый, расколотый характер.

В современном молдавском обществе, вовлеченном в процессы реформирования, когда во многом усиливается и обостряется состояние социального раскола, порождающее множество разнородных субкультур с их специфическими политическими ценностями, интересами и целями, складывающийся тип политической культуры с необходимостью приобретает фрагментарный характер, демонстрируя отсутствие согласия между носителями различных субкультур относительно базовых ценностей и идеалов общественного развития. Отсутствие подобного социокультурного согласия ведет к тому, что в общественно-политическом сознании страны преобладают ориентации на местные или региональные интересы, проявляющиеся в форме местного патриотизма, клановости и семейственности. Носители данного типа культуры – это в основном апатичные и отчужденные от власти личности, не выполняющие конкретных политических ролей.

Противоположные представления и образы желаемого социального устройства, складывающиеся у различных социальных групп, постоянно сталкиваются, образуя основу острой политической борьбы. Это порождает повышенную конфликтность и социальную напряженность, обуславливая, в конечном итоге, состояние конфронтационности как в отношениях между представителями различных политических субкультур, так и внутри них.

Укорененность в современном молдавском обществе фрагментарной, поляризованной, конфронтационной политической культуры продолжает подпитывать ее этатистский характер,

выраженный в главенствующей роли государственных институтов в организации политической жизни и определении условий участия в ней индивидов. Верховная власть выступает главным носителем и проводником новых политических идей, основным генератором целей общественного развития и разработчиком стратегических путей их достижения, что предопределяет направленность политического процесса согласно схеме «сверху-вниз».

Осуществляемая властью интеграция общества «сверху-вниз» закономерно ведет к развитию в стране тенденций авторитаризма, тем более что широкие слои населения по-прежнему слишком большие надежды возлагают на сильное государство, способное в условиях затяжного общественно-политического и экономического кризиса предоставить населению хоть какие-то социальные гарантии.

В этой связи, можно утверждать, что в целом современная политическая культура в Республике Молдова продолжает неуклонно эволюционировать в традиционалистском и патриархально-подданническом направлении, для которого характерны состояния и ориентации, где отсутствуют какие-либо специализированные политические роли, доминирует лояльность к политической системе и минимальная заинтересованность в личном участии. Ее также характеризует общекультурная неразвитость гражданских позиций, правовая безграмотность и правовой нигилизм, предрасположенность к конформизму, этатистский менталитет, а также дух патернализма.

Такие особенности современной политической культуры, как: преобладание профессиональных политиков; низкий уровень политического участия; широко распространенные политическая апатия и стремление замкнуться в частной жизни; тенденция к авторитаризму, выражающаяся как в открытых, так и латентных формах -характерны сегодня для большинства стран посткоммунистической Центральной и Восточной Европы [5, с. 386].

Поэтому сформировавшаяся в нашей стране политико-культурная ситуация не уникальна. Напротив, в своих наиболее характерных чертах она воспроизводит особенности политико-культурной эволюции многих реформирующихся стран «третьей волны», но более всего тех из них, которые «выросли» из общего советского прошлого.

Политическая культура, как специфический круг явлений политической жизни, оказывает реальное воздействие на политический процесс, динамику изменений в сфере государственной власти, качество и состояние акторов. Но поскольку доминирующим элементом сложившейся политико-культурной картины является «паралич воли» народа, то, соответственно, и политический процесс, развивающийся под влиянием указанного феномена, нестабилен, противоречив, непредсказуем. Его главным итогом является некая имитационная форма демократического режима, лишенная своего сущностного стержня в лице политического участия масс, понимаемого как совокупность действий, прямо или косвенно предпринимаемых индивидами с целью оказания воздействия на государство для осуществления своих требований и решения жизненно важных проблем. В этой связи, следует согласиться с тем мнением, что современное состояние политической культуры в Молдове препятствует формированию властных структур общества посредством механизмов репрезентативной демократии [6, с. 7].

Политическая культура современного молдавского общества в том состоянии, в котором она находится на сегодняшний день, не только слабо способствует укреплению демократии, но также, при определенном стечении обстоятельств политической жизни, может нести в себе угрозу уже имеющимся демократическим завоеваниям, таким, как свобода, независимость, плюрализм. Эффективное функционирование системы демократии нуждается в соответствующей этой системе политической культуре, т.е. в демократической политической культуре,

представляющей собой некий тип политических позиций, который благоприятствует политической стабильности. Подобный тип политической культуры в политической науке обозначают понятием «гражданская культура».

Гражданская культура, наряду с демократическими институтами, является неотъемлемым компонентом демократической политической системы, выступая тем типом культуры, который в наибольшей степени обеспечивает ее функциональность и стабильность. Поэтому проблема формирования гражданской культуры должна быть одной из наиболее злободневных проблем для стран, включенных в процесс демократического реформирования.

Основными свойствами гражданской культуры являются плюрализм, консенсус и многообразие. Она, также, отличается лояльным характером. Однако наиболее специфическая ее особенность заключается в том, что связанные с участием политические ориентации должны объединяться с подданическими и приходскими политическими ориентациями, их не подменяя. Таким образом, гражданская культура, будучи моделью идеальной демократической культуры, должна представлять собой некое производное трех различных типов культур: подданической, приходской и культуры участия.

В силу этого гражданская культура характеризуется определенной долей непоследовательности и уравновешенных противоположностей, составляющие ее ориентации и поведение соединены сложным, запутанным образом. Поэтому гражданская культура формируется в ходе сложного процесса, который включает в себя развитие различных каналов политической социализации, что продиктовано ее сложным характером, наиболее ярким проявлением которого является способность совмещения ее носителями значительного числа политических ролей.

Комплексность процесса политической социализации позволяет увеличивать разнообразие передаваемых политических ориентаций, одновременно систематизируя и уравновешивая

их. Обучая людей одновременному выполнению различных ролей, политическая социализация является тем процессом, который способен превратить гражданскую культуру из идеала демократического развития в его движущий фактор, развивающий чувство национальной идентичности и компетентности как в качестве подданного, так и в качестве участника, а также социальное доверие и гражданское сотрудничество.

Теория гражданской культуры, излагающая представление об универсальных демократических ценностях, задает необходимые ценностные ориентиры, в соответствии с которыми должна развиваться политическая культура общества, вступившего на путь демократической модернизации, чтобы обеспечить наибольшую успешность данного процесса. Однако демократические ценности, несмотря на их универсальный характер, не могут быть «экспортированы» из более развитых демократических стран в менее развитые. Механический перенос западных моделей и норм политических взаимодействий в условия, характеризующиеся ярко выраженной национально-исторической спецификой, никогда не даст ожидаемых быстрых положительных результатов. Напротив, западная модель рискует быть отторгнутой исторически устоявшейся системой ценностей как «чужеродная культура», несогласующаяся со сложившимися политико-культурным традициям. Реальные политико-культурные трансформации в демократизирующихся обществах возможны лишь как результат общей социально-политической эволюции, разворачивающейся с учетом специфических особенностей национального развития. В этом смысле, формирование культуры демократии должно носить национально-исторический характер. Универсальные демократические ценности смогут стать реальной действенной силой лишь превратившись в неотъемлемую часть национальной культуры реформирующегося общества.

Устойчивость изменений в политической культуре в направлении формирования демократических ценностей в масштабах

общества может быть обусловлена лишь устойчивой динамикой во всех сферах общественного существования, способствующей укреплению самого субстрата демократического режима, на который он опирается и из которого черпает основную энергию и силы. Формирование культуры демократии связано с развитием индустриального общества, с характерным для него массовым производством и значительным ростом численности рабочих и других трудовых коллективов, превращающихся в могучую организованную социальную силу, способную оказывать серьезное влияние на политику. Поэтому наиболее характерной чертой культуры демократии является культура участия, которая и отличает демократические общества от недемократических или псевдodemократических. Наблюдающийся на Западе упадок культуры участия, свидетельствует о том, что социальные связи и отношения в современном глобализирующемся мире вступают в новую фазу развития. В складывающихся в постиндустриальную эпоху условиях происходят существенные социальные трансформации, ведущие к энтропии участия, что способствует размыванию основ, на которые опирается развитая демократия. В этой связи, ценности гражданской культуры превращаются на сегодняшний день по сути в недостижимый идеал, в особенности для стран, лишь вступивших в процесс демократического реформирования. Идеал, признание которого, впрочем, само по себе обладает огромной значимостью для развития реформирующихся обществ как гуманитарная ценность, к которой необходимо стремиться.

Политическая культура, как и культура в целом, всегда была той гранью общественной жизни, в которой изменения идут самым медленным ходом, прокладывая себе путь сквозь сложную систему взаимодействий между ее традиционной и динамической частями. Элементы традиционной культуры в политической культуре молдавского общества и сегодня продолжают оставаться преобладающими, в то же время, формирование гражданской

культуры располагается пока лишь на инициальном уровне. В целом, состояние гражданской культуры, характеризующееся «энтропией участия», в современном молдавском обществе отражает сущность происходящих в стране транзитных процессов, свидетельствуя о поверхностном характере имеющих место демократических перемен.

В условиях «энтропии участия», характерной, впрочем, для всего современного демократического мира, ключевую роль в обеспечении условий эффективного развития процессов демократизации призвана играть электоральная культура, будучи одной из важнейших разновидностей политической культуры общества. Однако установившаяся на сегодняшний день в стране система «урезанной демократии» специфическим образом проявляет себя и в этой области, существенно редуцируя роль электоральной культуры, равно как и роль института выборов, в политико-властном процессе.

В стабильных демократиях, наиболее приблизившихся к реализации демократического идеала, выборы представляют собой основной механизм, посредством которого реализуется «власть народа». Задача выборов состоит в том, чтобы артикулировать требования демоса, делегируя его полномочия политической элите. Политический выбор масс продиктован собственными политическими интересами, представленными в соответствующей политической доктрине. Поэтому реализуемые в электоральном процессе политические установки и цели электората представляют собой отражение интересов групп людей как представителей различных социальных классов. Формирование электоральных предпочтений есть результат широкой вовлеченности простых людей в работу политической системы посредством участия в деятельности различных политических и общественных организаций.

В «урезанных демократиях», где верховенство права нарушено, институт выборов используется, прежде всего, как эффектив-

ный инструмент борьбы политических элит за власть. Главная задача электорального процесса состоит здесь в том, чтобы направить генерируемую социумом энергию в русло разворачивающейся между элитами политической борьбы. Поэтому формирующиеся политические предпочтения электората есть по большей мере результат применения различного рода манипулятивных технологий, призванных управлять выбором широких масс людей с учетом интересов политического класса. В этой связи, электоральные установки, доминирующие в обществе, представляют собой, по большей мере, продукт целенаправленной деятельности политических элит. Являясь отражением интересов политического класса, подобные установки не только не совпадают с интересами широких слоев общества, но, зачастую, могут быть направлены в разрез этих интересов.

В целом, формирующаяся в обществе электоральная культура представляет собой отражение в доминирующих электоральных установках и предпочтениях специфических связей и отношений различных политических субъектов как участников политико-властного процесса. Та электоральная культура, которая формируется в контексте активной вовлеченности людей в политическую систему, отражает интересы широких масс как активных участников политико-властного процесса. Электоральные установки, доминирующие в режимах «имитационной демократии», отражают маргинализированное положение широких масс по отношению к политической системе. Доминирующая в таких режимах электоральная культура закрепляет за демосом роль наблюдателя за развитием политических процессов, вынуждая людей выбирать «из того, что предложено». Режимы «имитационной демократии», таким образом, деформируют не только задачи и цели, но и сам демократический механизм работы института выборов, используя его главным образом для обслуживания интересов политических элит. Под влиянием «урезанной демократии» в предпочтениях электората

происходит незаметная для него самого подмена установок на те, что отвечают интересам малочисленных, но хорошо организованных и активно стремящихся к власти слоев общества.

Для современных транзитных режимов, эволюционирующих в соответствии с логикой развития постиндустриальной эпохи, и способствующих концентрации у власти немногочисленных элит, представленных преимущественно деловыми кругами, институт выборов нисколько не утрачивает свое значение как механизм политического управления. Напротив, в условиях ускоренного развития информационных технологий, свойственного эпохе глобализации, властвующие элиты получают новые, более широкие возможности политической коммуникации с широкими массами избирателей. А значит не только информирования, но и нацеленного политического влияния, а точнее, манипулирования электоральными предпочтениями граждан.

Таким образом, институт выборов, с одной стороны, это важнейший демократический инструмент, по существу, ядро демократического управления, посредством которого реализуется воля народа. С другой, в современных условиях – это один из наиболее эффективных инструментов манипулирования демократией, позволяющих политическим элитам в контексте разворачивания электорального процесса активно влиять на политические предпочтения широких масс людей, тем самым, в значительной мере предопределяя конечный результат политики, отвечающей интересам правящих кругов.

Электоральный процесс, разворачивающийся в соответствии с заведомо неравными «правилами игры», обладает для электората огромным воспитательным значением, продуцируя у широких общественных масс настроения политического бессилия, апатии и скептицизма по отношению к миру политики. Власть, действующая в рамках имитационных режимов, стремится, как правило, сделать роль выборов в политико-властном процессе

менее существенной, а электорат более пассивным, апатичным и конформистски настроенным.

В целом, доминирующая в настоящее время в Республике Молдова электоральная культура, являясь плодом развития актуально действующего политического режима, отражает его качественное состояние в специфических установках масс на электоральные действия, характеризующихся иррационализмом и негативизмом. Уровень развития электоральной культуры современного молдавского общества свидетельствует о высокой степени управляемости электоратом в процессе выборов.

Это говорит о том, что электоральная культура современного молдавского общества на нынешнем этапе мало отвечает критериям культуры демократии, для которой наиболее характерным свойством является рациональность политического выбора, опирающегося на критерии эффективности. Управляемая электоральная культура не только является производным укоренившегося в Республике Молдова режима «урезанной демократии», но и способствует его стабилизации и воспроизводству. Эволюция политических процессов в сторону укрепления режима «урезанной демократии» снижает значение выборов/электоральной культуры до ограниченного уровня. Иными словами, создает условия, при которых результаты выборов, независимо от функционирующей в стране избирательной системы, не смогут существенным образом влиять на изменение политического режима.

Что же, в таком случае, ожидает Республику Молдова в ближайшем будущем? Тенденции актуального общественно-политического развития как внутри страны, так и за ее пределами, характеризующиеся нарастанием авторитарных проявлений в управлении демократизирующимися странами, оставляет мало места для оптимистических прогнозов. Наметившийся в развитии страны авторитарный тренд, будучи проявлением объективной закономерности в развитии современного глобального об-

щественно-исторического процесса, говорит о том, что в общественной жизни Республики Молдова и далее будут складываться объективные предпосылки особого свойства, идущие вразрез с декларируемыми страной высокими идеалами демократического развития. А это значит, что усвоение обществом культуры демократии как необходимого условия эффективного функционирования системы демократии, мягко говоря, откладывается на неопределенный срок. Возможно до тех пор пока наше общество ни справится со своей «социальной/культурной травмой», сформировав новый субъективный субстрат общественно-политических изменений, более готовый к «новому мышлению».

Представляется, что ситуация могла бы кардинально измениться только при условии установления в стране верховенства права, повысив, тем самым, доверие и уважение к демократическим механизмам управления обществом. Однако на сегодняшний день реализация подобной меры, по большей мере, может быть связана лишь с интенсивностью направленных на указанную область общественного существования субъективных усилий политических элит.

Специфика происходящих в Республике Молдова политических трансформаций, характеризующихся движением «сверху-вниз», наделяет политические элиты определяющей ролью в складывающемся общественно-историческом контексте. В условиях политической маргинализации широких общественных масс, политическая элита, действуя исключительно исходя из собственных интересов, придает политико-властному процессу непредсказуемый характер, что само по себе генерирует основные модели политических ориентаций/поведения широких масс людей, продиктованные крайним скептицизмом и апатией по отношению к миру политики. Поэтому именно на политической элите лежит основная ответственность за качество разворачивающегося в стране политико-властного процесса.

Формирование специфических политико-культурных ориентаций людей, будучи вплетенным в общий контекст объективно-исторической эволюции общества, безусловно, представляет собой по большей части естественный процесс кристаллизации политических ценностей и целей, отражающих специфику исторического момента развития. Вместе с тем, политическая культура общества является, в значительной мере, и результатом целенаправленного воздействия на политическое сознание и поведение масс людей со стороны политического класса в интересах определенных политико-экономических кругов, которое в условиях развития различного рода информационных технологий становится особенно эффективным. Воспитание, как целенаправленное действие, обеспечивающее усвоение широкими слоями общества и, в первую очередь подрастающим поколением, общественно-значимых ценностей, составляет одну из важнейших функций человеческого сообщества, являясь, по сути, ключевым условием его выживания. Однако в современную информационную эпоху воспитательный процесс, в особенности в области формирования политических ориентаций и предпочтений, приобретает откровенно манипулятивный характер, отражающий стремление заинтересованных политических сил не столько в политическом просвещении масс, сколько в их индоктринации и политической манипуляции.

В стране, где традиционный способ социальной интеграции «сверху-вниз» является решающим, политическим элитам принадлежит основная прерогатива культивирования политических ценностей общества. Поэтому проблема «издержек» в политико-культурном развитии общества – это, в значительной мере, проблема качества политических элит, деятельность которых должна, по идее, давать пример реализации универсальных демократических принципов в их повседневной практике, тем самым, повышая порог доверия масс к функционирующим в стране институтам власти.

Низкий уровень политической активности, индифферентизм, нигилистический и негативистский дух по отношению к системе политических и социальных ценностей, бытующие в современном обществе, свидетельствуют, в первую очередь, о необходимости воспитания воспитателей. В данном случае, речь идет о необходимости политического воспитания политиков в целях радикального изменения их духовного и политического облика, а в конечном итоге, качественного изменения духовно-культурной и собственно политической жизнедеятельности – от индивидуального до всеобщего уровня. Эти качественные изменения, в идеале, могли бы преобразовать корреляцию между политикой и обществом на основе воспитания, политической социализации и высокоразвитой политической культуры не только политической элиты, но и широких слоев населения [7, с. 471].

Научный анализ политико-культурных ориентаций современного молдавского общества, таким образом, с полным основанием подтверждает тот факт, что, стартовавшие в Республике Молдова в конце прошлого века демократические изменения способствуют выстраиванию «демократического фасада», опирающегося на субъективный контекст, мало соответствующий культуре демократии. Массовые ориентации на политические действия, сформировавшиеся в стране в контексте перемен, свидетельствуют о том, что реальным содержанием процесса демократизации в Республике Молдова на современном этапе является переход общества к постдемократии, минуя стадию демократического развития, наиболее отличительную черту которой сегодня составляет «сползание в авторитаризм». Формирующаяся в стране политическая реальность, характеризующаяся упадком «культуры демократии», в специфической национальной форме отражает глобальные тенденции общественного развития, и, тем самым, ставит Республику Молдова в один ряд с другими странами как реальными субъектами процесса

общественно-исторической эволюции. Существующие в стране национальные условия, накладывая свой особый отпечаток на характер политико-культурных ориентаций общества, придают современным тенденциям общественного развития, не встречающего в стране серьезных препятствий в виде реально разделяемых обществом демократических ценностей и норм, более рельефный и устойчивый характер. В силу этого, можно предположить, что тенденции, наметившиеся в общественно-политическом развитии страны, характеризующиеся низким уровнем развития культуры демократии, и далее сохранят свою силу и общую направленность на укрепление неоавторитаризма, в том числе в отношении политико-культурной реакции общества на специфику исторического момента.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Демократизация /Сост. и науч. ред. К. В. Харпфер, П. Бертваген, Р. Инглхарт, К. Вельцер. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с.
2. Мопняга В. Политические партии и партийная система Республики Молдова: трансформационный контекст. В: *Moldoscopie: (Probleme de analiză politică)*. Partea XXIII. Chişinău: Centrul Educaţional al USM, 2003, с. 3-66.
3. Дзоло Д. Демократия и сложность. Москва: Издательский дом Государственного Университета – Высшей школы экономики, 2010. 320 с.

Глава 1. ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

1. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. /Пер. с англ. Москва: РОССПЭН, 2003. 368 с.
2. Истон, Д. Категории системного анализа политики. Пер. с англ. Антология мировой политической мысли. Т. 2. Москва, 1997, с. 630-642.
3. Buscher K. Transformation of political system of Moldova: A balance sheet. В: *Puterea, democrația și tranziția în Moldova: între trecut și prezent*. Chişinău: Tipografia AŞM, 2003, с. 29-35.
4. Барулин В.С. Социальная философия. Москва: Издательско-торговый дом ГРАНД. 2002. 560 с.
5. Bondrea A. Sociologia culturii. Bucureşti: Editura fundației „România Mare”, 2006. 335 с.
6. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? В: *Политология: Хрестоматия* / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 437-449.
7. Политология. /Под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. Москва: Юрайт-Издат, 2006. 692 с.

8. Политология. / А. Ю. Мельвиль и др. Москва: Изд-во Проект, 2005. 624 с.
9. Almond, G. Comparative Political Systems. В: Journal of Politics. 1956, voll. 18, №3, с. 391-409.
10. Мухаев Р. Т. Политология. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. 495 с. (с. 318).
11. Almond G., Verba, S. Cultura civică. Atitudini politice și democrație în cinci națiuni. București: Du-Style, 1996. 398 p.
12. Tucker R. Culture, Political culture, and Communist Society. В: Political Science Quarterly, 1973, vol. 88, № 2, с. 173-190.
13. Дженусов А.И. Политическая культура; концептуальные аспекты. В: Социально-политический журнал, 1994, № 11, с. 75 – 84.
14. Петро О. О концепции политической культуры, или основная ошибка советологии. В: Политические исследования, 1998, № 1, с. 36 – 51.
15. Манхейм К. Эссе о социологии культуры. Социология культуры. Избранное. Москва: Санкт-Петербург, 2000. 501 с.
16. Understanding Political Development. Ed. by Myron Weiner and Samuel P. Huntington. Boston, Toronto, 1987. 514 с.
17. Гуторов В. Политическая культура, образование и толерантность. В: Relațiile internaționale – domeniu specific de activitate intelectuală. Contribuția instituțiilor de profil. Chișinău: „Print-Caro”, 2013. 446 p.
18. Семененко И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура. В: Политические Исследования, 2003, № 1, с. 5-19.
19. Проблемы философии культуры. Москва: Мысль, 1984. 325 с.
20. Инглхарт Р. Культура и демократия. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. В: Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 301-306.
21. Zbîrciog V. Tranziția la economia de piață. (Evoluția conceptului în Republica Moldova). Chișinău: Tipografia Centrală, 1995. 103 с.

22. Сытин А.Г. взаимодействие общеисторического и национального в политическом процессе: обзор «круглого стола». IV Российский Философский конгресс. В: Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки, 2005, № 6. с. 59-63.
23. Пляйс Я. А. Диалектика взаимодействия политических и партийных систем. Формирование демократической политической системы в современной России и послевоенной Германии. Материалы «круглого стола». В: Политические исследования, 2004, № 6, с. 102-115.
24. Башкирова Е. И. Трансформация ценностей российского общества. В: Политические исследования, 2000, № 6, с.51-81.
25. Трансформація політичних систем на постсоціалістичному просторі. Київ, 2006, 610 с.
26. Saca V. Cultura politică în condițiile transformărilor actuale: cazul Republicii Moldova. În: Moldoscopie (Probleme de analiză politică), 2004, №2 (XXVI), с. 51-63.
27. Varzari P., Tăbîrță S. Cultura politică în societățile postcomuniste: realități și perspective. În: Moldoscopie (Probleme de analiză politică), 2001, (XVII), с. 175-187.
28. Anghel E. Reflectarea tranziției în cultura politică a populației republicii Moldova. Moldoscopie (Probleme de analiză politică). Chișinău, 2004, nr.2 (XXVI), с.7-15.
29. Мчедлова М.М. Социокультурная реинтерпретация политики: место религии в социально-политическом процессе. В: Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: Ежегодник 2012 / Гл. ред. А.И. Соловьев. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012, с. 391-409.
30. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. Москва: Русская панорама, 2008, 680 с.
31. Anikin V., Solomon C. Republica Moldova: alegerile, puterea, societatea civilă. Chișinău: „Tipografia-Sirius” SRL, 2011. 112 с.
32. Штомпка П. Социальное изменение как травма. В: Социс, 2001, № 4, с. 6-26.

33. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. Москва: Издательский дом Госуниверситета-Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
34. Dmtitrenco S., Mocanu V., Rusandu I. Societatea contemporană: aspecte social-economice și politice. Analiza opiniei publice. Chișinău: Știința, 2007. 168 p.
35. Электоральные процессы в Республике Молдова: реальность, тенденции и перспективы. Кишинэу: PRINCEPS, 2015. 312 с.
36. Фурман Д. Е. Религия, атеизм, перестройка. В: Перестройка: гласность, демократия, социализм. На пути к свободе совести. Москва: Прогресс, 1989. 496 с.
37. Varzari P. Elita politică din Republica Moldova: realități și perspective. Chișinău: CEP USM, 2008. 135 p.
38. Josanu Iu., Juc V. Schimbările de regim în Europa postcomunistă. В: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, 2007, №2, p. 79-85.
39. Eisenstadt S. N. Prăbușirea regimurilor comuniste și vicisitudinile modernității. В: Polis, 1994, №4, с. 48-63 (49)
40. О человеческом в человеке / Под ред. И. Т. Фролова. Москва: Политиздат, 1991. 384 с.
41. King Ch. Moldovenii (România, Rusia și politica culturală). Chișinău: ARC, 2002. 314 p.
42. Criminalitatea în Republica Moldova: starea actuală, tendințe, măsurile de prevenire și de combatere. Materialele conferinței științifico-practice, 18-19 aprilie 2003. Chișinău: Academia Ștefan cel Mare, 2003. 436 с.
43. Наумкина С. М. Взаимозависимость процессов демократизации и стабилизации в современном мире. Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь: «Литера», 2002, с. 161-168.
44. Боцан И. Партии и демократизация Республики Молдова. /<http://www.e-democracy.md/ru/monitoring/politics/comments/20081203/> (10.11.2019)

45. Poporul și-a spus cuvântul. В: Moldova suverană, 12 martie 1994.
46. Конституция Республики Молдова. Декларация о независимости. Постановление КС № 36 от 5 декабря 2013 г. Chișinău: ARC, 2016. 164 с.
47. Коммунисты иллюзий не строят. Политический отчет Центрального Комитета ПКРМ VI съезду и задачи партии, представленный председателем партии Владимиром Ворониным. В: Независимая Молдова, 18 марта 2008.
48. Межуев В., Иноземцев В. Комментарий к Программе ПКРМ. В: Свободная мысль, 2008, № 1, с. 25-30.
49. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. (2006-2009)
50. Gorban A. Rolul participării politice în procesul de democratizare a Republicii Moldova. В: Moldoscopie. (Probleme de analiză politică), 2009, nr. 2 (XLV), с. 44-52.
51. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. Martie-aprilie 2008.
52. Peru-Balan A. Managementul PR-ului politic. Chișinău: Cartier, 2014. 320 с.
53. Благовещенский Н.Ю., Михайлова О.В., Сатаров Г.А. Структура общественного политического сознания. В: Общественные науки и современность, 2005, №2, с. 40-57.
54. Соловьев А.И. Технологии администрирования: политические резонансы в системе власти современной России. (Формирование демократической политической системы в современной России и послевоенной Германии. Материалы круглого стола, 7 октября 2004 г.). В: Политические исследования, 2004, № 6, с. 105-108.
55. Rusandu I. Puterea și opoziția politică – repere metodologice și practice. В: Modernizarea social-politică a Republicii Moldova în contextul extinderii procesului integraționist european. Chișinău: ÎS FEP „Tipografia Centrală”, 2018, с. 107-125.

**Глава 2. ПРОЦЕСС ДЕМОКРАТИЗАЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ОБЩЕСТВА**

1. Hans de Jonge. Strengthening democracy: role of external and internal factors. В: Puterea, democrația și tranziția în Moldova: între trecut și prezent. Chișinău: Tipografia AȘM, 2003, с. 39-43
2. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? В: Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 437-449.
3. Filipescu N. Occidentalizarea postcomunistă. București: Editura Polirom, 2002. 364 с.
4. Buscher K. Transformation of political system of Moldova: A balance sheet. В: Puterea, democrația și tranziția în Moldova: între trecut și prezent. Chișinău: Tipografia AȘM, 2003, с. 32-33.
5. Боцан И. Молдавскому обществу придется сдерживаться. Коммерсант plus, 4 декабря, 2009.
6. Политология. / А. Ю. Мельвиль и др. Москва: Изд-во Проспект, 2005. 624 с.
7. Кочетков В. В. К вопросу о суверенной демократии: анализ дискуссии. В: Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы круглого стола./ Под. ред. Федоркина Н. С., Карповой Н. Б. Москва: КДУ, 2009, с. 100-108.
8. Барулин В.С. Социальная философия. Москва: Издательско-торговый дом ГРАНД. 2002. 560 с.
9. Mitran I. Politologia în fața secolului XXI. București: Editura Fundației România de Măine, 1997. 248 с.
10. Карпова Н.В. Политико-культурный контекст российских реформ (историко-социологический сравнительный анализ). В: Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации. Материалы круглого стола. Москва: КДУ, 2009, с. 10-24.

11. Титаренко А. И. Антиидеи. Москва: Издательство политической литературы, 1984. 478 с.
12. Пляйс Я. А. Диалектика взаимодействия политических и партийных систем. Формирование демократической политической системы в современной России и послевоенной Германии. Материалы «круглого стола». В: Политические исследования, 2004, № 6, с. 102-115.
13. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. (2000-2019).
14. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2009, iunie.
15. Pascaru A. Valorile la confluența spațiilor culturale în societate. В: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe Politice, 2009, №1, p. 10-11.
16. Кривенко А. Молдова: страна массовой трудовой эмиграции. В: Discovering migration between Visegrad countries and Eastern Partners// HAS RCAES Geographical Institute. Budapest, 2014. с. 170-190. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php> (30.03.2016)
17. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2005, februarie.
18. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2016, octombrie.
19. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2017, aprilie
20. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2018, mai.
21. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2019, ianuarie.
22. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2008, aprilie.
23. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2002, martie.
24. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2003, aprilie.
25. Varzari P. Elita politică din Republica Moldova: realități și perspective. Chișinău: CEP USM, 2008. 135 С.
26. Чуря К. Политические режимы на постсоветском пространстве (на примере Молдовы и Грузии). В: Построение взаимопонимания в конфликтных регионах. Обмен опыта между Грузией и Молдовой. Chișinău: Bons Offices, 2008. 130 с.
27. Список_политических_партий_Молдовы. <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (10.11.2019)

28. King Ch. Moldovenii. România, Rusia și politica culturală. Chișinău: ARC, 2011. 304 p.
29. Peru-Balan A. PR-ul politic și comunicarea de criză în Republica Moldova. Chișinău: Imona Grup SRL, 2010. 105 C.
30. Josanu, Yu., Juc V. Schimbările de regim în Europa postcomunistă. В: Revista de Filozofie, Sociologie și Științe politice, 2007, №2, с. 79-86.
31. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. В: Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с.286-301.
32. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. В: Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 274-285.
33. Almond G., Verba, S. Cultura civică. Atitudini politice și democrație în cinci națiuni. București: Du-Style, 1996. 398 с.
34. Крауч К. Постдемократия. Москва: Издательский дом Госуниверситета-Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
35. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. (2008-2019).
36. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova, 2018, noiembrie.
37. Almond, G. Comparative Political Systems. В: Journal of Politics. 1956, voll. 18, №3, с. 391-409.
38. Ирхин Ю. В. Всемирный Конгресс политологов в Японии. «Работает ли демократия?». В: Политические исследования, 2006, №2, с. 32-50.
39. Инглхарт Р. Культура и демократия. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. В: Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 301-306.

40. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. Москва: Русская панорама, 2008, 680 С.
41. Dnitrenco S., Mocanu V., Rusandu, I. Societatea contemporană: aspecte social-economice și politice. Analiza opiniei publice. Chișinău: Știința, 2007.
42. Pîrțac Gr., Casiadi O., Porcescu S. Științe politice. Chișinău: Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, 2008. 346 с.
43. Muller E., Seligson M. Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships: В: American Political Science Review, 1994, № 88, с. 406-427.
44. Манойло А. В. Технологии несилового разрешения современных конфликтов. Москва: «Горячая линия-Телеком», 2014. 392 с.
45. Демократизация /Под ред. Харпфера К. В., Бернхагена П., Инглхарта Р. Ф., Вельцеля К. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. 708 с.
46. Крылова М.А., Шишкина Е.В. Электоральное поведение как проявление политической культуры современной России. В: Политическая культура современной России: состояние, проблемы, пути трансформации/ Под. Ред. Н.С. Федоркина, Н.В. Карповой. Москва: КДУ, 2009, с. 24-32.
47. Ирхин Ю.В. Политология: учебник. Москва: Издательство «Экзамен», 2007. 894 с.
48. Политология: учебник / Под ред. В.А. Ачкасова, В.А.Гуторова. Москва: Юрайт-Издат, 2006. 692 с.
49. Чувилина Н.Б. Выборы как фактор развития политико-властных процессов в странах СНГ: методологический аспект/ <http://www.politex.info/content/view/515/30/> (01.02.2016)
50. <http://www.news.tj/ru/news/tsentrziya-upravlyayemaya-demokratiya-mozhet-privesti-tolko-k-revoljutsii/> Центразия: Управляемая демократия может привести только к революции. (01.02.2018)
51. <!--[if !supportFootnotes]-->[2]<!--[endif]--> (01.02.2019)

52. <https://dreptmd.wordpress.com/mecanismul-electoral-al-republicii-moldova-esenta-evolutii-si-trasaturi-contemporane/> (14.11.2018).
53. <http://www.jurnal.md/ro/news/3d40b45865aff819/freedom-house-rm-printre-tarile-expuse-riscului-de-a-cadea-in-autoritarism.html> (19.04.2018)
54. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2016/moldova> (23.05.2019)
55. <https://www.europalibera.org/a/interview-igor-botan-vasile-botnaru-dialog-parliament-reforms-elections-people/28438982.html> (15.02.2018)
56. <http://independent.md/cronologie-traseism-politic-2014-2017-pldm-s-a-destamat-lent-pcrm-intr-o-singura-zi-iar-pd-a-crescut-ca-pe-drojii/#.WnweXIR18dU> (15.02.2018)
57. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. 2017, noiembrie.
58. Ion Meleştean. Traseismul politic al primarilor în Republica Moldova (2011-2017). <http://aap.gov.md/files/publicatii/revista/articole/95/Melestean.pdf> (22.02.2018)
59. <http://www.jurnal.md/ro/politic/2017/5/31/coruptia-si-traseismul-politic-printre-riscurile-sistemului-electoral-promovat-de-tandemul-pd-psrm-nu-conteaza-cine-castiga-dar-sa-l-aduci-pe-cel-care-a-castigat-in> (13.02.2018)
60. <https://anticoruptie.md/ro/stiri/comisia-de-la-venetia-despre-sistemul-de-vot-mixt-exista-riscuri-de-vulnerabilitate-la-influente-ale-intereselor-de-afaceri> (27.03.2018)
61. <http://actualitati.md/pravda-o-moldavskoj-izbiratelnoj-si> (06.02.2018)
62. <http://a-tv.md/index.php?newsid=27932> (06.02.2018)
63. Фадеева Л. «Электоральная культура»: теоретический конструкт или очередная концептуальная натяжка? // <http://www.vibory.ru/analit/REO-5/Fadeeva.pdf> (10.11.2019).
64. Procesul electoral în Republica Moldova: realități, tendințe și perspective. Chișinău: Princeps, 2015. 288 с.

65. Roșca A. Algoritmi ai tranziției: aspecte social-filozofice. Chișinău: Tipografia A.Ș.M., 2007. 300 p.
66. <https://freedomhouse.org/report/nations-transit/nations-transit-2017> (19.04.2018)
67. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. (2010-2017).
68. Поалелунжъ О. М. Молдова в потоке международной миграции /Миграция_Интернет/Молдова%20в%20потоке%20международной%20миграции.html (14. 06.2018)
69. Кертман Г. Л. Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре. В: Институциональная политология / Под ред. С.В. Партушева. Москва, 2006, с. 437–441.
70. Raporturile dintre stat și societatea civilă în Republica Moldova în contextul realizării reformelor democratice. Chișinău: Tipografia Centrală, 2014. 248 p.
71. Римский В. Клиентелизм как фактор электорального поведения российских граждан // <http://www.politnauka.org/library/russia/rimsky.php> (02.02.2018)
72. Белоусова М.П. Мифологическая реальность избирателя. В: Вестник Института Кеннана в России. Вып. 13. Москва, 2008, с. 19–23.
73. Braga L. Formarea climatului politic conflictogen ca tehnologie eficientă de dirijare a procesului electoral în Republica Moldova. В: Rolul mass-mediilor în procesul electoral. Chișinău, 2017, с.147-158.
74. Bartels L. M. The Study of Electoral Behavior // <http://www.princeton.edu/~bartels/papers.htm> (10.11.2017)
75. Гельман В. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. //http://www.eu.spb.ru/images/M_center/Electoral_Authoritarianism_in_Russia.pdf (11.03.2019)

Глава 3. «НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ» И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

1. Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука. Ежегодник 2012. Москва: РОССПЭН, 2012. 446 с.
2. <http://independent.md/igor-munteanu-ne-prabușim-într-unregim-autoritar-interesul-politic-mai-presus-decît-cel-public> (23.01.2019)
3. <http://stiri24.md/vicepresedinte-pldm-republica-moldova-risca-sa-ajunga-un-stat-autoritar-camuflat-de-tip-hibrid/> (23.01.2019)
4. <http://actualitati.md/md/socialistii-sunt-indignati-de-pozitia-autoritara-a-guvernarii-care-atenteaza-asupra-valorilor-democratice-in-special-libertatea-de-exprimare-in-rm> (23.01.2019)
5. <http://www.jurnal.md/ro/politic/2017/6/20/oazu-nantoi-daca-acest-proces-cinic-de-schimbare-a-sistemului-electoral-nu-va-fi-oprit-vom-face-un-pas-ireversibil-spre-un-> (23.01.2019)
6. <https://rosianvasiloi.blogspot.com/2019/01/o-noua-cadere-republicii-moldova-in.html> (21.01.2019)
7. Брага Л. Эволюция электоральной культуры в Республике Молдова в контексте процессов демократической модернизации. В: Modernizarea social-politică a Republicii Moldova în contextul extinderii procesului integraționist european. Chișinău: ÎS FER Tipografia Centrală, 2018, с. 126-153.
8. Демократизация /Под ред. Харпфера К., Бернхагена П., Инглхарта Р., Вельцеля К. Москва: Издательский дом высшей школы экономики, 2015. 708 с.
9. Наумкина С.М. Взаимозависимость процессов демократизации и стабилизации в современном мире. В: Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь: Перспектива, 2002, с. 161-168.
10. Barometrul Opiniei Publice. Republica Moldova. (2010-2019).

11. Ирхин Ю. В. Всемирный Конгресс политологов в Японии. Работает ли демократия? // В: Политика, 2006, № 2, с. 32-50.
12. Крауч К. Постдемократия. Москва: Издательский дом Госуниверситета – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
13. <http://tv8.md/2019/02/06/freedom-house-democratia-din-lume-in-declin-cum-sta-moldova-la-acest-capitol/> (10.05.2019)
14. <https://rubic.us/otchet-freedom-house-pokazal-rost-avtoritarizma-v-evrazii/> (13.02.2019)
15. <http://infoprut.ro/49810-freedom-house-rep-moldova-risc-de-alunecare-in-autoritarism-coruptia-ramane-marea-problema.html> (02.02.2019)
16. Новый авторитаризм в современном мире // <http://www.polit.psu.ru/190909.htm> (02.02.2019)
17. Авторитаризм 2.0. Исследование Freedom House нашло в России новый тип авторитаризма // https://www.gazeta.ru/politics/2009/06/04_a_3206755.shtml (21.01.2019)
18. Кузь, М. Новый авторитарный мир// <https://inosmi.ru/world/20140322/218865194.html> (21.01.2019)
19. Dăianu D. “Democrație liberală” vs. “democrație iliberală”. De ce cresc înclinațiile autoritariste? // <http://cursdeguvernare.ro/daniel-daianu-democratie-liberala-vs-democratie-iliberala-de-ce-cresc-inclinatiile-autoritariste.html> (21.01.2019)
20. Нисевич Ю. А., Рябов А.В. Современный авторитаризм и политическая идеология // <https://www.hse.ru/data/2016/07/27/1118895500/Полис%20Современный%20авторитаризм%20и%20политическая%20идеология.pdf> (21.01.2019)
21. Гельман В. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // http://www.eu.spb.ru/images/M_center/Electoral_Authoritarianism_in_Russia.pdf. (15.03.2018)
22. Конституция Республики Молдова. Декларация о независимости. Постановление КС №36 от 5 декабря 2013 г.: Конституционный блок/ Конституционный суд Республики Молдова. Chișinău: ARC, 2016. 164 с.

23. <http://tv8.md/2019/02/06/freedom-house-democratia-din-lume-in-declin-cum-sta-moldova-la-acest-capitol/> (21.02.2019)
24. Moldova losing ground in civil freedom rating – Freedom House. <http://www.infotag.md/populis-en/272155/> (15.03.2019)
25. <http://www.jurnaltv.md/news/31285001ea14d9cb/freedom-house-moldova-minus-3-pozitii.html> (12.03.2019)
26. <http://jurnal.md/ro/politic/2015/8/11/secretarul-general-al-coe-despre-republica-moldova-in-new-york-times-acest-stat-capturat-de-oligarhi-trebuie-sa-fie-intors-cetatenilor/> (15.09.2017)
27. <http://jurnal.md/ro/politic/2015/8/14/rm-tot-mai-des-in-vizorul-intregii-lumi-global-research-despre-dictatura-oligarhilor-in-frunte-cu-plahotniuc-si-transformarea-moldovei-in-stat-feudal/> (15.09.2018)
28. <http://jurnal.md/ro/politic/2015/9/28/socor-democratia-a-esuat-in-republica-moldova-avem-de-a-face-cu-un-proces-de-prabusire-a-statului/> (15.09.2017)
29. <http://www.jurnal.md/ro/politic/2015/8/12/republica-moldova-stat-capturat-deja-oficial/> (15.09.2017)
30. Puterea politică și coeziunea socială în Republica Moldova din perspectiva integrării europene. Chișinău: Print-Caro SRL, 2010, 222 c.
31. Молдова – на 117 месте из 180 в рейтинге Индекса восприятия коррупции. <http://www.vedomosti.md/news/moldova-na-117-m-meste-iz-180-v-rejtinge-indeksa-vospriyatij> (10.08.2019)
32. Илан Шор: Молдове необходим капитальный ремонт. Из блиц-интервью И. Шора агитационной газете партии «Шор» от 4 марта 2019 года (политическая реклама).
33. Брага Л. Модель «урезанной демократии» в электоральном измерении. В: Revista de Filosofie, Sociologie și Științe Politice, 2017, nr.1 (173), c. 75-89.
34. The Economist: Moldova e o Republică prezidențială tipic birocratică și autoritară. <http://www.interlic.md/2007-05-17/739-739.html> (23.01.2019)

35. Inițiativa partidelor de opoziție pentru consolidarea societății contra regimului autoritar instalat în Republica Moldova. <http://www.edemocracy.md/parties/docs/joint/200611011/>
36. Freedom House представил рейтинг уровня демократизации стран на 2018 год, назвав его «кризисом демократии». <http://actualitati.md/freedom-house-vkljuchil-moldovu-v-spisok-chastichno-svobodnyh-stran> (21.01.2019)
37. <http://epochtimes-romania.com/news/clasamentul-democratiilor-r-moldova-continua-sa-se-indrepte-spre-grupul-regimurilor-autoritare---282828> (22.02.2019)
38. <http://infoprut.ro/49810-freedom-house-rep-moldova-risc-de-alunecare-in-autoritarism-coruptia-ramane-marea-problema.html> (21.01.2019)
39. <https://www.zdg.md/stiri/stiri-sociale/raport-freedom-house-r-moldova-in-continuare-o-tara-partial-libera/comment-page-1> (22.02.2019)
40. <http://newsmaker.md/rus/novosti/turbern-yagland-v-moldove-est-problema-s-ochen-bogatymi-lyudmi-v-politike-31645> (13.08.2019)
41. <https://revista22.ro/interviu/ileana-racheru-republica-moldova-de-la-autoritarism-la-dictatură> (21.01.2019)
42. Чувилина Н.Б. Выборы как фактор развития политико-властных процессов в странах СНГ: теоретико-методологический аспект. <http://www.politex.info/content/view/515/30/> (15.11.2017).
43. Comisia de la Veneția analizează modificarea sistemului electoral din Moldova. <https://www.europalibera.org/a/experti-comisiei-de-la-venetia-legislatia-electoral/29104281.html> (13.08.2019)
44. <http://www.ld.md/ro/stiri/presedintele-ppe-josef-daul-numai-intr-o-tare-autoritara-puterea-judecatoreasca-poatignora-fara-motiv-vointa-poporului> (23.01.2019)
45. <http://www.jurnal.md/ro/politic/2017/6/20/oazu-nantoi-daca-acest-proces-cinic-de-schimbare-a-sistemului-electoral-nu-va-fi-oprit-vom-face-un-pas-ireversibil-spre-un-> (23.01.2019)

46. <https://radiochisinau.md/experti-atlantic-council-in-rmoldova-persista-riscul-instaurarii-unui-regim-autoritar-condus-de-oligarhi---75022.html?fbrefresh=1537337555> (23.01.2019)
47. Interviu cu Oana Popescu, directoare la Global Focus Center Romania: „Oamenii vor o figură autoritară, care poate impune stabilitatea”. Radio Europa Liberă <http://www.ape.md/2018/05/interviu-cu-oana-popescu-directoare-la-global-focus-center-romania-oamenii-vor-o-figura-autoritara-care-poate-impune-stabilitatea-radio-> (21.01.2019)
48. Dezamăgirea populației din Republica Moldova poate aduce la putere un regim autoritar. <http://epresa.md/stirile-zilei-dezamăgirea-populației-din-Republica-Moldova-poate-aduce-la-putere-un-regim-autoritar> (21.01.2019)
49. Vestul vrea un regim autoritar în Republica Moldova. <https://octavianracu.wordpress.com/2012/05/25/vestul-vrea-un-regim-autoritar-in-republica-moldova/> (21.01.2019)
50. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 320 С.
51. Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека. В: Современное русское зарубежье. Антология. Том шестой. Книга вторая. Социология. Москва: Академика, 2010, с. 513-525.
52. Штомка П. Социальное изменение как травма. В: Социальные Исследования, 2001, № 4, с. 6-16.
53. Paladi G., Gagauz O., Penina O. Îmbătrânirea populației în Republica Moldova: consecințe economice și sociale. Chișinău: Policolor SRL, 2009. 208 С.
54. Moldova, statul cu cea mai mare rată de scădere a populației din lume. BBC: Patru cetățeni părăsesc țara la fiecare oră// <https://zugo.md/article/moldova--statul-cu-cea-mai-mare-rata-de-scadere-a-populatiei-din-lume--bbc--patru-cetateni-parasesc-tara-la-fiecare-ora.htm> (21.11.2018)

55. <https://ru.sputnik.md/society/20170331/11911618/oficialnye-dannye-perepisi-naselenie-moldovy-silno-sokratilos.html> (16.10.2018)
56. Gagauz O. Îmbătrînirea demografică și impactul asupra structurii sociale. В: *Inegalități sociale în Republica Moldova. Constituirea clasei de mijloc. Studiu sociologic*. Chișinău: ÎS FEP “Tipografia Centrală”, 2017, с. 75-81.
57. Stratificarea socială în condițiile transformării societății din Republica Moldova. Chișinău: ÎS FEP “Tipografia Centrală”, 2014. 272 с.
58. Poalelungi O. Particularitățile reglementării proceselor migraționale. В: *Republica Moldova: provocările migrației*. Chișinău: Î.E.P. Știința, 2010, с. 123-135.
59. Глебова И.И. Политическая культура современной России: облики новой русской власти и социальные расколы. В: *Политические Исследования*, 2006, №1, с. 33-44.
60. Брага Л. Роль демократических институтов в развитии духовной культуры общества. В: *Funcționarea instituțiilor democratice în statul de drept*. Chișinău. ÎS FEP “Tipografia Centrală”, 2003, с.487-494.
61. Титаренко А.И. Антиидеи: опыт социально-этического анализа. Москва: Издательство политической литературы, 1984. 478 С.
62. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. В: *Политология: Хрестоматия / Сост. Б.А. Исаев, А. С. Тургаев, А. Е. Хренов*. Санкт-Петербург: Питер, 2006, с. 286-301.
63. Шестопал Е. Б. Политическая психология. Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 368 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. Москва: АСТ, 2008. 570 с.

2. Диалог цивилизаций и посткризисный мир /Под ред. Н. С. Кирабаева, Ю. М. Почты, В. Г. Иванова. Москва: РУДН, 2010. 440 с.
3. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 320 с.
4. Крауч К. Постдемократия. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
5. Политология. Под. ред. Ачкасова, В. А., Гуторова, В.А. Москва: Юрайт-Издат, 2006. 692 с.
6. Dmitrenco S., Mocanu V., Rusandu I. Societatea contemporană: aspecte social-economice și politice. Analiza opiniei publice. Chișinău: Știința, 2007. 168 p.
7. Ioan Jude. Cultura politică – efect al educației și socializării politice. Paradigmele și mecanismele puterii. București: Editura Științifică și Pedagogică, R.A., 2003. 471 p.

Bun de tipar 13.03.2020. Formatul 14,5 × 20,0
Hîrtie ofset nr. 1. Coli de tipar 21,0. Coli de autor 18,0

Î. S. Firma Editorial-Poligrafică „Tipografia Centrală”,
MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1;